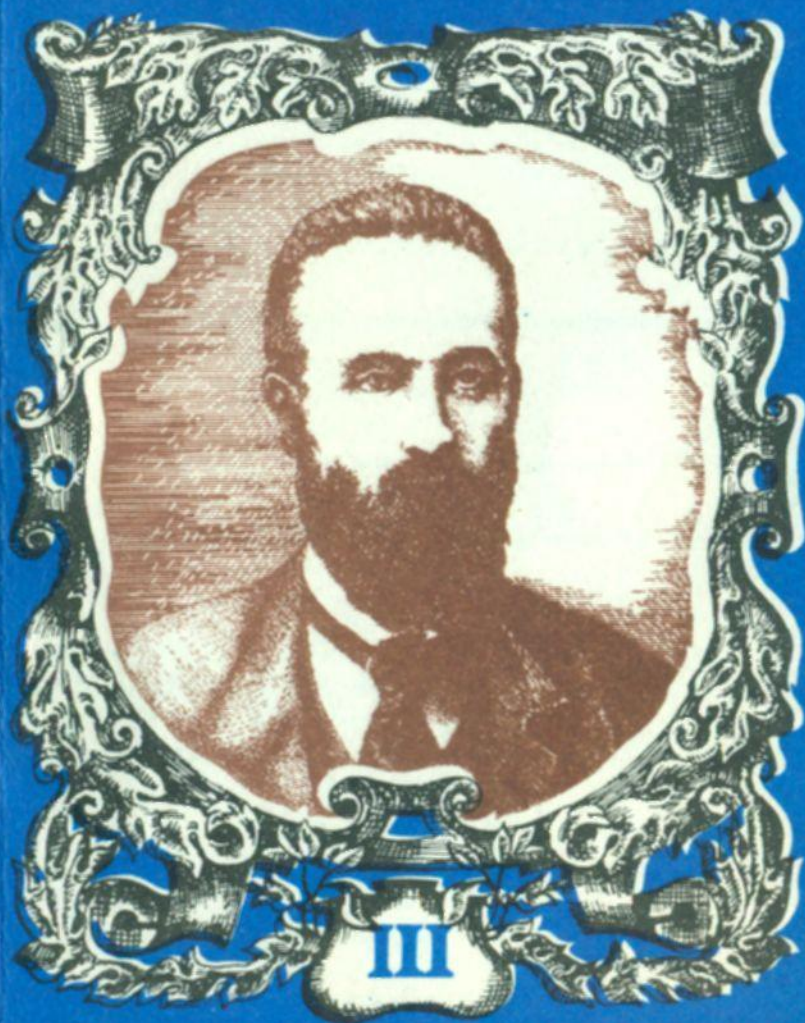

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

БЮЛЛЕТЕНЬ

1901

Посвящается 125-летию
Бронислава Пилсудского

**ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ САХАЛИНА
И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ**

Сахалинский областной
краеведческий музей

Сахалинское отделение
Всероссийского фонда культуры

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ 3
БЮЛЛЕТЕНЬ 1991

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — М. С. Высоков.

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов, В. М. Латышев, М. М. Прокофьев, О. А. Шубина (ответственный секретарь).

Адрес редакции: 693010, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, 29. Сахалинский областной краеведческий музей.

Телефон редакции: 3-48-35.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Брониславе Пилсудском	3
ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Б. ПИЛСУДСКОГО	8
Мифологические тексты нивхов. Подготовка к изданию и предисловие Островского А. Б.	8
Отчеты об айнских школах на Южном Сахалине. Подготовка к изданию и предисловие Латышева В. М.	53
Фольклор айнов. Перевод Дракунова В. М.	69
СТАТЬИ	
Проказа у гиляков и айнов. Перевод Дракунова В. М.	85
Маевич А. Исследователь и друг народов Сахалина. Перевод Переславцева В. В.	98
Высоков М. С. Научное наследие Б. Пилсудского и судьбы народов Сахалина	110
Адами Н. Р. Заметки о первобытном обществе у айнов. Перевод Переславцева В. В.	128

СЛОВО О БРОНИСЛАВЕ ПИЛСУДСКОМ

9 августа 1887 г., в воскресенье, которое было удивительно солнечным и ясным, из поста Александровского медленно двинулась в Тымовский округ колонна ссыльнокаторжных, насчитывающая около 200 человек. Накануне они прибыли в плавучей тюрьме на пароходе «Нижний Новгород», пройдя изнурительный путь через два океана из Одессы. Измученным людям потребовалось четыре дня, чтобы через перевал добрести до с. Рыковского. Трудно, просто невозможно было тогда предположить, что пройдет время, и в 1991 г. на Сахалине будет отмечаться 125-летие со дня рождения одного из несчастных, конвоируемых в Рыковскую тюрьму. Но именно так начинался очень далекий от традиционного путь в науку у Бронислава Осиповича Пилсудского, для которого Сахалин стал и каторжной тюрьмой, и своеобразным университетом, и научной лабораторией.

Б. О. Пилсудский родился 21 октября 1866 г. в местечке Зулово Виленской губернии в семье состоятельного польского дворянина. В 1886 г., студент первого курса юридического факультета Петербургского университета, Бронислав Пилсудский примкнул к «террористической фракции партии «Народная Воля», которую создали студенты этого же университета П. Я. Шевырев и А. И. Ульянов. После неудачного покушения в марте 1887 г. на императора Александра III все 15 участников заговора были арестованы и приговорены к смертной казни. В начале мая 1887 г. в Шлиссельбургской крепости организаторы покушения П. Я. Шевырев, А. И. Ульянов, В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин были казнены, остальных заточили в крепость или отправили на каторжные работы.

Б. О. Пилсудскому смертный приговор был заменен 15 г. д. каторги на Сахалине. Впоследствии он пересмотрел свое отношение к террору, осудив его, но стремление стать на сторону униженных, внести свой вклад в завоевание демократических свобод и прогрессивных преобразований остались главными для него. Значительно позже, уже находясь на свободе, он писал: «Я всегда стремился жить и поступать так, чтобы не быть в числе ненавистных утеснителей личных и национальных прав».¹

¹ Пилсудский Б. Материалы для изучения айнского языка и фольклора. — Краков, 1912. — С. VII (на англ. языке).

На Сахалине Б. О. Пилсудский был отправлен в Рыковскую каторжную тюрьму. Работал на раскорчевке леса, скотником, плотником, затем на метеостанции, в канцелярии и на других работах. Не отличаясь крепким здоровьем, он мужественно переносил все тяготы, проявляя при этом удивительную выносливость и пользуясь среди заключенных, по воспоминаниям товарищей-политкаторжан, «наибольшей симпатией».¹ Оказалось, что на каторге самым страшным были не каторжные работы, а хорошо продуманная система унижения и подавления человеческого достоинства, результатом которой становилась полная деградация личности. В этих условиях нужно было не только выжить, но и не потерять себя, реализовать юношеские устремления к добру, найти возможность принести пользу. Поиск такого пути приводит его к коренному населению острова — нивхам, а позже к айнам и орокам. «Мне было приятно, — отмечал он, — принести радость и надежду на лучшее будущее в помыслы этих простых соплеменников,² тревожащихся о тяготах жизни, которые постоянно росли».

Влечение к коренному населению Сахалина перерастает в устойчивый интерес к этнографии, к исследовательской работе. Не имея научной подготовки, почти полностью лишенный возможности работать со специальной литературой, Б. О. Пилсудский сумел собрать огромный материал, ставший затем базой для его многочисленных научных работ. Понимая, насколько важен для этнографа фактор знания языка, он в совершенстве изучил нивхский, айнский языки, свободно общался с ороками. Еще до сих пор не опубликованы сотни страниц с его записями фольклора этих народов.

В 1898 г. Б. Пилсудский опубликовал в «Записках Приамурского отдела Русского Географического общества» статью «Нужды и потребности сахалинских гиляков». В ней нашли отражение многолетние наблюдения бедственного положения небольшого народа, раздумья о его причинах, горячий призыв к помощи, конкретные предложения по ее оказанию. Статья вызвала большой резонанс в общественных и научных кругах Дальнего Востока. Большой отзыв о ней был опубликован в газете «Владивосток» за 1 августа 1899 года. Прошло почти сто лет, но многие вопросы, поднятые Б. О. Пилсудский, актуальны и сейчас. Он оказался прав, когда предполагал,

что предлагаемые им меры по улучшению положения жизни нивхов будут восприняты как «слишком широкие и трудноисполнимые меры». По-видимому, сейчас в наше переломное время сахалинцам стоит внимательно изучить эту работу и прислушаться к голосу ученого, который обращался «...к чувству жалости и человеколюбия тех, от которых зависит дальнейшее направление колонизации острова».

В 1899 году Общество Изучения Амурского Края добилось переезда Б. О. Пилсудского, переведенного к этому времени из разряда каторжных в ссыльно-поселенцы, во Владивосток для работы в музее Общества. Здесь он получил возможность полностью посвятить свое время науке. В 1902 году он снова возвращается на Сахалин, но теперь уже по командировке Академии Наук, которая направила его на остров для сбора этнографических коллекций у айнов и ороков. Время, проведенное здесь до 1905 г., было чрезвычайно плодотворным. Многие работы, написанные Б. О. Пилсудским по материалам этой командировки, выдвинули его в число ведущих айноведов мира. Собранные коллекции являются сейчас уникальными в собраниях музеев Ленинграда, Владивостока, Южно-Сахалинска.

В это же время, работая на Сахалине, он подготовил по просьбе администрации острова «Проект правил об устройстве управления айнов о. Сахалина». 28 пунктов «Проекта...» охватывали все стороны жизни айнских селений. Разработанные вопросы административного управления, здравоохранения, образования, судопроизводства, по мнению Б. О. Пилсудского, должны были дать «прочную основу для разных мероприятий экономического характера», имеющих целью поднять «духовно отставшее в ряду прочих человеческих рас племя». Русско-японская война 1904—1905 гг. помешала реализации этого проекта. Болью ученого за судьбы народа, стоящего на более низкой стадии развития, стремлением помочь ему отмечена также малоизвестная работа, сделанная Б. О. Пилсудским по устройству первых айнских школ на юге Сахалина. Успешно работавшие школы для детей айнов были им открыты в селениях Найбучи, Маука, Найеро, Сиянцы.

Результатом напряженной работы ученого в 1902—1905 гг. на Сахалине стала первая научная работа, специально посвященная орокам — самой малочисленной и наименее изученной народности из коренного населения острова. К сожалению,

¹ Миротлюбов И. П. Восемь лет на Сахалине. — СПб, 1907. — С. 39.

² Пилсудский Б. О. Указ. соч. — С. VII.

эта ценная работа, содержащая много оригинальных мыслей и выводов, была опубликована совсем недавно.¹

В 1905 г. Б. О. Пилсудский получил разрешение вернуться на родину. Из Владивостока он едет в Японию, где знакомится с японскими учеными и их работами. Внимательно следя за революционными событиями в России, он пишет друзьям во Владивосток: «Потеряв надежду на скорое превращение России в правовое государство и на возможность жить в ней спокойно, я решаю направиться в другие страны».² Через Америку и Европу он едет в австрийскую Польшу, поселяется в Кракове, затем в Закопане, Львове. «...Здесь жить страшно трудно, — пишет он во Владивосток. — Единственные мои познания здесь вовсе не ценятся».³ В заботах о средствах существования проходят долгие годы. Являясь известным специалистом по этнографии коренных народов Сахалина, он не может получить работу ни в одном европейском университете. Но все же Б. О. Пилсудский интенсивно занимается научной работой, много времени уделяет общественной деятельности. Его научные статьи выходят во Франции, Англии, России, Японии, Швейцарии, Австрии, США.

После начала первой мировой войны Б. О. Пилсудский уезжает в Вену, затем в Швейцарию. Через некоторое время он переезжает в Париж. Здесь 17 мая 1918 года его жизнь трагически оборвалась. Он утонул в р. Сене. В документах парижской полиции указывается, что причиной смерти явилось самоубийство в результате болезни.

В 1991 году исполняется 125 лет со дня рождения Б. О. Пилсудского. Оставив глубокий след в науке, он внес прежде всего ценнейший вклад в изучение коренного населения Сахалина. Пятнадцать лет, прожитых на Сахалине, были посвящены разносторонним научным поискам. Сбор многочисленных этнографических коллекций, фольклорных текстов, лингвистические исследования, метеорологические наблюдения и открытие новых метеостанций, работа по созданию музея, просветительская деятельность сочетались с напряженной исследовательской работой, заложившей основы в изучение этногенеза айнов, давшей прекрасные образцы анализа хозяйства,

общественного быта и культуры аборигенов острова.

Работы Б. О. Пилсудского по праву получают в наше время как бы вторую жизнь, являясь ценнейшим источником того недалекого прошлого, но уже ставшего другой эпохой.

В. М. Латышев.

¹ Пилсудский Б. Из поездки к срокам Сахалина в 1904 г., Препринт. — Южно-Сахалинск, 1989.

² АПФ ГО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 79.

³ АПФ ГО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 78.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ НИВХОВ

В архиве Ленинградского отделения АН СССР в фонде Л. Я. Штернберга (ф. 282, оп. 1, ед. 142) хранятся фольклорные тексты нивхов, записанные Б. О. Пилсудским на северо-востоке Сахалина в 1890 г. В общей сложности—183 листа, из которых большая часть заполнена с обеих сторон. Только четыре текста были опубликованы Л. Я. Штернбергом, в числе собранных им самим, в его «Материалах по гиляцкому языку и фольклору», СПб., 1908.

Познакомившись в 1891 г. с Л. Я. Штернбергом, также посланным на север Сахалина, в соседний округ, Пилсудский под его влиянием с осени 1893 г. начал записывать нивхские *тылгунд* — мифы, мифологические предания. Одновременно с записью текстов он изучает лексику, вычленяет грамматические категории¹ — о чем свидетельствуют записи на полях. С помощью своих информаторов скрупулезно записывает русский перевод, слово под словом; информаторы — Чурка, Ниспайн (сын шамана из другой деревни) подолгу живут у него, иногда со своими родственниками.²

Видимо, работа шла нерегулярно, однако в 1899 г., по свидетельству собирателя, уже было «много песен, свыше 100 сказов». В этом же письме к Л. Штернбергу он отмечает, что его записи «годятся только для свободного перевода и уяснения смысла, за лингвистическими тонкостями я не гнался».³ Спустя 3 года, уже будучи сотрудником музея во Владивостоке, в письме к Штернбергу, с которым в течение всей жизни сохранялась научная и дружеская переписка, признается, что «в дебри фонетики» не хочет углубляться, более интересуется «живыми и имеющими отношение к жизни гиляков вопросами».⁴ — в силу чего решил все собранные им нивхские тексты переслать Штернбергу для подготовки к публикации. Тексты были высланы в 1903 г.

Неопубликованные тексты Б. О. Пилсудского насчитывают более 300 страниц. Почти все они снабжены русским переводом, сделанным собирателем совместно с информаторами. Только небольшая часть текстов, менее четверти, прошла лингвистическую обработку Штернберга — об этом можно судить на основе специфических диокритик, введенных им для более точного транскрибирования довольно сложной нивхской фонетики. Полагаем, что Штернберг не успел завершить обработку, ведь немало и им записанных текстов осталось не подготовленными к публикации, даже не переведенными.

Ниже мы попытаемся дать представление о научной значимости собранных Пилсудским текстов. Всего фольклорных текстов более 70 (мы указываем приблизительно, так как несколько текстов носят характер коротких незавершенных фрагментов), включая и четыре текста, опубликованных Штернбергом.¹ По жанру они разнообразны: преобладают мифологические повествования — *тылгунд* (более, чем три четверти), несколько *настунд* — миф-импровизация, несколько кратких *кер-аинд* — эпос; имеются три сказки о животных. Кроме того, записано несколько басен (три), пословиц (четыре) и загадок (шесть).

До настоящего времени изучение мифологии нивхов, начатое Штернбергом и Пилсудским, не продолжено ни фольклористически — путем выделения основных тем, мотивов нарратива, описания структуры, ни этнографически — через соотнесение с обрядами и ранними верованиями, этноэкологическими представлениями. Для качественной оценки записей Пилсудского попробуем соотнести их, в этих двух планах, с опубликованными текстами Штернберга.

К своеобразию нивхской мифологии следует отнести нередкое отсутствие в тексте какой-либо частной этиологической темы. Наряду с мифом об установлении на земле одного солнца и одной луны, а также — с группой мифов об удаче в охоте, разбогатении, благодаря женитьбе на лесной (либо морской, небесной) женщине, в прочих, составляющих большинство, какого-либо «венца» в повествовании нет. Речь там идет о сражении нивхов (иногда айнов, ороков) с обитателями других

¹ Письмо Б. О. Пилсудского — Л. Я. Штернбергу от 11 дек. 1893 г.// ААН. — ф. 282. — Оп. 2. — Д. 233. — Л. 20.

² Там же. — Л. 28 об.

³ Там же. — Л. 61 об. — 62.

⁴ Там же. — Л. 70 об.

¹ Кроме текста № 19, на что указано Штернбергом в его публикации 1908 г., записаны Пилсудским также №№ 20, 32, 36 — См.: ААН. — ф. 282. — Оп. 1. — Д. 142. — Лл. 179-179 об., 108—110 об., 10—12.

космологических локусов — с горными (таежными)¹ людьми, с морскими, небесными, либо подземными людьми, а также с зловредными существами, обитающими во всех этих четырех сферах — *милк*, *кинз* и с людоедами — *уньрик*, встречающимися и на земле. Благодаря успешным сражениям, люди как бы расчищают от своих биологических врагов различные космологические локусы, отвоевывают сферы жизни, а также охоты и рыболовства. В качестве мотивов повествования чаще всего выступают: отражение нападения людоедов и обитателей других, нечеловеческих локусов; возвращение украденных ими у человека жены, родственников; добывание себе в жены обительницы другого локуса; спасение из западни; состязание в силе и другие.

Поскольку мотивы, темы по большей части сводятся к освоению людьми всей космологической реальности, то для логико-семантической структуры мифа особое значение имеют предметы (природные, рукотворные или фантастические), которые выполняют, реально или символически, ключевую функцию в процессе коммуникации людей с обитателями других сфер. В нивхских мифах встречаются две категории структурно-значимых предметов: 1) предметы-медиаторы — например, железная листовница, растущая от земли до неба; либо железная сабля, которой герой убивает слишком много зверей, нарушая равновесие, на что обижаются горные люди; 2) предметы, символизирующие центр определенной сферы, либо границу двух сфер — например, дом на горе, дом на морской отмели, утес в устье реки.

Практически все темы, мотивы, а также структурно значимые предметы, которые встречаются в текстах Штернберга, мы обнаружили и в записях Пилсудского, — в этом смысле они в равной мере богаты, хотя тексты последнего более кратки. Обширный корпус записей, которые дополнительно можно ввести в оборот, позволяют сформировать необходимый для интерпретации контекст, выявляя логические связи внутри самой мифологической семантики. Такой контекст особенно важен в случае анализа нивхских мифов, так как они весьма ма-

¹ Нивхское слово пал(палн) (отсюда пал нивх) используется равно для обозначения и леса, и гор; по контексту речь чаще всего идет о горной тапге; для обозначения безлесной горы есть специальный термин. Исследователи нивхского традиционного мировоззрения Л. Я. Штернберг и С. Л. Крейнович обычно переводят данное слово как «горный человек».

ло связаны с обрядовой практикой на период конца XIX — начала XX вв., представляют собой довольно автономную семантическую систему, с которой, в свою очередь, можно было бы соотносить фрагментарные этноэкологические представления и верования.

Покажем, что дает совместное рассмотрение вариантов от разных собирателей. Сопоставим один из *тылгунд* Пилсудского — условно озаглавленный нами «Каменный дом-западня. Женщины с *vagina denlata*» с весьма близким к нему № 17 опубликованных «Материалов...» Штернберга.

В мифе, записанном Пилсудским, четыре последовательных эпизода: 1) шестеро человек на лодках попадают в отдельно стоящий на берегу дом, в сенях дома стоит длинный сундук с птичьими головами; в комнате — другой сундук, в котором лежит голый старик-кынз; он успевает схватить одного человека; 2) добравшись, уже впятером, до другого дома на берегу, попадают к людоедам, в каменный дом-западню; удается выбраться, просверлив камень железной саблей, хранившейся в доме в длинном сундуке; 3) прибыв в селение, попадают к женщинам, у которых на половых органах имеются зубы; один из товарищей погибает; остальные спасаются, сточив эти зубы камешками; 4) прибывают к мысу, похожему на руку, где их встречает хозяин моря; накормив их, отправляет их назад в лодке, похожей на сундук, сделанный из *на^ныри* — кожи животного.

Миф имеет логическую законченность, благодаря значительной связности его элементов. Только в последнем эпизоде к людям дружелюбно настроен хозяин, в первых трех они едва не становятся объектом добычи людоедов (в третьем эпизоде, где женщины с зубами в *vagina*, — метафорически). Во втором и третьем эпизодах людям подстраивается западня; каменный дом без дверей, *vagina* с зубами — спастись удастся, лишь используя более твердый материал, соответственно, железную саблю и камни.

Безусловно, также соотнесены, а точнее, поэлементно противопоставлены, первый с четвертым эпизодом; одинокий том, в котором лежит без одежды хозяин (дом на пристани с большим числом строений, вещей, хозяин огромного роста), динамика по вертикали; птичьи головы (рыбья чешуя); деревянный сундук, кожаный сундук), наконец, хозяин лишается руки (хозяин присоединен к руке): метафорически: мыс, на котором он сидит, похож на руку. Из того, что спящий старик

связан с птицами, можно предположить, что он небесный человек (поскольку и в мифологии, и в верованиях нивхов только четыре стихии или мира — горная тайга, море, небесный и подземный мир¹), но это требует подтверждения, тем более, что остается совершенно не проясненным, почему в первом эпизоде старик-хозяин спит и почему деревянный ящик может быть его атрибутом.

Интерпретация становится возможной, если обратиться к опубликованному варианту, т. е. к тексту № 17 Штернберга. Все 4 эпизода там такие имеются; третий и первый эпизоды поменялись местами, но это ничего не меняет в структуре мифа. Существенны другие два изменения. Во-первых, вместо спящего старика — старик, требующий, чтобы гости в течение 8 суток рассказывали *тылгунд*, *настунд* — иначе он их убьет и съест, его же все это время будет поддерживать *кхор* (дух бодрости, из класса подземных людей, как поясняет Штернберг); пока договаривались о таком состязании, из лодки исчезли руль, весла и уключины. Во-вторых, в четвертом эпизоде морская хозяйка отправляет людей к своему сыну, который, по ее распоряжению, должен их отвезти домой, а по дороге к нему им приходится миновать, не останавливаясь, людей, сросшихся спинами.

Начнем с пропажи оборудования лодки. В результате этого, оставаясь средством передвижения, она уподобляется деревянному ящику. Вместе с тем, и ящик, как это видно было выше, может служить средством передвижения по воде, но только сделанный из звериной кожи. По-видимому, деревянный ящик спящего старика, оказываясь противопоставленным кожаному ящику, который двигается горизонтально, должен оказаться средством передвижения в вертикальном направлении. Только так можно учесть и общую противопоставленность персонажей спящий старик (морской хозяин), и их частное соотношение по признаку ориентации в пространстве.²

¹ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. — Хабаровск, 1933. — С. 309; Таксами Ч. М. Система культов у нивхов // МАЭ. — Л., 1977. — Т. XXXIII. — С. 90-99.

² Это свойство инверсивности мифологического мышления — перенести общую бинарность в частные противопоставления по конкретным признакам — открыто Л. Леви-Стросом и описано нами. — См.: Островский А. Б. Анализ мифов Клода Леви-Строса: первобытное мышление и этнографический контекст || Советская этнография. — 1984. — № 5.

Общее же у спящего старика, связанного с птицами, и у бодрствующего старика, черпающего силу от подземных людей, — то, что им обоим присуще передвижение в деревянном вместилище по вертикали, но одному — в сторону неба, а другому под землю. Атрибут сна, противоположность бодрствованию, оказывается частным выражением противопоставленности небесного и подземного миров.

Итак, из совместного рассмотрения проясняется логика, семантика элементов и опубликованного варианта. Еще один элемент там, в последнем эпизоде, — люди, сросшиеся спинами, которых надо быстро миновать. Он станет понятен, если учесть, что по варианту Пилсудского, кожа животного имеется в распоряжении морского хозяина, он ее дарует людям (в виде ящика-лодки). Морская же хозяйка в варианте Штернберга, не давая им никаких предметов, лишь наставляет не присоединяться ни на мгновение к тем людям, которым как бы не хватает кожи, чтобы, разделившись, они могли начать движение.

Безусловно ценным, почти уникальным считаем зафиксированное Пилсудским в текстах мифов описание зрительного облика зловредных существ: *милк'ов*, кинз'ов, людоедов. В записях Пилсудского встречаются *малк'и*, имеющие следующий вид: 1) тело человека, а голова медвежья; 2) безголовый человек, глаза у его на плечах; 3) похож на человека, только все тело и лицо покрыты звериной кожей либо шерстью; 4) похож на человека, но ростом с дерево (с пол-дерева); 5) похож на человека, только глаза на разном уровне;¹ 6) похож на человека, только почти вся голова железом покрыта; 7) похож на человека, но ходит на коленках, на бороду опираясь; 8) имеет обличие вороны, нерпы, камбалы.

Вероятно, такая визуализация сверхъестественных персонажей, представляя собой концентрированное выражение раннерелигиозной картины мира, должна иметь продолжение в других формах духовной культуры. Так, в пластике лечебных амулетов нивхов, в отличие от аналогичных предметов у ороков и негидальцев,² деревянная фигурка человека с медве-

¹ Штернберг упоминает о равноуровневости глаз как об отличительном свойстве подземных людоедов (Материалы..., с. 94). в одном из текстов Пилсудского это свойство присуще милк'ам всех четырех стихий.

² См. соответственно описи коллекций ГМЭ: G762-159, 160, 163 и 2079-16, 2566-54.

жьей головой — это неизменно изображение вредоносного существа, духа болезней конечностей либо спины. Что касается такого элемента, как кусочек медвежьей шкуры, в который может быть обернут амулет, оберег, то это всегда признак горного человека, и он сочетается часто с другими специфическими признаками (и вообще фрагмент шерсти, кожи лесного либо морского зверя, рыбы всегда оказывается отличительным признаком персонажа соответствующей стихии). Материалы Пилсудского позволяют углубить наше понимание своеобразия первобытного мышления и собственно нивхских представлений о месте человека в традиционной картине мира.

Обширный корпус фольклорных записей — та основа, основой которой может дать новый импульс в изучении традиционного мировоззрения народов Дальнего Востока, и, конечно, его публикация позволяет более полно и более справедливо очертить вклад Пилсудского в нивховедение.

Публикуемые ниже тексты составляют, примерно, треть всего корпуса. Отбирая часть из них, мы ориентировались на два критерия: 1) разнообразно представить мифологические сюжеты, в особенности те, где фигурируют сверхъестественные персонажи, отсутствующие в записях Штернберга; 2) полнота перевода на русский язык. Мы сохранили порядок, в котором данные тексты следуют у собирателя (в архивном деле); сохранили также его нумерацию, хотя она неоднозначна. Тексты собирателем не озаглавлены; следуя Штернбергу (в его «Материалах...») и для удобства введения в научный оборот, мы дали заготовки в соответствии с центральными темами либо персонажами. Перевод кое-где восполнен, уточнен; приводим его с минимальной литературной обработкой: полностью сохраняя лексику, в отдельных случаях изменив синтаксис на принятый в русском языке.

Этот чайвоский шаман осенью в Тымово поехал, этот шаман в село приехал. Придя пожил, в последнюю ночь сон видел. Их¹ близнецов изображение взял, спустил (по реке); потом на другой день встав, вот вдали спускается. Тогда наш шаман в свой священный амбар² зашел, его изображения одного нет. Тогда в свой дом спустившись, немного полежавши заснул. Его кехун³ сказал: «Этот (что был) чайвоский шаман наше изображение одно взял, спустился; когда-нибудь к чайвоскому шаману воевать пойдем» — так его кехун сказал; тогда встал.

Потом эта зима прошла, весна когда сделалась, лед сошел, тогда на лодке в Натро в гости поехал. Тогда в селение по имени Лярво пошел; когда пошел, и чайвоский шаман в это село пришел. Этот чайвоский шаман нашему шаману сказал: «Ну, завтра встанем, ты домой пойдешь, я домой пойду. Если я всемогущий, (то) чтобы ты, северным ветром парус натянув поехал, я сделаю; если ты всемогущий, (то) чтобы я, южным ветром парус натянув поехал, ты сделаешь» — так сказал. В эту ночь, когда заснули, (то) сон увидел: в дом чайвоского шамана прийдя, железным неводом этого чайвоского шамана кругом огордил; теперь из кости плавника (рыбы) «окрозин» стрелу сделал, хочет стрелять. Тогда этот чайвоский шаман теперь вверх подняв голову, остановившись, посмотрел. Уже стрелять готовился.

Тогда встав,⁴ свою обувь надел, потом в дом, (где) шаман жил, пошел; к нему зайдя, своего шамана разбудив, сказал: «Что же, ты меня уже убивать начал. Ну, я с тобой помирюсь». Тогда со своей шеи *чрух* (украшение сабли) снял, подарил. Тогда наш шаман так наклонил голову.

Теперь на другой день, когда встал, наш шаман женщин двух грести заставил, сам у руля сел; так приехал. Этого чайвоского шамана три человека (везли и) гребли, он у руля сидел. Этот чайвоский шаман в лодку когда зашел, своим руле-

¹ Т. е. тех, где он жил (Пояснение Б. П.).

² Чонкрш-ку-не — особый амбар, куда складывают медвежьи головы (Б. П.).

³ Кехун — дух, имеющийся в распоряжении шамана, который сообщает ему все, что надо узнать. У шаманов бывает несколько кехун'ов (Б. П.).

⁴ Здесь уже снова идет речь о чайвоском шамане.

вым веслом замахнулся, по воде ударив поднял, громким голосом «а-а-а» — так (кричал). Потом издали (видно, что) идет; наш шаман сюда приехал, на Тымьць-озера середину когда выехал, теперь через ороченского села землю (ехал).

Очень сильный ветер, что крутит воду, крутя поднимая приближается. Тогда наш шаман своим женщинам крикнул: «Получше гребите! Большое облако к нам приближается». Эти женщины сильно, хоть из сил выбивались, гребли сильно, изо всех сил греб (рулевым веслом): Так проехали, уже к своей земле приехали. Тогда уже (ветер) до их руля пришел, (на) их лодку подув, на берег выбросил. Так зайдя на берег, наш шаман ножик вынул, начал колоть (ветер). Отсюда назад совсем-домой пошел. Говорят так, воевали, говорит предание.

*Тылгунд*⁵ (л. 3 об.—10): Каменный дом-западня. Женщины *C vagina dentata*.

С этой стороны амурских людей шесть человек в одной лодке далеко в море поехали. Такой большой туман спустился, потемнело так. Тогда куда, в какую сторону почти не знали. Ехали долго, нерпы убили лодку полную, — ночи две, дня два. Тогда до берега доехали. Их рулевой — пожилой человек, на носу сидящий, — родной его сын.

Теперь до берега когда доехали, ночью доехали, огонь зажгли, своих нерп мясо жарили; теперь покушали и потом спали. На другой день в середине дня встали, их молодые парни мясо жарили, их старик отсюда, что это за земля, пошел смотреть. Тогда увидел, (что их) земли такой нет, (а есть) другая земля; к своим товарищам пришел: «Эта земля — другая земля, это не наша земля» — так сказал.

Теперь свое мясо поели, потом спустились, по берегу этой земли поехали, ехали долго. Дом один только стоит. Тогда к этому дому пошли; свою лодку на берег подтащили, теперь пошли. Их старший человек, их молодые сзади: так пошли, под крышу зашли, в этих сенях один длинный сундук стоял. К этому сундуку пошли, его крышку приоткрыли и увидели: (там) все головы птиц арни,⁶ много, наполнено до самой крышки. Два человека разом двери открыли; когда зашли, на

передней наре один длинный сундук стоял. Его крышку приподняли, так и увидели: один голый старик в этом ящике был, лежал. (Вот он) сел, его глаза так заморгали. Тогда их старший человек тронулся с места: «(Это) *кинз*, давайте убежим» — так своим товарищам сказал. Теперь вниз к морю соскользнули, спустились. За ними следом: впереди этот голый старик, а сзади много *кинзов*. Так за ними бежали до их лодки; когда близко подошли, самого заднего (человека) догнали, взяли. Наши товарищи в свою лодку зашли и уехали. Их товарища одного задержали; издали видят, (как) взяв ведут. Теперь пять человек только. Оттуда долго проехав, (увидели) еще один-единственный дом стоит. Еще туда пошли, когда близко к дому подошли, внутри человеческий разговор слышат. Тогда еще зашли, на передней наре никого нет, по боковым нарам никого нет. На одной боковой наре в заднем углу одна старая старуха сидела. С нею рядом очень большого роста один человек сидел, с большущими глазами. В переднем углу одна молодая женщина сидела, у нее на левой половине лица порез до кости был, куска (мяса в этом месте) не было. Наши товарищи на переднюю пару зашли, сели. Наш товарищ — их старший человек сказал: «Спасибо, теперь в дом своих людей пришел, спасибо» — так сказал. Все-таки этот человек молча так сидит, все глядит так и сидит. Наконец этот человек встав, к ним подошел; к одному (из них) подойдя, его за волосы на висках взяв, вверх потянул. Тогда тот сразу встал — тогда отпустил, (а тот) сел. Еще к одному (из них) подойдя, еще это-го за волосы на висках взяв, вверх потянул — еще этот так встал; теперь их взвешивал. Самого крайнего взяв, потянул — этот (человек) все не встает; еще потянул — все не встает. Тогда его за макушку взяв, положил под нары. Такую длинную железную палку вынув, в его задний проход засунул, в спину колот, перед жарил; на свой огонь поставив, затем выйдя, дверь запер. Дверь заскрипела — так и увидели: весь (дом) из камня только, нет отверстия для двери. Наши товарищи все разом заплакали.

Тогда эта старуха им сказала: «Жаль вас, люди, узнаете, какие у этих *кинзов*⁸ зубы сердитые. Подымитесь вверх, снимите на полке стоящий ящик». Их старший человек этот ящик снял, крышку у него открыл; когда поглядел: (там) такой

⁵ Записано 19 11-1894 г. от Ниспайна. Этот тылгунд может считаться вариантом к тылгунд «Женщины с *vagina dentata*» (Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора. № 17).

⁶ арни — морская птица, черная (Б. П.).

⁷ Люкэвырш — деревянная палка для жарения рыбы; в фольклоре она железная (Б. П.).

⁸ У собирателя здесь записано: «людоедов».

вот длины сабля одна лежала. Взяв (ее), поглядел: у нее с конца кровь капает. Тогда эта старуха сказала: «Эту саблю возьмите, ею дыру для двери просверлите». Тогда понесли, сверлили. Потом голову засунули, до плеча пролезла. Еще сверлили, еще сунули (уже) плечо пролезло. Теперь все вышли, к своей лодке соскользнули, спустились. Его брата все дети спустились, (в лодку) зашли. Их старший, свою лодку спихнув, прыгнув, в лодку забрался. Назад когда оглянулись: этот старик (который жарил) впереди всех спускается, сзади него много кинзов. Когда спустились, этот старик по воде идет (к ним); одной рукой замахнувшись, по их лодке ударил — прилипла. Уже потянул их, на берег их тащит. Тогда их старший человек, (сидящий) у руля, по его руке рубанул и отрезал;⁹ (его) голову уже отсюда вдалеке видит.

Ушли, долго идя, к одному селению пришли. В этом селении корма много, а также лодок, неводов — на пристани находятся. Женщины на возвышении из досок сидя, рыбу чистят. Тогда наши товарищи свою лодку вытащив, подальше оставили; теперь зашли. У этих Женщин одежда хорошая, сережек много, такие красивые. В дом зайдя, на переднюю нару сели. С одной стороны около дверей, в углу, сидела женщина — ох, какая красивая! С другой стороны, в заднем углу, еще сидела женщина, (у нее) волосы наполовину белые, наполовину черные. Тогда их старший человек сказал: «Сегодня (мы) в очень богатое село пришли, с голоду только едва не умерли, пришли», — так сказал. Тогда эта старуха сказала: «Поскорее кушать приготовив, гостей накормите, жаль гостей». Тогда эта красивая женщина, встав, вышла, (снова) зашла, одну посудину ягод внесла, жирной кунджи внесла. Сварила, (из котла) вынув, в большие чашки положив, подала, их накормила. Эту ягоду (с рыбой) смешав, в большие берестяные посудины положив, подала, их кормила. Потом к своим нарам подойдя, села. Потом те женщины, которые рыбу чистили, зашли. Ай-ай, эти женщины мужчин хотят — их глаза (это) заставили понять, на нашего (человека) смотрят и улыбаются. Вот ночью улегшись когда заснули, один их товарищ уже потихоньку приподнимается; к этой красивой женщине подошел, за ее голову взявшись, пошевелил и разбудил. Тогда эта женщина (его) обняла, к себе на постель втянула. Тогда их старший человек проснулся и сидит, слышит, как эта женщина и их товарищ шепчутся, потом их товарища слышит голос: «ой» — потом ничего нет, и голоса нет.

⁹ Буквально: «настиг».

Поспали, когда на другой день встали, их товарищ с этой женщиной в одной постели лежат; лежали. Наши товарищи все встали, вышли помочиться. Потом, когда зашли, их товарища нет. Что такое, куда делся? Эти женщины, встав, обнулись, еще рыбу ловить все пошли. Тогда эта старуха сказала: «Ох, жаль (вас), милые люди. Теперь вы с сыном двое только, вы когда куда-то пошли, зачем этих женщин трогать захотели? У этих женщин на половых органах имеются зубы. Если их непременно хотите, туда на берег спуститесь, к своим penis'am¹⁰ вот такие камешки поменьше возьмите, принесите. Этой ночью к ним идите, сперва этими камешками в их половые органы поболтайте. Потом, когда окончите, своими penis'ами сзади у них поработайте», — так им сказала.

Тогда сын брата вместе со стариком спустились, камешки поискали, принесли. Вот уже этой ночью сын брата к этой красивой женщине пошел. Эта женщина ноги расставила. Тогда (он) своим камешком ее половые органы колот. Тогда так заскрипело, (камень) зашел. Теперь туда-сюда водил камнем — скрипит,¹¹ поводил камнем. Потом наконец нет шума. Тогда свой камень вынув, положил, своим penis'ом колот. Тогда, ох, как хорошо было. Потом, окончив, на свою постель пошел, заснул. Потом на другой день, когда встал, эти женщины за то, что он на их половых органах зубья отломал, подарили айнские украшения,¹² а пять — им дали за их товарища (что умер), пять украшений им дали, потом их отослали.

Пошли к большому мысу, похожему на руку, вошедшую в море, прямо к концу этого мыса поехали. С конца этого мыса Тайрунанд,¹³ человек-хозяин, выросши, поднявшись, такой большой сидит. Когда поехали к нему ближе, (он) все меньше; потом уже когда к нему подъехали, с человеком ростом был. Туда приехали; когда вышли на берег, в этой стороне люди рыбачат, (там) всякие вещи (что и у нас); у этой пристани много лодок, и весел, и шестов, и рулевых весел, и черпаков, и сидений, и толстых жердей для сушки рыбы, и тонких жердей, и палок для жарения рыбы — таких целая куча.

¹⁰ И женские, и мужские половые органы обозначаются одним словом: ой.

¹¹ Для обозначения скрипения употреблено слово кезирекр — что означает скрип железа о камень (Б. П.).

¹² куши шафунд —

¹³ Хозяин моря.

Тогда к нему носили, ему помолились, вместе с ним к его дому пошли. Там во всех углах рыбы прыгают. Этот Тайру-нанд в свой угол пойдя, проскользнувшую большую рыбу, схватив, вынул; по голове ударив, убил; в котел положив, поместил. И мясом, и кушаньем всяким их накормил.

Потом на другой день им сказал: «Ну, чтобы вы домой пошли, я сделаю: в лодку, на ящик похожую, вас положу и пошлю вас; рыбу к вам пошлю, по этому пути пошлю. Ну, спустимся вместе» — так им сказал. Из кожи горбуши мешок в левой руке понес, из кожи кеты мешок в правой руке понес — так спустился к лодке. Мешок из кожи горбуши развернув, полную горсть чешуи горбуши в воду бросил. Тогда поднялся шум брызг от рыбы — так (рыба) пошла. Мешок из кожи кеты развязал, полную горсть обеими руками бросил в воду, еще сильно загудело — так пошла (рыба). Затем в ящик из кожи (их) положил. «Ну, в море погрузившись, домой пойдете. Старик, имеющий лодку (в нее) красного оленя положил, и ко мне пусть придет, сидя у руля; ты, молодой, имеющий лодку, (в нее) белого оленя положи, и ко мне пусть придет, сидя у руля» — так им сказал. Сказав, отослал их; домой пришли.

Теперь оленя ищут. Красного оленя увидели, посадили в эту лодку; белого оленя найти не могли, с трудом нашли, в ту лодку посадили. Спихнули их на воду. Тогда лодка, где красный олень был, все прямо шла, а та лодка, где белый олень был, все не прямо шла, и поворачивает; потом за своим товарищем, издали видно, пошла. Таким образом тылгунд рассказана.

Настунд — 6 (л. 31—32 об.): Женщина-жаба. Звери на болоте.

Женщина одна и мужчина один жили. Женщина спросила его: «Ты какую женщину хочешь? Хочешь ли могущую творить животных, саму способную превращаться в животных хочешь ли?» Мужчина сказал: «Да. В каких-либо по земле снующих, во всех ли превратиться сможешь?» — «Да».

Женщина вышла; когда зашла, женщиной-лисицей сделалась; зашла «Вот как! В разных животных ты будешь превращаться!» Чашку (с полки) снял: «Нужна ли тебе (она)?» Испугавшись, вышел. «Милая, ничего ты не умеешь» — «Сердца у тебя нет!»¹⁴ Легкие лишь висят!»

¹⁴ У храбрых есть сердце, у труса — нет (Б. П.).

Когда стемнело, на нарах шум раздался: голос жабы и голос лягушки зашумели — на нарах только се духи-помощники, тела никакого не было. «На твоём месте только лягушка болотная, в любое животное превращаешься. Теперь завтра про тебя я узнаю, а может, и не узнаю; у меня бога нет, женщина-лягушка будет меня мучить. Ох, горе, и хоть я подпоясываюсь,¹⁵ но слаб. Вот моя сестра, если бы завтра пришла, меня увидела бы».

Его сестра, придя, зашла, (сказала той): «Ты как называешься женщина, свое имя мне скажи» — «Я своего имени не знаю, ты мое имя скажи и уходи» — «Как тебя назвать? Когда в первый раз тебя увидела, (ты была) женщина-лягушка; на другой день, встав, когда тебя увидела, то женщиной-жабой (была); на следующий день встав, когда тебя увидела, ты женщиной-лисицей (была). Сегодня твою тайну узнала». «Это нехорошо; если думаешь, что не стоит, женщиной сделаюсь» — лисицы голосом прокричала, лягушки голосом прокричала — «Когда тебя увидела, свою шкуру сняла, в болотную кочку сунула».¹⁶

Когда (сестра) поглядела, (видит, что осталось) только кожа жабы и кожа лягушки. Птичка «намгур» пришла, насвистывает: «Берега у этого болота разные; когда (я) нагнулся, поднял голову, поглядел, другие чисто украсили себя своей одеждой, по одной кочке украсили».¹⁷ Насвистывает (лягушкам): «Не думайте, что я плохой, гадкий, одни перья. Еще по этой дороге поднявшись, сделавшись вестником если пойду, то медведю скажу: «Ни в коем случае в это болото не спускайся; в болоте, в котором ты играл, теперь другая вода появилась. Спустишься если будешь играть, болото только сверху «окно», а снизу это затянута землей вода. Зайдешь — (тогда) хоть и будешь своего нижнего бога просить, все же не поможет. Внутри болота в разных местах 8 голов находятся. В этом болоте снизу тебя поймают, тебя потащат».

Когда медведь умер,¹⁸ прилетела птица-сова, (которой) переводчик умер; опустившись на край этого болота, нагнувшись, о тебе¹⁹ плакала. Его хозяин,²⁰ поднявшись, опустился

¹⁵ «подпоясываюсь» — имеется в виду, мужчина (Б. П.).

¹⁶ Эта женщина кочкой сделалась (Б. П.).

¹⁷ Имеется в виду, что кочки превратились в лягушек.

¹⁸ Несмотря на советы, медведь все-таки пошел и умер в болото (Б. П.).

¹⁹ т. е. о медведе.

²⁰ Сова была хозяином медведя (Б. П.).

на это болото, нагнувшись, о новостях спросил. Одна лягушка вынырнула, выйдя из болота, осмотрелась. «Моего переводчика²¹ не видала ли, моего медведя не видала ли, моего племянника не видала ли?» Сказали «Нет, не знаю». Одна жаба выползла, вышла — у нее спросил хозяин. «Нет, никого не видела».

«Ох, мое горе, один только был племянник; по следу, где (прежде) играл, принес в эту воду свою шкуру, положив, держит, неприятно; только лягушек водой сделался. Ох, мое горе! Слезы только с этой водой смешались, мои слезы хотя бы возьми с собой. Пусть они исчезнут с тобой. Если назад домой пойду, па одно длинное дерево сев, о тебе лишь буду рассказывать, о тебе. Когда буду рассказывать, слезы лишь на эту землю будут капать. Так, как ты ходил, с шумом таким, я домой пойду; (твое) изображение сделаю. И если выйду, с собой возьму, вместо тебя держать буду, изображение лишь буду держать».

*Кер-аино*²² (л. 50—51 об.): Высохший *мильк*.

Тунгусы: старший брат жену имел, его младший брат жены не имел. Вот уже поставили петли, пришли. Уже их женщина приготовила еду.²³ Ее муж на свою одежду опершись когда лег, тогда оттуда²³ один (человек)²⁴ закричал, еще один (человек) закричал, с другой стороны один (человек) закричал, тогда один человек, на коленках идя, лук в руках нес, своей бородой опираясь шел, бросил.

Тогда старший брат песню пел, младшему брату сказал: «Из ружья выстрелишь?» — сказал. Тогда младший брат, из ружья выстрелив, убил.

Тогда из-под головы этого лежащего одного человека палка тогрш,²⁵ тогда этого лежащего острога (?) поднялась. Во-ни²⁶ палку, на которой вешают котел, взяв, бил, бил. Свои ве-

²¹ Остается неясным, почему медведь назван «переводчиком» совы.

²² Записано от информатора Езак 11/11-1897 г. Перевод по всему тексту неполный, а последняя треть записи почти не переведена; мы попытались восполнить.

²³ Имеется в виду, что рассказчик показывает направление.

²⁴ Слово «человек» здесь опущено, но стоит именно то числительное «одни» — ненын, которое употребляется только для людей.

²⁵ *Tozc tozrsh* — обрубок дерева с 4 концами, где вырезано: человек, тигр, медведь, змея; используется шаманом (Нивхско-русский словарь М., 1970, с. 356).

²⁶ Имеется в виду, вероятно, младший брат.

ши сложили, в свою лодку понесли, спустились к лодке. На ту сторону (реки) на песок переехали, на песок лодку вытащили. Тогда (откуда-то) один человек, что на коленках шел, бородой упираясь, позвав (их), выстрелил; лук натягивая спускается.

Старший брат песню пел, своему младшему брату сказал; младший брат одну ногу вытащив, песок топтал. Старший брат ему пропел: «Мой младший брат», — сказал, ему выстрелив, убить велел. Вот уже выстрелив, убил.

Ночью двигались вниз по реке, к устью своей реки пришли, вышли на берег. Жили. Вот уже на оленя охотиться идут; младший брат в одну сторону пошел, а старший брат в другую сторону пошел — вверх.

Крик опять услышал, о своем младшем брате подумал, поднимался. Там человек один, лук неся, стрелял. К камню идя, толкал (?), дерево отламывал; потихоньку к камню²⁷ первым придя, раздевшись, от нас колчан увидел у своего па коленках ходящего, с луком бегущего. Из ружья выстрелил, убил. Свою вещь завернув, пошел. Обойдя это промысловое угодье, к продырявленному камню, зацепившись (за него), к нему спустился. Посмотревши, высохшую камбалу (увидел), рукой поманил — тело опухшее, лицом поманил — тело опухшее.

Когда к своему младшему брату приехал, младший брат, одного оленя убив, собирается освежевать. Вместе со своим младшим братом придя, увидели тело этого *милька*: *мильк* высох.

*Тылгунд*²⁸ (л. 55—60): Старуха-наильница.

Один человек одиноко в своем доме жил. Вот (как-то) наружу вышел, увидел, что три человека к нему пришли. Их лыжи примерзли, а сами — промокли. «Пожалуйста, лыжи снимайте» — вот уже хозяин их лыжи, топором ударив, отломал. Оставшись, в дом вошли. Хозяин дома угощение поесть поставил, их кормил. На следующий день, когда встали, хозяин дома и гости пошли на охоту, только один гость остался. Три человека в гору на охоту поднялись, гость один лишь остался.

²⁷ Вероятно, старший брат, как и незнакомец, шел к камню, расположенному в воде, для чего перед собой стлал мостки.

²⁸ Записана от Муыина 7/III-1.897 г. Перевод сделан собирателем фрагментарно.

Тогда чтобы за дровами сходить, ремень взяв, перепоясался; топор взяв, поточил. За дровами намеревался сходить. Снаружи шум услышал. Старуха одна (дверь) отворила: входя: «Сынок, от дров огонь разведи, меня согрей, холодно». Тогда этот человек вот уже огонь развел.

«Ну, подойди, давай бороться» — (сказала старуха). Вот уже, придвинувшись, борется с этой старухой. Эта старуха все сильнее и сильнее одолев, этого человека повалила, к столбу привалила, привязала. В направлении (его) лица старуха гавна наложила, вот уже наружу вышла.

Его товарищи спустились, в амбар лыжи поставили; вошли. Огонь потух, совсем темно было. Переступили, на нары напротив входа сели. Табак нетронутый. Когда своего товарища поглядели — нет его. Один (из них), придя к тому месту, где обычно весной вода стоит, когда оглядел, (увидел, что) их товарищ навзничь лежит, гавном только замаран был. Двинулись помыть к воде; отмыв до светлоты, ягодами накормили. «Хочешь ли есть?» — «Да. Эта старуха придя, так меня повалила. С вами завтра вместе пойду».

Назавтра наши три человека уже на гору пошли; уже, встав, один (человек) только остался. Ремень взяв, подпоясался; топор взяв, поточил, чтобы за дровами сходить. Снаружи шум слышался, от старухи шум. Эта старуха к краю огня села. Придвинувшись, говорит: «Мясо мне погрей; вставляю, пожарю» — придвинувшись к дровам, говорит. Вот уже, согрившись, (говорит): «Подойди, поборемся». Уже свои рукава засучив, к нему подошла. Борются; старуха, одолев, к столбу привалила, подняла и положила перед собой, привязала к столбу. К (его) лицу наложила. Вот уже выйдя, пошла.

Товарищи спустились, лыжи сняли, в амбар поставили, вошли. Огонь совсем потух. «Это мясо?» — говорят. Согрелись, к своему товарищу подошли, поглядели: гавно только. Отвязали, помыли. Чай сварили, вместе напились. Этот человек говорит: «С вами троими вместе пойду!» Вот уже заснули.

Назавтра, когда проснулись, три человека ушли, только хозяин остался. Ремень взяв, подпоясался; топор взяв, зато, чил. Там, снаружи, звук услышав, открыл дверь. Там старуха: «Вот дрова, — говорит, — меня согрей». Тогда хозяин говорит: «Я огонь не разведу, тебя не согрею». К ней приблизившись, крепко обхватив, прижал, на спину повалил, на лопатки

положил. (Сверху) лег, «железное дерево»²⁹ положил, свой половой орган вложил, брюхатой сделал. Подвинувшись, переступил, (. . .) в направлении (старухи) наложил, скользнув, замарал.

Войдя внутрь, огонь развел, на нары холодные скрестив ноги сел, табак покурил.

Его товарищи спустились, вошли. Эту старуху увидели, смеялись, топтали; вот уже ее отвязали, отпустили.

(Спустия) несколько дней эти люди поругались, подрались. Вот уже трое гостей вышли, пошли. Этот человек, пожив, жену искать пошел.

К одному травяному дому пришел. Когда вошел, эта старуха говорит: «За что меня били, зачем пришел, вон уходи». Вот уже этот человек, эту старуху обидевший, ушел.

К дому одному пошел; когда зашел, там женщина одна была. «Около меня опустившись, садись. Вместе с тобой табак курить не буду, мою мать ты бил, я замуж не пойду!» — (сказала). Этот человек: «Обижаешь, меня не хочешь, хотя в мою деревню и пойдем». Вот уже подойдя, взял, наружу вынес; эта женщина плакала — вот уже (ее) на плечи вскинул, уже домой пошел.

Домой придя, поставил, снял. Посмотрел: трепещет только, плачет. «Напрасно только носил! Хорошую женщину хотел взять. Ой-ой, горько мне! Не хочет женщина идти за меня. Ой-ой! Горько мне! Ничего не поделывать! Где жену возьму, ой-ой! (. . .)».

Войдя в дом, на нары отправился, на спину лег, заснул. Встав, раздумывая, через отверстие наружу посмотрел. Вот уже пошел жену искать. К дому одному подошел. Когда вошел, там одна старуха была. Когда на противоположную сторону поглядел, увидел красивую женщину, (у нее) много сережек, хорошая коса, с большим количеством медных украшений. Очаг, нары, противоположные от входа, обошел; посредине между собой и этой женщиной ³⁰холодный табак предлагая положил к трубе, что под нарами. На этих стариков ³¹посмотрел. Старик говорит: «Тебя зятем возьму! Как только этот гость на девочку сядет верхом, тогда зятем заставлю

²⁹ ват-тигрш — буквально: «железное дерево» или «боевое дерево».

³⁰ Труба под нарами служит для обогрева.

³¹ Записано: «муль мултера», что означает «сядет верхом», пли (если бы «мулк мултера») сядет верхом на мулк — половые органы девочки.

быть!» — «Зачем заставляешь? Дрова рубить буду, пока не устану, разделывать рыбу — ты только свою дочь мне давай!» — «Этот гость на девочке поедит верхом!».

Вот уже к ней подошел, крепко обняв, поцеловал. Эта женщина говорит: «Насмотревшись друг на друга, давай вместе поедим. Почему мне тебя не хотеть? Если только сам ты не хочешь, ну и не надо» — «Ты только (как скажешь), мне почему тебя не хотеть?».

Вот уже пишу жевали, жили. Со стариками вместе жили. Потом эти люди мальчика заимели. Мальчик взрослым стал, на гору охотиться пошел, оленя одного убил, принес. Всех своих матерей, отцов, своих стариков мясом этого оленя накормил.

*Тылгунд*³¹ (л. 61—61 об.): Хозяин зайцев.

Был один охотник, который убил раз много зайцев; взял всего понемногу: юколы, киусь, воды и лежит под деревом. Заяц пришел и видит, что как будто мертвый лежит; думал, что пропал с голоду, но видит, юколы немного еще есть, думал, что пить сильно захотел, но видит, вода есть, думал, что замерз, ко видит, что травы немного у него есть. Заяц созвал, собрал тогда всех других зайцев, и стали они все тащить его в его дом. А человек вдруг вскочил и перебил всех зайцев. Из шкуры их сделал шубу, а мясо кушал.

Опять так же пошел, взял также всего понемногу и опять лег. Случилось то же, и зайцы принесли его в дом. Опять убил он всех зайцев.

Тогда хозяин зайцев (ростом с теленка) пришел к дому. Гиляк увидел, а заяц закричал сильно: «та, та, та, та...» и ушел. Гиляк испугался и больше уже не только не прибежал к хитрости, но и вовсе не убивал зайцев.

*Тылгунд*³² (л. 61 об.—62 об.): Сердитый гиляк.

Жил один очень сердитый гиляк. Если кто впереди его идет, он его сейчас бьет, если близко кто живет с ним, бьет и того. Не шадил и медведя. Часто убивал его. И говорил, что выше его только шамка³³ и небо. На охоту раз пошел он и увидел медведя. Стал подкрадываться к нему, а медведь бросился навстречу. Гиляк имел при себе одну только саблю, отру-

бил ему часть головы, но задержалась она, и медведь убежал. Думая, что он где-нибудь пропал, пошел искать. Долго ходил он, и вот по следу набрел он на дом один. Около него развешано чучел медвежьих, а в середине дома сидит человек и сто-нет, голова обвязана, и виден глубокий надрез. В доме этом много другого народу: молодых и старых, мужчин и женщин. Хозяин дома угощал нашего товарища оленьим мясом и другими кушаньями, а раненый человек молчал все время и сто-нал.

Позвали нашего товарища погостить в другой дом. Пошел он с посланным парнишкой и нашел там одного старика и много молодых сыновей с женами. Во время разговора старик сказал, что хотел послать к гилякам сыновей, чтобы взять ко-пье, лук, собак. Но они боятся, что больно будет и не ходили в селение гиляков. Вот жена моего сына спустилась к гилякам и принесла³⁴ копье, 4 собак и мось³⁵ разный, и вот сыновья мои с удовольствием кушали, но сами идти за ним не хотели. Один сын с круглым некрасивым лицом сказал, что будущей весной пойдет к гилякам.

Вернулся назад наш товарищ в первый дом, и говорит ему раненый человек: «Скажи этому сильному храброму гиляку, что рубил меня, я поправлюсь и скоро опять пойду в лес, и пусть он ищет меня. Если я сильнее его, то я его возьму к себе домой, если же он сильнее окажется, пусть убьет меня. Пожа-луйста, непременно передайте ему».

Гиляк пошел домой, жил до весны. Каждый день точил две свои сабли: одну побольше, другую поменьше. Пошел на-конец на охоту и увидел медведя и стал к нему подкрадываться. Когда подошел близко к медведю и улыбнулся, и медведь узнал гиляка. Гиляк и заговорил: «Ты послал мне поручение, вот и я нашел тебя». Бросились друг к другу навстречу. Уже медведь хотел обнять лапами, но гиляк кольнул его саблей и отскочил назад, второй раз они бросились друг к другу, и ги-ляк нанес вторую рану и убил медведя. Собрал потом кожу и целого медведя понес на спине домой. Когда стал кушать, то кости разбросал повсюду, хотя гиляки и ужасались, говоря,

³⁴ Есть убеждение, что медведь убитый уходит жить в паль-нигбун Мльво и уносит с собою то, чем его убили, и ножики, которыми резали мясо, и кушанья, которые готовили во время праздника. (Б. П.).

³⁵ Ритуальные кушанья для «угощения» медведя, уходящего в мир гор-ных людей.

³¹ Этот тылгунд записан собирателем только по-русски.

³² Тылгунд записан только по-русски.

³³ Т. е. шаман.

что он грех делает. Но он не послушался и сделался вскоре совсем бедным гиляком и пропал.

Ни³⁷ви, настунд³⁶ № 1 (л. 71—74).

Старуха одна и маленький ребенок одни жили. К задней стенке³⁷ мимо пошел;³⁸ свою трубку взяв, табак покурил, своей трубкой постучал — огнем об очаг ударил. Толстую веревку взяв, подпоясался, тотчас вышел из дому. Стрелы рядом с собой положил. Встал, лук схватил, стрелы схватил, вышел. Вверх по направлению к лесу поглядел, по направлению к морю поглядел. К морю хотел идти, но раздумал, вверх к лесу пошел.

С верховья речки большой медведь по речке шел, за рыбой-кетой спускался. Этот медведь, кинувшись, подальше пошел. Этот медведь приблизившись, кинулся, (еще) подошел; луком, бросив (его) ударил. На самый верх высокого берега прыгнул. Стрелой колол, его стрела затрещала. Отсюда назад отскочил, под березу прыгнул, оттуда на шею прыгнув, наверх поднялся; там ножом колол, коля убил. Возле него табака покурил.

Его старуха сверху, железной тростью упираясь, спустилась. У своего сына спросила: «Мясо кушают ли?» Ребенок: «Сушат впрок. Старуха, ты поскорее берестяную посуду делай, будем жир топить». Мать ребенка, берестяную посуду сделав, вот уже жир топила; юкольник³⁹ сделав, уже положила. Сварили, поели, в свое селение отправились, так себе сидели.

Одна молодая женщина, придя к ним, пошла с ними в селение, что в долине. Влезли на повешенный амбар. Их амбар, крыльями (взмахнув) полетел, на середину этого моря полетел.

На острове только одна лиственница была; (амбар) на эту вершину сел. Орел, к этому амбару придя, сел. Эта молодая женщина воды вынесла, орла напоила. Этот орел, поднявшись, одну молодую нерпу убил, принес, им дал. Орел внутрь дома зашел. Одно свое перышко обломив, из хвоста вырвал, им дал. Чаю попил.

³⁶ Буквально: настунд о человеке. Записано 9/IV-1904 г. в с. Тихменевский пост от Мауына.

³⁷ По направлению от моря к лесу (Б. П.).

³⁸ Здесь и далее в тылгунд часто опущено подлежащее в фразах — вероятно, говорящий имеет в виду выросшего мальчика, сына старухи.

³⁹ Стол на столбах (Б. П.), на котором сушат впрок рыбу.

Этот молодой парень его в зятя взял; теперь (его) про мать спросил. «Нет матери. С неба упал орел, имеющий посредине косточку;⁴⁰ у меня в ноге глаз есть». С моря большой ветер подул. В том месте, где они сидели, дерево надломилось. На камни упав, все разбились. Эти люди все из воды (торчать),⁴¹ все умерли.

Тылгунд⁴² (л. 78—79): Женитьба на горной хозяйке.

Два человека пошли на охоту, взяли с собой мальчика-племянника, чтобы он воды приносил и чай или что-либо другое им готовил, дрова рубил. Мать же дала ему немного саранки и буды, и десять перьев, чтобы он от себя принес жертву богу и (затем) поставил петли.

Сделали они балаган, и двое пошли петли ставить. Мальчик остался. Вечером вернулись. На другой день пошли и вернулись в полночь. Когда в третий раз собирались идти, то мальчик попросился пойти, но они отказали. Оставили мальчику немного юколы и ушли. Вернулись только на другой день, даже не ночевали дома. Когда они (снова) собрались идти, заявили, что вернутся через два дня. Тогда мальчик стал плакать, просился пойти с ними. Тогда они дали ему немного юколы, нерпичьего масла и ушли.

Когда мальчик остался один, собрал свои вещи и пошел, сам не зная куда, без всякой цели. Дошел он до одного лежащего дерева; перейти не может, заплакал. Сверху услышал женский голос и на дереве увидел молодую женщину, глядящую на него. Она спросила, куда он идет, но мальчик только плакал.

(Мальчик) хотел уже перейти через дерево; поглядел (вверх) на дерево — женщины там уже не было. Наконец пошел он дальше и дошел до самой речки, у которой стоял балаган. Котомку снял, положил у балагана и вошел внутрь. На передней наре (стояла) чаша, полная вареной буды, чаша с нерпичьим маслом и юкола была приготовлена. Ему захотелось есть, съел все, что было; выспался. Когда встал, видит, что около него женщина, похожая на ту, которую видел на дереве: красивая такая, хорошо одетая, с сережками.

⁴⁰ Собиратель изображает косточку в форме развилки.

⁴¹ Поскольку сказано, что люди «из воды» («толь-ух»), то, вероятно, они, умерев, окаменели.

⁴² Записано только по-русски. Вариант к тылгунд «Гиляк, женившийся на горной женщине» (Штернберг Л. Я. Материалы... № 25).

Женщине рассказал, что он съел все, что нашел в балагане. Женщина сказала, что она знала о его нужде, знала, что он голодный придет и нарочно все поставила. «Ну, завтра петли ставь».

Тогда он пошел ставить, и за весь день поставил только 10 петель.⁴³ Когда вернулся обратно, то увидел, что в каждой петле по соболю. Вынул соболей и поставил опять петли — и опять нашел соболей. До вечера он собирал соболей; вернувшись домой, передал их женщине, которая содрала с них Шкуру; накормила его. На другой день опять пошел, осмотрел петли и натаскал столько соболей, сколько унести смог за раз. Каждый день он также все таскал соболей.

Потом женщина сказала, что довольно ловить. Сделала малую нарту и уложила все меха, а мясо выбросила. Повез мальчик домой. Перед уходом мальчика женщина сказала, чтобы спрятал соболей и о ней не рассказывал, а когда пойдет из его селения богатый гиляк в Маньчжурию, то проситься с ним в разбойники. Когда назад будет возвращаться, чтобы взял с собой 6 лодок и 6 работников и осенью опять петли поставил.

Пошел домой и (затем) поехал в Маньчжурию, за разбойника делал, (та женщина) что велела.

Пошел ставить петли и в том же балагане нашел ту женщину. Опять петли ставил. Набрал много соболей.

Когда вырос, взял себе женщину в жены (пальбызингшанк).⁴⁴ Сделался богатым человеком (те же, что ходили с ним, убили всего трех соболей). Детей только вовсе не было. Так они долго жили, пока не померли. Вещи его порубили чужие люди.

*Тылгунд*⁴⁵ № 40 (л.80—80 об.): Айн и горная хозяйка.

Айн пошел на охоту, самострел поставил. Сколько ни ходил петли ставить, ни разу ничего не поймал. Когда он ставил самострелы в этот раз, то сделал рукавицами след, похожий на соболиный. Поймал соболя.

Уходя утром, оставил огонь в балагане, а когда вернулся вечером, огонь еще горел. Лежа и думая, уснул вечером и (во сне) увидел старуху на другой наре. Старуха была маленькая,

⁴³ Мужчины могут за день 50—60 петель поставить; меньше 15 никто не ставит. (Б. П.).

⁴⁴ Горная хозяйка.

⁴⁵ Записано только по-русски.

но очень старая. Она одобрила, что он след рукавицею сделал. На другой день принес соболей, а старуха высушила его обувь, приготовила кушанье и соболиный мех снимала.

Она просила все его, чтобы он рубил дрова гнилые, мягкие, потому что она шума боится. Подумал человек, что теперь он богатый, что довольно ему ловить соболей и нечего стесняться, и стал рубить дрова твердые, сухие. Шум был.

На другой день еще худших дров нарубил. Когда зажег их, то огонь затрещал. Старуха испугалась и стала подпрыгивать, а айн только смеялся. На следующий день опять зажег еловых дров, а старуха даже сидеть не могла, все прыгала — айну еще смешнее стало. Но старуха сказала, что рассердилась и больше ему помогать не будет и уходит.

Когда вышла на двор, то все шкурки соболиные превратились в живых соболей и убежали. Айн стал ловить и бросил их за пазуху, но как только он одного спрячет, за другим нагнется, первый убегает. И остался один только, которого случайно заложил за штаны. Вернулся домой без соболя и сделался совсем бедным человеком. Больше уж ему *пальбызингшанк* не помогала.

Тылгунд № 1 (л. 82—82 об.): Дерево, на котором все вешались.

В деревню Налю — старинных людей — спустилось быстро дерево с цельными корнями, на берегу по направлению от воды лежало. Нивхская женщина, ни на кого не рассердившись, с хорошими мыслями пошла к этому дереву. Веревку спрятав, унесла, привязала (к этому дереву) и повесилась. Еще мужчина, тоже ни на кого не рассердившись, которого люди вовсе не ругали, в хорошем уме, тоже пошел и повесился. Много людей, половина деревни, все повесились на этом одном дереве. И женщины, и мужчины — все повесились.

Шесть человек пошли, ремень от обуви развязали; один из них петлю, из ремня сделанную, к этому дереву привязал, ладонь вложил. Тогда затянуло, этот ремень сам тянет. Тогда это дерево из глубины сказало: «Голову давай!». Тогда этот человек действительно голову вкладывает (в петлю); тогда его пятеро товарищей держали, не пустили. Это дерево топором порубили, поломали. Тогда (оттуда) большая белая крыса вышла — стали бить и убили. Это дерево полностью сожгли, и люди перестали вешаться.

Половина такого дерева на леске в далеком гольдском селении (спустилась). Там тоже все люди из деревни убили се-

бя. Когда маньчжуры пришли, увидели, то сожгли (дерево). Крыса белая вышла из этого дерева; тогда били и убили (ее). Стало хорошо.

Тылгунд № 2 (л. 82 об.—83 об.): Золотая цепь *милка*.

Один человек из деревни Налю отправился на охоту, по следу оленя пошел. С горы под названием Маршкрам сверху спустился, оленя увидел, стал догонять; убил, кожу снял. Огонь развел. Сверху собака к нему спустившись, залаяла на него. Мясо оленя поджарил, поел. Солнце село, стало темно. Один человек, очень богатый, ростом с дерево, к нему стал спускаться. Наш товарищ по имени Эськэй (его) позвал. Этот человек, сверху спустившись, говорит: «Эськэн, зачем моего оленя взял и ешь? Зачем мою собаку убил?» Эськэн говорит: «Я убил». Тогда большой (человек) говорит: «Давай вместе ешь!». Эськэн испугался: «Ладно». Вот уже вместе поели — поджарил, его покормили. Этот большой (человек) говорит: «Давай спать. Завтра же, когда встанем, ты домой пойдешь, я домой пойду». «Ну ладно». Заснули.

Ночью (шум) услышал Эськэн, вбок посмотрел. На потолке золотая цепь болтается. Встал, пошел, эту цепь взял, потянул, сорвал. Эту цепь себе взял, украл, убежал. Лыжи взял, надев, спустился на лыжах, убежал, вниз спустился. Обернувшись, увидел, что еще около своего огня вертится. Еще спустился, торопясь вниз побежал. Обернувшись, увидел, что все еще рядом с ним⁴⁶ сидел.

Этот большой *милк* услышав, встал: «Эськэн, ты зачем мой огонь украл и убежал? Ну, если тебе понравился, возьми, а своего оленя мясо все мне отдай. Если желаешь, тебя вниз отпущу. А если ты не хочешь, тебя вниз не пущу». — «Ладно, — Эськэн сказал, — пусть так, я пойду», — сказал. «Если понесешь, то сделай, чтобы люди не видели, на дне сундука положи, спрячь».

Вот наш товарищ, уже вниз спускаясь, домой пошел. Уже рассветало, и совсем светло стало. Спрятав, понес; своего *милка* огонь — золотую цепь в сундук положил. Немного спустя увидел серебряные монеты по одной вместе лежат. Еще немного спустя посмотрел: сколько-то прибавилось, все больше и больше. Эськэн богатым стал.

⁴⁶ В переводе собирателя написано: «рядом с великаном».

*Тылгунд*⁴⁷ (л. 84—85): Происхождение одной лупы, одного солнца.

...Затем снова железный человек уже на другой лошади поехал. Луна уже поднялась — вот уже выстрелил (в луну), убил. Назад пришел к старику. Старик говорит: «Ну, за моих лошадей заплати» — так этот старик говорит. Этот человек сказал: «Хорошо». Этот старик уже пошел, из моря вышел. Потом рога — палку с сучками для вешалки — внизу увидел. Человеческой женщины голос послышался: «Ну, мама, я выйду посмотреть» — «О, нет!» — «Все-таки, я выйду посмотрю» — так эта женщина своей матери сказала. — «Ну, если выходишь — иди».

Вот уже эта женщина вышла, этого человека увидела. «Ну, я тебя (женой) сделать пришел» — «Нельзя»⁴⁸ — эта женщина говорит. — «Почему нельзя?»

Эта женщина: «Это моей матери рога.⁴⁹ Ну, этой цепью завяжи!» Вот уже этот человек цепью эти рога завязал. Теперь совсем темно стало. Эта женщина говорит: «Так темно, ну куда мы пойдем? Солнца уже нет! Луны уже нет! Ты одно солнце и одну луну оживи, тогда с тобой пойду!» — так эта женщина этому человеку говорила. «Я как могу воскресить?» «Там лиственница будет, дверь также будет. Иди туда, те двери отвори. Там будут два изображения солнца и два изображения луны. Тогда одно сорвав, на небо бросай: солнце одно сорвешь — бросай, одно — бери; луну одну возьми, в землю положив, закопай, оставь. Тогда я с тобой пойду» — так женщина этому человеку сказала.

Вот уже этот человек пошел, дверь отворил; одну луну, одно солнце сорвал, вверх бросил. Одну луну, одно солнце взяв, понес: вышел, (луну), землю вскопав, положил, оставил. Потом эту женщину взял, повел. Тому старику за лошадей плату отдал.

Потом к своему дому пошел:⁵⁰ «Ну, я солнце одно, луну одну убил» — так этому старику этот человек сказал. — «Хо-

⁴⁷ Вероятно, у данного *тылгунд* не записано либо не сохранено начало. Это по сюжету — вариант *тылгунд* № 17 (с. 36—41). Перевод данного *тылгунд* закончен — 28 ноября 1893 г.

⁴⁸ У собирателя отмечено, что это реплика матери.

⁴⁹ Здесь и далее слово «мурш кихнт» мурки — рога животного.

⁵⁰ У собирателя отмечено, что далее герой обращается к «старика, отцу птички».

рошо, мою дочь теперь уже взяв, веди» — так этому человеку этот старик сказал.

Вот уже эту женщину взял, домой повел. (Там) его старший брат живет, серебряную птицу взял, своей женой сделал. Так живут. Теперь уже и солнце одно, и луна одна. Теперь и деревья растут, и зверь тоже растет. Так и живут, разбогатели.

Все померли. С тех пор всякое живое растет. Такой тылгунд сказан.

Тылгунд 3⁵¹ (л. 88—90): Мильки: голова медвежья, тело человечесь.

Три человека вместе на охоту поднялись, к таежной речке (пошли), два брата и зять один вместе на охоту пошли. Все петли поставили, закончили, вот уже к своему балагану пришли, заночевали. На другой день встали, дневали; уже на другой день свои петли пошли поглядеть. Соболь попал. (Там, где) их петли, след человека (заметен), из их петель соболей взял, украл. Назад пришли, переночевали. Своему товарищу рассказали. Сказали: «Завтра еще пойдем» — так сказали.

Поспав, когда на другой день встали, еще пошли. Увидели, что еще человек на обшитых лыжах приходил, из их петель соболя украл. Назад пошли, к своему балагану пришли, своему товарищу рассказали. «Завтра ночью мы пойдем, его караулить попробуем».

Поспав, когда на другой день встали: «Дома все сиди» — своему зятю сказали. — «Мы пойдем, если что-нибудь увидим, то постараемся убить». Их товарищ сказал: «Ладно» — так сказал. Своему товарищу эти два человека сказали: «Много дров наруби, кушать оставь; приготовив, оставь».

Вот уже пошли. Соболь, спустившись, в их петлю попал. Когда вниз пошли, то человека на обшитых лыжах (увидели): тело человека, а на нем — медвежья голова. Когда к ним близко подошел, из их петли соболя вырвал. Когда еще ближе к ним подошел, старший лук взял, стрелу взял; младший тоже стрелу взял, натянул. Оба выстрелили, убили.

Вот уже назад спустились. Еще темно было, посидели. Своему товарищу не сказали, свои вещи взяли, убежали. Вот

⁵¹ По словам информатора Фаруна, он слышал этот тылгунд от нанайцев.

⁵² Т. е. вора (Б. П.).

уже спустились, своего товарища бросили.

Их товарищ поспал, когда встал, (подумал): «Мои товарищи уже ушли». Покушав, табака покурил, подумал, к своим петлям вверх идти торопится. Котомку завязал, вот уже вышел и вверх.

Его товарищами убитого увидел. Тогда сделав нарту из веток, этого мертвого человека поташил, подняв уложил; вот уже пошел.

В нивхскую деревню одну пришел. Там медвежья шкура была, много медвежьих клеток было. Один-единственный дом стоял. Тогда в этот дом зашел. Там на боковой наре около дверей один человек сидит: медвежья голова, а тело человечесь. На другой наре около дверей еще один человек сидел: голова медвежья, а тело человека. Посредине передней нары красивая молодая женщина сидела, с длинной косой, на человека похожая.

Наш товарищ сказал: «Чьего товарища, на вас похожего, одного умершего человека увидел и волоча притащил?» Обернувшись эти люди на нашего товарища поглядели. Тогда эти люди сказали: «Наш младший брат, сядь, оставайся». Этой молодой женщине сказали: «Накорми, голову почеси, помой». Эти люди копье, лук взяли и вышли.

Наш товарищ рядом с этой женщиной сел. Табака покурил. Эта женщина кушать приготовила, досыта накормила. Покушал. Его голову почесала, помыла. После чего, как голову закончил чесать, наш товарищ вынул ножик, эту женщину заколол, вот уже убил.

Их имущество стал искать. Тогда много высушенных соболей увидел, также выдры и лисиц. Найдя, украл, вышел; их нарту взяв, нагрузил. Все их имущество взял. Вот уже спускается. Пойдя, этих людей встретил. Тогда эти люди (между собой) говорят: «Давай подыдемся». И один тоже: «Давай удем». Поднимаются. Наш товарищ убежал, за дерево спрятался. Тогда (наш товарищ) из лука в одного выстрелил, попал. Убил. Один только к нему подошел, подрались. Долго дрались. У нашего товарища уже все лицо и одежда в крови запачканы. У их товарища все в крови запачкано. (Наш товарищ) саблей голову отрубил, убил.

Вот уже наш товарищ в свой балаган спустился. Спустившись, сварил, покушал. Вышел отсюда, вот уже спустился. Оба его дяди умерли: уже эти *мильк* спустились, их убили.

Там захворал. Свою нарту бросил: как свою нарту потащит вниз? Сам только спустился.

Когда в деревню спустился, люди у него о новостях спросили. Тогда так и рассказал. Люди сказали, что он лжет, что его надо убить. Все жители деревни его убить собрались. Но вот уже его отец сказал: «Его караульте, но хотя бы десять человек, поднявшись, поглядите. Если обманул, то спустившись, убейте. Если правда, то не убивайте».

Вот уже десять человек поднялись, поглядели. Убитых *мильками* людей — своих товарищей — взяли. Своим товарищем оставленную нарту взяли. Домой спустились. Теперь его нарту отдали. По пять соболей всем этим десяти нивхам поровну дал. Этим соболей, когда в Маньчжурию поехал, повез. Их продал, много материи, много кушаний взял, десять маньчжуров в работники взял. Десять лодок с собой спустил, приехал. Очень богатым таким сделался.

Тылгунд 8⁵³ (л. 95—97): Происхождение всех мильков.

На берегу большой реки с одной стороны дерево — вяз росло, а еще с другой стороны березовое дерево росло. Из трещины вяза вода вниз капала. Оттуда (куда капала) на березе круглый нарост вырос — сук, похожий на *renis*. Еще капает — похожее на это круглое выросло. Росло и к суку на своей березе, на *renis* похожему, доросло, попало. Тогда эта береза выпустила сок. Нарост вырос, сделался мужчиной — в человека превратился. С этого вяза потекло, женщиной сделалось.

Теперь женился; вместе жили. Его жена забеременела, у нее такой живот большой, что не обхватить руками, вытянув вперед руки только до середины живота достает. Его жена своему мужу сказала: «Ну, с сегодняшнего дня сделай мне балаган (где рожают) — сделай как раз 8 сажений в длину и 8 сажений в ширину». Вот уже муж вышел, для своей жены дом, где рожать, сделал. Действительно, очень большой сделал!

Тогда, сделав, к своей жене зашел: «Ну, тебе балаган для родов сделал, окончил. Выйдя наружу, в свой балаган иди». Вот уже его жена вышла, пошла. Муж ни разу на двор не вы-

ходил. Так сидел, когда в середине дня его жена пришла, зашла. Тогда увидел, что брюхо у его жены лишь обычного размера. Его жена сказала: «Ну, к своим детям спустясь, посмотри на них».

Тогда муж, выйдя к своим детям, спустился, на них посмотрел; около дверей остановился, внутрь на них поглядел. На передних нарах друг у друга на коленях сидели — очень много; заполнено. У сидящих на этих нарах — лицо красное, тело красное. Сидящие на нарах, обращенных к берегу, сухими сделались, крови нисколько нет. У сидящих на нарах, обращенных от берега к лесу, — глаза неровные, один выше другого, уста разинуты.

Из сидящих на передних нарах, в конце нар, один постарше — тот, что был больше других, своим товарищам сказал: «Ну, наш отец теперь уже всех нас видел, нас узнал. Ну, вы, сидящие на нарах, обращенных к берегу, с телом бледным, худым, спустившись, толмилками⁵⁴ сделайте. Ну, вы, на нарах, обращенных к лесу, сидящие, уходите в разные стороны, подобно разбитому камню, без памяти; каждый, в свою сторону направляясь; расходитесь; по земле расходитесь, *мильками* сделайте! Ну, на наших передних нарах сидящие, выйдя, *пал-мильками*⁵⁵ сделайте!».

Тогда эти, с телом бледным, штаны неся в руках, вышли, к воде спустились, в воду окунулись, окончательно поругались. Сидящие на нарах, обращенных к лесу, вышли, в разные стороны разбежались. Сидящие на нарах, обращенных к берегу, вышли, в тайгу пошли; одной дороги держались, поднялись — и не видно стало.

Его жена своего мужа ругала: «*Маха*,⁵⁶ почему ни одного из моих детей не задержал, остановил? Зачем я теперь останусь? В небо поднимусь, *тлы-мильк*⁵⁷ рожу». Двинулась, вверх подпрыгнула — и нет. Муж сказал: «Я зачем останусь? Тоже поднимусь, *тлы-мильк* рожу». Двинулся, вверх апрыгнул — и нет. Теперь вместе поднялись, еще на небо поднялись, *Тлы-мильк* родили. Так сказано.

⁵⁴ Водяной мильк.

⁵⁵ Горный (таежный) мильк.

⁵⁶ Негодяй, подлец, мерзавец.

⁵⁷ Тлы-мильк.

⁵³ Этот *тылгунд* записан 29 января 1894 г. от Ниспайна; позднее переведен нивхом Чуркой по просьбе Л. Я. Штернберга.

Тылгунд™ (л. 104—108): Зверь кипу.

Добывание зверей на голой горе.

(Жил) один бедный работник, даже дома не имел, на дворе только жил. Своим серпом сено заготавливал, этим пищу добывал, этим только жив был.

Как-то еще раз сено косить пошел, накосил. В его деревне что-то много людей из ружей стреляют, часто выстрелы раздаются. Своей дорогой, вбок отклонившись, дошел. Какой-то зверь, красный зверь к нему пришел, так посмотрел, — по названию ки^hу.⁵⁹

Теперь его ки^hу говорит: «Ну, спаси меня!» — Тогда его работник: «Как тебя спасти, зверь?» Ну, опустясь, ложись». Теперь его ки^hу, опустясь, лег. (Работник), много снопов сена подняв, (ими) покрыл.

Тогда эти люди подошли. Теперь у нашего работника спросили: «Какого-либо зверя не видел ли?» Тогда наш работник: «Нет, какого мне зверя увидеть?» Тогда эти люди: «Нет, к тебе пришел, с тобой столкнулся — и нет? Ты спрятал. Снопы его сена разбросав, поищем!» Теперь снопы его сена разбросали, искали: «Ну, теперь смотри!».

Когда разбросали, то самый нижний сноп сена один был сверху этого зверя, а эти люди, туда поглядев, все землю только видели. Наш работник, туда поглядев, одним снопом сена сверху закрыл. Эти люди теперь уже домой пошли.

Теперь наш работник своего ки^hу, вытащил. Его ки^hу сказал: «Ну, и свои снопы сена к барину неси, за это пищу возьми. Завтра утром, как только солнце поднимется до середины груди, прямо туда иди! Когда пойдешь, ты на большую поляну выйдешь. Вот так посреди поляны (будет) густая елка одна. У нижнего ствола этой густой (елки) будет большое озеро одно. Затем по краю этого озера какой-то след, очень истоптанный будет. Оттуда будет (направление на) очень красивый хороший дом» — так его ки^hу сказал. Потом прочь от своего работника ушел.

Теперь наш работник действительно к барину со своими снопами сена пошел; теперь продал, пищу получил. На другой

⁵⁸ Записано от Ниспайна 30 января 1894 г.

⁵⁹ h обозначает у собирателя шелевое «г» («z» — в современной графике нивхского языка).

День, как его ки^hу сказал, на солнце, до середины груди поднявшееся, пошел. Тогда действительно, что его ки^hу сказал, то и было. Когда к большой поляне вышел, к этой толстой елке пошел. Действительно, около корня этой елки одно большое озеро было. Действительно, от края этого озера какой-то след очень истоптанный (вел); потом, когда по этому следу (пошел), человеческий разговор послышался. Встав, стоя поглядел: пять человек вместе приходят. Тогда на густую елку влез, поднялся. Нижнюю сухую ветку вверх (отогнув) на густые ветки в середину поднялся, спрятался, сидел. Приближаются, подходят. Затем (видит): женщины, пять женщин только на берег этого озера пришли, отдыхали.

Потом (одна) из подруг, немного бледная, сказала: «Ну, хотя мы стесняемся, давайте разденемся, пойдем помоемся». Вот все эти женщины приступили, раздевшись догола вниз пошли, к этому озеру спустились, мылись. Еще позади них одна только идет, это очень красивая женщина. На берег этого озера пришла. Вот вошла, мылась. Те, которые только что мылись, вышли, все оделись, затем все уже назад ушли. Та, что последней пришла, осталась, мылась.

Тогда наш работник спустился, пошел. Этой красивой женщины одежду и обувь, штаны и верхние подштанники — все взял, в одно место положил. На одежду опустившись, сел, на нее глядя сидел.

Эта женщина вперед поплыла, потом назад, лицом к нему была. Теперь увидела (его), опустилась, присела, все так и сидела. Потом этой женщине очень холодно было, вся совсем замерзла. Тогда эта женщина сказала: «Ай, что же это стало? Зачем всю мою одежду взял, на ней сидишь и потому меня заставлял мерзнуть? Ну же, в сторону иди, глаза свои закрой, мне, когда выйду на берег, одеться позволь». Теперь (он сказал): «Если ты за меня пойдешь, если ты скажешь, что за меня пойдешь, то уйду и глаза свои закрою». — «Ничего не подделай, пойду за тебя, иди свои глаза закрывай».

Вот пошел, глаза свои закрыл. Потом поднял голову и поглядел: его женщина уже вышла, полностью оделась. Потом встал, подошел, к своей женщине подошел. Его женщина сказала: «Ты по чьему приказу пришел? Ты только за моим словом сюда пришел? Ну, пойдем вместе в мою деревню».

Вот встали, вместе пришли. Эта женщина прямо к своему дому привела, вместе зашли. Ни одного человека нет, только они вдвоем жили.

Когда отец этой женщины — барин узнал об этом, нашего работника позвал. Тогда в дом тестя-барина зашел, ему поклонился, подошел, сел. Его тесть-барин сказал: «Кто ты, пришедший⁶⁰ человек, почему без моего ведома мою дочь взял? Самые большие бары — все приходили, взять мою дочь хотели — ни одному не отдал. Что ты за большой человек, что без моего ведома мою дочь взял? Ну, если очень хочется взять, то всякого разного зверя убей, принеси, мне дай. Тогда я свою дочь тебе отдам».

Теперь наш работник, к своей жене прийдя, плакал. Тогда жена его спрашивает: «Ах, что тебе барин сказал?» Тогда наш работник и сказал: «Чтобы я разного зверя, всех убив принес». Потом (говорит):⁶¹ «Спустившись, лодку спихни, прямо в открытое море поезжай, когда поедешь, то посреди открытого моря — очень большая гора, две горы. На одном хребте — еловый лес, другой хребет — голая гора; между ними — тонкий бересклет. Эту траву на горе⁶² сожги, тогда всякие звери разные — все к тебе придут».

(. . .) убил. Теперь, возвратившись, барину принес. За свою жену, возвратившись, плату внес.

*Тылгунд*⁶³ № 14 (л. 114—116): Чавкающий ребенок — сын матери воды.

Была одна айнская деревня. Один (человек) отправился ловить в море камбалу на удочку. Одна большая рыбина попалась на крючок. Когда вытащил, в свою лодку положив, поглядел: рыба матери-воды. Дырку ее пупка увидал — точь-в-точь, как женский половой орган. Тогда влез, совокуплялся; окончив, еще живую поднял — ему велела сберечь.⁶⁴

К себе домой пошел. Прийдя, не сказал; скрывая жил. Потом из его селения люди охотиться на медведя пошли, три человека. Недалеко от деревни, у мыса, на месте, заливаемом во время прибоя, сидел один маленький ребенок и плакал. Когда повыше места прибоя пошли, отдыхали, табак курили, (его) увидели. На них поглядел, им сказал: «О, люди! К моему отцу, меня взял, отнесите!» Тогда наши товарищи: «Как

⁶⁰ Буквально: «спустившийся» («маһыр»).

⁶¹ Это, вероятно, реплика жены.

⁶² У Б. П. помечено: «т. е. голую» — вероятно, на голой горе.

⁶³ Записано 4 февраля 1894 г. от Ниспайна. Вариант к тылгунд «Сын Матери воды» (Штернберг Л. Я. Материалы..., № 39).

⁶⁴ Т. е., вероятно, велела не убивать ее.

твоего отца узнать? Если ты отца знаешь, его имя скажи». Тогда имя человека из их селения сказал: так-то звать.

Пошли, взяли и в дом названного им человека его понесли, внесли. Этому человеку сказали: «Вот как! Этот ребенок твое имя кричал, поэтому к тебе принесли». Тогда этот человек им сказал: «Так молчите».

Воспитывал; этот ребенок рос. Когда вырос, взрослым совсем стал, из своей деревни (пойдя), вверх на утес поднялся (сев), к *тол-ызу*⁶⁵ с просьбой обратился. Что-то, в воздухе крутясь, у него между коленями пройдя, стукнуло. Сабля! Взяв ее, охотиться на медведя пошел. Люди из его селения уставали таскать (туши), мясо медведя только и сушили.

Человек из его селения вверх по своей речке за строганиной из мороженой форели пошел. Когда издала клетку па столбах со своей строганиной увидал, там медведь один на этой клетке сидит, его строганину кушает. Поглядев, вниз по реке обернулся; снова обернувшись, поглядел. Человек один на этой клетке наверху сидит. Этот человек (сказал): «Ну, ко мне подойди». Наш товарищ к нему подошел, этот человек нашему товарищу сказал: «Ну, вместе в мою деревню пойдем». Наш товарищ говорит: «Мне поздно, как я пойду?» Тогда этот человек: «Ничего, близко!» — строго сказал.

Теперь вместе пошли. Когда поднялись, там два больших дома. К дому, что пониже, поднялись, зашли. Все пусто. Старик один, старуха одна и маленький ребенок один — трое только вместе (жили). Когда двинулись, входя, маленький ребенок подошел: «Мой отец гостей зовет». Вместе с этим ребенком в этот дом поднявшись, вошли. Старик один там был. Этот старик говорит: «Ваш чавкающий ребенок саблей нас только и рубит. Я когда умирать буду, я этой весной сойду вниз. Пусть он, свою саблю только заточив, ждет меня. То, что я передал, скажи».

Наш товарищ домой спустился. Чавкающему ребенку, прийдя, сказал. Тогда (ответил): «Я, весной пойдя на охоту, дорожку не буду срезать».

На следующее лето по направлению к своему мысу пошел. Там очень большой медведь, сидел, кушал. Тогда, нападая, подошел. Свою саблю из ножен вытащить не может, тянул и

⁶⁵ Хозяин моря.

не смог. За тело схватил (медведя). Поборолись, равными по силе оказались. Друг друга отпустили. Медведь в гору домой пошел, чавкающий ребенок в направлении моря домой пошел. Так сказано.

Тылгунд № 17⁶⁶ (л . 126—132): Происхождение одной луны; одного солнца.

Сначала, когда появилась эта земля, было два солнца. Лето было совсем, даже вода при хорошей погоде совсем закипала. Тогда впервые появилась птица *намгури*.⁶⁷ Две их всего только выросло. В отверстии кочки сидели, (там) жили.

Потом однажды (были) облака только на небе, солнце скрыли, и пошел дождь. Тогда младший сказал: «Ну, ты, выйдя, вниз по реке иди мух искать, свою пищу; я выйду и вверх по реке пойду мух искать».

Так когда сказал, старший вниз по реке полетел. Он, выйдя, двинулся вверх. Когда к очень толстой елке, ее нижнему стволу пришел, (там) озеро одно было. Когда на это озеро поглядел, увидел много каких-то насекомых, полно (их) слышно на берегу этого озера.

К озеру спустился и сел, так в это озеро глядел. Каких-то насекомых очень много. Одно схватил, съел. Теперь много поел. Когда ел, половину изо рта было видно.⁶⁸ Так назад полетел, к отверстию кочки полетев.

Когда зашел, его старший брат все дома сидит. На переднюю нару выблевал наш намурш младший: «Ну, брат, кушай». Теперь ел; поев, когда кончил: «Ну, пойдем вместе туда, где твои насекомые имеются» — так своему младшему брату сказал. Теперь вместе снова туда, где насекомые имелись, пошли.

Младший брат несколько выше нижних суков (елки) поднялся, сел. Старший брат, на самую нижнюю крайнюю ветку прийдя, сел. Тогда наш старший *намгури* в озере насекомых увидел, полетел, опустился, с берега к озеру спустился, сел.

Теперь, когда кушали, сверху серебряная птица спустилась, с другого края на озеро опустилась, села. Еще сверху-золотая птица спустилась, села. Они ели, совсем немного съе-

ли; вот уже поднялись, на ветку этой елки сели. Тогда наш младший *намгури*: «Ынайе! Ты, подумав, опомнись, кушай меньше. Хозяева, на свое место, где едят, когда, спустившись, ели, тебя увидев, кушать перестали, поднялись». Тогда наш старший *намгури* теперь с трудом поднявшись, на самую нижнюю ветку сел.

Тогда эта серебряная птица: «Давай, соревнуйся, вверх полетим, поднимемся». Тогда наш старший *намгури*: «Если ты хочешь, хорошо». Тогда эта серебряная птица вверх поднялась. Наш старший *намгури* тоже вверх поднялся. Когда эти поднялись, золотая птица за ними поднялась, а сзади наш *намгури* младший поднялся. Потом, когда ближе к небу поднялись, старший брат к подножию горы с опущенными крыльями падал, спускался. Мимо пролетая, когда встретился (младший брат) сказал: «Вот почему тебе говорил, а ты не слушал». Тогда его старший брат: «Что поделаешь? Сам плохо сделал, ничего не поделаешь» — так и спустился, исчез.

Тогда отсюда еще поднялись. Когда серебряная птица близко к нему поднялась, и она тоже к подножию горы с опущенными крыльями спускалась. Когда пролетал мимо, (младший брат): «Ты очень своих насекомых жалел, жалел; тебе не стыдно?» Тогда эта серебряная птица: «Что поделаешь? Я — женщина, вот плоха работою» — так спускалась, быстро вниз полетела.

Когда поднялся, из того места, где была дыра, вверх вышел. Около этой дыры одна густая пихта стояла. Эта золотая птица у корня этой густой пихты на малую ветку села. «Неву, неву» — так зачирикала. Тогда наш младший *намгури* около нее, опустившись, сел. «Ну, иди, ты намеревался со мной поспорить». Когда дотронулся до нее, одни лишь перья!⁶⁹ Так тут и упав, остались. Когда поглядел: отсюда след женщины — от той, что пошла, след виден.

Так наш товариш, спустившись, тоже мужчиной-человеком сделался. Теперь сзади нее пошел. Тогда эта женщина, опустившись, села отдохнуть, табак курила. Когда сидела, к ней подойдя, около нее опустившись, сел. «Ну, иди!» Потрогал — тогда опять только одна одежда; так, тут упав, осталась. Когда поглядел: большим медведем сделавшись, пошла. Как пошла, (ее) след виден. Тогда наш товариш, тоже большим медведем сделавшись, за ней пошел.

⁶⁹ Сама ушла (Б. П.).

⁶⁶ Записано 9—10 февраля 1894 г. от Ниспапна. Вариант, весьма близкий к тылгунд «Две синицы» (Штернберг Л. Я. Материалы... № 16).

⁶⁷ Болотная синица.

⁶⁸ Часть видна была изо рта — так много [ел (Б. П.)].

Идя, к устью большой реки спустилась; легла, положив голову на передние лапы. Тогда наш товарищ к ней подойдя тоже, лег, положив голову на лапы. «Ну, иди!» Так потрепал — малой нерпой сделалась, на другую сторону поплыла. Наш товарищ оттуда спустившись, тоже малой нерпой сделался, на другую сторону поплыл.

На той стороне в большое село, к пристани этого села приплыла, остановилась. Тогда наш товарищ тоже приплыл, рядом остановился. Тогда эта малая нерпа опять человеком сделавшись, женщиной сделавшись, вот по пристани этого селения пошла. Наш товарищ тоже человеком сделавшись, сзади нее пошел.

След этой женщины прямо пошел. В дом один зашла. Тогда наш товарищ за ней зашел. Эта женщина одна сидит. Тогда подойдя: «Это твой конечный пункт?» — так сказал. «Да, это он». Тогда наш товарищ: «Я тебя взять хочу». Тогда эта женщина: «Я согласна». Вот уже вместе жили.

Ее отец, барин, дочь позвал. Вот эта женщина к отцу пришла; ее отец сказал: «Ты куда ходила и откуда пришла? Ты, сама взяв мужа, пришла? Ну, то, что я говорю, (ему) скажи. Как лето, тогда эти два солнца; как людям расти, никак не вырастут, совсем от жары умирают. Как зима, тогда эти две луны, совсем лица не высунуть, как жить будем? Ну, так вот, если (к нему) пойдешь, скажи, чтобы он пошел, эту одну луну и это одно солнце убил и возвращался. Тогда вы как хотите, хоть вместе живите», — так сказал.

Теперь, к своему мужу прийдя, от начала новость рассказала — как отец сказал, так и рассказала. Теперь, как рассказала, так наш товарищ: «Уж так пойду». Теперь, собравшись, пошел.

Когда шел, все какая-то тундра, так мокро идти по тундре; то одна, то другая нога проваливается, выше колена застревает. Так идя, к невысокому хребту подошел. Тогда на другой склон спустившись, поглядел: там недалеко от берега моря один большой дом, у Охотского моря был.

Теперь туда вниз спустился, один большой котел был. Там шест один был, на этом шесте повесили: багор, длинный ремень. Тогда этот багор взяв, (к морю) спустился. Когда в море поглядел: одна большая треска там внизу сидит. Тогда за хвост этой трески ухватился, вытащил ее на берег. Ей на спину наступил. В этот дом пошел. Зашел; когда отворив, зашел,

посредине передней нары очень старый старик лежал, спал. К нему подойдя, молотком стукнул, по его голове ударил. Этот старик все спит. Отдохнув, (наш товарищ) снова встал, долот бил — теперь (старик) встал.

Тогда старик говорит: «Ты зачем, прийдя, меня будишь?» Тогда наш товарищ: «По делу, по надобности пришел. Когда я хотел жену взять, мой тесть-барин велел мне эту одну луну, это одно солнце убить — так мне сказал». Тогда этот старик: «Ну, вместе на ту землю пойдём».

Вместе вышли, на спину этой трески наступили. Теперь па (ту) землю пошли. Когда вышли (старик сказал): «Много воды зачерпнув, этот котел наполни». Вот наш товарищ воды зачерпнул, этот котел наполнил. «Дрова нарубив, огонь зажги». Вот, дрова нарубив, (в котел) нагревал. Когда котел закипел, нашего товарища, его сидящего, железной лопаткой целиком зачерпнул, поднял, в этот котел положил. Теперь варит; пока варил, все сварил, даже все его кости сварились и пропали. Эта вода даже вся выкипела.

Тогда этот старик со дня своего котла ногтем соскреб, в белый шелк завернул. Теперь на ладонь положив, подул. Вот наш товарищ ожил, телом целый, встал. Только вся его кожа железная.

Тогда к двери, что была на склоне этой горы, где эта дверь, туда пошел. Эту дверь потянул. Тогда белая лошадь вышла; уздечка и вся упряжь — из серебра. Этот старик говорит: «Ну, эта лошадь, чтобы в луну стрелять. Есть еще такая лошадь». Красная лошадь еще вышла, у этой уздечка и вся упряжь — из золота. «Ну, эта (лошадь), чтобы в солнце стрелять. Сначала на эту белую лошадь иди садись; эту красную лошадь, сзади привязав, поезжай. Потом, если эту одну луну убьешь, эту белую лошадь сзади привяжешь, на эту красную лошадь сменив, садись верхом, к солнцу поезжай. Это солнце одно, если убьешь, тогда назад возвращайся» — так сказав, его послал.

На эту белую лошадь сев, когда поехал, по дороге три раза на землю падал. Оттуда поднялся, вверх полетел. Когда двигался, луна одна появилась; тогда медной стрелой, поднявши, стрелял. Как выстрелил, потухла. Тогда эту белую лошадь сзади привязав, эту красную лошадь сменив, сел. Еще поехал. Когда это солнце появилось, серебряной стрелой, подняв, выстрелил — его погасил. Вот уже назад к своему старику прие-

хал. Тогда старик лошадей взял, в клетку поставил: «Ну, теперь домой иди».

Вот наш товарищ уже к своей жене приехал. Его тесть-барин обрадовался, встал. Тогда этот в *намгурш* превратился и к себе домой пошел, со своей женой вместе пошли.

Когда спустились, его старший брат и та серебряная птица людьми сделались: его серебряная птица женщиной стала, ее налгурш-старший — мужчиной стал; вместе жили. Наши товарищи рядом с ними дом построили, жили. От этих людей люди выросли. Когда впервые человек родился — от них родился. Сказано.

Тылгунд № 20⁷⁰ (л. 137—140 об.): Безголовый человек. Женитьба на женщине-волке.

Один только (был). На гору охотиться пошел. Поднявшись, заночевал. В эту ночь очень сильный ветер был. На другой день оттуда назад хотел домой пойти, вот заблудился. Вот его юкола вся уже (съедена), потом голодный пошел. Когда шел, широкий след от лыж увидел. Тогда по этому (следу) пошел. Когда шел, один балаган там был. Когда его ближе увидел, дым от огня идет. Около этого балагана мясо оленя лежало. К нему (к балагану) пошел.

Когда пригляделся, у этого человека⁷¹ головы нет, его глаза находятся на плечах, рта нет. Ой-ой, испугался, назад идти подумал. Тогда этот человек без головы сказал: «Приходи, не бойся, почему там сидишь? Подходи». Тогда наш товарищ говорит: «Если так, я к тебе иду. У меня совсем юколы нет, я с голоду помираю». Тогда этот говорит: «Прийдя, мясо этого оленя изжарь, поешь». Наш товарищ к нему пошел.

Рядом с этим безголовым человеком была одна совсем старая старуха. Тут эта старуха в его сторону зубами пощелкивает.⁷² Тогда этот безголовый человек кулаком эту старуху ударил — вот легла. «Эту старуху не бойся, сюда зайдя, садись». Наш товарищ теперь, зайдя, сел. Мясо этого оленя изжарив, снял с огня, на малые куски разрезал, съел. Тогда этот безголовый человек говорит: «Ынайе, зачем это на малые куски разрезав, съел? На меня погляди». Одну ногу этого оленя целиком себе в горло запихнул. Засунул, когда вынимал,

то одни кости вынул, ею (костью) кинул. «Гляди, так я кушаю молодой человек таким образом кушает». Тогда наш товарищ: «Я уже пойду». Тогда этот безголовый человек говорит: «Ты сам думай. Если идешь — иди». Тогда мяса оленя немного дал. Наш товарищ уже пошел.

Когда шел, еще по следу — такому в два пальца — пошел. Еще по этому следу пошел. Еще один балаган оказался. К нему пошел.

Там человек красивый находился. К нему прямо пошел. Еще мясо убитого оленя рядом с собой положил. В котелке это мясо варил. Сварив, снял с огня. Сидящий там человек сам только супа попил, а мясом нашего товарища покормил. Тогда наш товарищ говорит: «Почему ты мяса не захотел?» Этот человек говорит: «Нет! У меня для мочи только отверстие есть, а в тазу отверстия нет!». Тогда наш товарищ сказал: «Так и кушай, я твою задницу ножиком просверлю» — так сказал. Теперь этот человек покушал, прилег. Легли спать; когда спали, среди ночи у его товарища в заднице болело, все стонет. Тогда наш товарищ, встав, его одежду, от задницы приподнял, ножиком задницу проколол. Свой ножик вытащил, гавно вышло.

На другой день вместе пошли. Этот человек в село пошел. К дому, стоящему на самом краю большого селения, пошел. Зашли. Сидящие в этом доме люди — такие красивые. На одной наре сидели холостые женщины, очень красивые женщины. Тогда много еды приготовили, своих гостей кормили. Потом вечер сделался. Этой ночью, когда спали, на конце этого села голос волка (послышался), слышно, как воет, все ближе подходит. Пока он ночевал, к дому подошли волки — все малые, все только дети — волчата. Энайе их испугался. Голос умолкнул. Голову приподнял, на них поглядел: теперь все они людьми сделались.

На следующее утро, встав, хозяева этого дома со своим гостем пошли на охоту. Вместе шли, к берегу большой реки пошли. Вот уже их гость там, лук держа, сидит; его товарищи вверх (пойдя) соболя гнали, к нему пригнали.

Сверху в эту речку вошли, все голые люди, друг друга по спине били, по голому телу шлепали. Женщины там тоже. Их груди болтаются, их *vulva* открыты. Эти мужчины их волосы, что у половых органов, по обе стороны расправили, их *penis*'ы болтаются.

⁷⁰ Записано 11 февраля 1894 г.

⁷¹ Что в балагане (Б. П.).

⁷² Скушать его хочет (Б. П.).

Поскользнувшись,⁷³ выстрелили, свои луки взяв, в них стрелять хотят. «Ой, ой», — так сделали, еще кричат. В одного выстрелил, достал. Один большой медведь упал, умер. Еще подняв (лук), в одного выстрелил — большой олень умер. Потом эти малые⁷⁴ в росомаху превратились, в выдру превратились, во всяких разных зверей превратились. Тогда его товарищи к нему пришли, мясо этих зверей на плечах понес. Домой пришли. Эту красивую женщину нашему товарищу дали.

Потом к нему домой спустились. Человек волка-хозяйку взял, через нее разбогател. Сказано, так передают.

Тылгунд № 21 (л. 140 об.—145 об.): Отец с сыном против таежного человека.

Нивхское селение одно было. Отец вместе со своим сыном на охоту с петлями пошли. К своему балагану поднялись. В этот вечер из бересты три посуды сделали. Мось в жертву принесли, свой огонь кормили.

Потом (отец) свою берестяную посуду сыну дал: «Ну, по воду сходи; как кончили есть, воды попить захотел!» Тогда его сын за водой пошел, долго отсутствовал. Вот видно вдали, идет с реки, его посуды из бересты нет. Его отец: «Где твоя посуда?» Его сын совсем молчит. «Еще одну посудину взяв, за водой иди». Тогда у его сына слезы начали капать; эту посудину взяв, пошел вниз.

Тогда его отец свое копьё взял, свой лук взял, сзади за своим сыном пошел; потихоньку вниз пошел. Его сын, спустясь, руку опустив начал зачерпывать. С той стороны реки какая-то рука протягивается, к черпаку его сына подошла и вырвала (черпак). Когда свою руку стала убирать, (отец) изпод своей руки выстрелил. Потом, спустившись, своего сына обнял, понес, от реки пошел.

Внес в дом, огонь зажег. Когда в лицо своего сына поглядел, крови нисколько нет. Тогда своего сына туда отнеся, положил, одеждой накрыл. Всю эту ночь до рассвета совсем не спал.

Когда увидел, что чуть рассвело, свое копьё взяв, спустился, на ту сторону пошел. На верх обрыва поднявшись, поглядел: какой-то след вверх пошел, видно, что с одной стороны (от следа) кровь капает. Наш товарищ сзади по следу пошел.

⁷³ В рукописи стоит: «побежав вниз» («члеит»).

⁷⁴ Из голых людей — дети (Б. И.).

На большой хребет поднялся, до одной дыры дошел. След этого *кинз'а* прямо в это отверстие (шел). Тогда наш товарищ сзади пошел.

У этого *кинз'а* одежды не было, шерсть очень мохнатая, густая. Около этого *кинз'а* его сына одежда, обувь, штаны, шапки, рукавицы—около него лежат. Тогда наш товарищ этого *кинз'а* поругав, пошел, своего сына все вещи взял, себе за пазуху запихнул. Выйдя, к своему сыну спустился, зашел. Разбудив, его одежду закрыл; поглядев, смеялся, разговаривал. Тогда в этот день домой пошли, петель не поставили, назад спустились.

Своего сына вырастил. Сын уже большим человеком стал, очень богатый, вот уже самый богатый. Тогда отец своему сыну сказал: «Ну, я теперь хочу пойти на охоту туда, в тот находящийся на расстоянии балаган, где когда-то *кинз* чуть тебя не забрал». Вот так когда сказал, его сын говорит: «Ну, иди». Так поглядев, теперь вещи собрал; вверх поднялся.

Тогда сын с собакой на охоту пошел. Потом своего отца ища, пошел. Когда к его (отца) балагану подошел, даже следа нет. К небольшому амбару пошел. Поглядел: его провизия только лежит. Прийдя в балаган, когда зашел, его отца постель лежит, огонь потух. Вот огонь зажег, покушал. Когда окончил, вышел, немного дальше отошел.

Тогда (на дереве) наплыв был, топором отрубив, принес. В дом зашел, из этого наплыва *чнай*⁷⁵ сделал. Сделав, в голове⁷⁶ своего очага положил. Этому *чнай* говорит: «Ну, моего отца потерял, куда (он) пойдя пропал?» — так спросил. Тогда его *чнай* внутрь его огня, в середину зашел — и нет, пропал; думал, что пропал. Этой ночью, чуть свет, его *чнай* вышел, на нары сел. Его *чнай* сказал: «Ну, я знаю, как твой отец пропал. Этот таежный человек (пал ни²вн) взял. Этот хозяин узнал, что ты своего отца искать пришел; всех хозяев со всех сторон спустив, заставил тебя караулить. Этого места самому оленьему хозяину велел сидеть, караулить тебя. Еще другому, волка хозяину, вторым велел сидеть; еще двоим другим вместе, тиграм, велел сидеть. Тебя сидит караулит на самом верхнем краю земли сидящий — называется «На поляне сидящий» — тебя сидит караулит. Он сам — выше предыдущего сидит.

⁷⁵ Изображение.

⁷⁶ Т. е. возле очага (Б. П.).

Инау⁷⁷ свою голову обвязал,⁷⁸ железом сверху себе сделал, сидит, — так этот *чнай* сказал. Тогда наш товарищ тот серебряный *чнай*, что на своей шее носил, положив греет — к огню сунув, держит; расплавился, на другую сторону перевернул, заставил закипеть. Его взяв поднял, проглотил. Потом нож вынул, себя колол. Потом из его верхней кожи кровь хлынула; глубже внутрь колол, стукнуло: все только железо.

Потом выйдя, свое копьё взял, свой лук взял. Теперь пошел. Пойдя, к этому оленьему хозяину направился. Лук в руки взяв, на землю положил. Теперь этот олень сказал: «Ну, иди ко мне, что ты, мой голос услышав, сидишь, (тебе) сказано!» Тогда этот олень свои рога наклонив, землю поковырял, бросился. Наш товарищ копьё поднимая, колол, когда колол, на землю повалил; убил. Его язык, вытащив, в одну сторону повесил; его сердце взял, с другой стороны повесил, между ними прошел. Отсюда пойдя, к волка хозяину направился. (Волка хозяин): «Ты ко мне приходи» — тогда на него бросившись, подошел. Еще свое копьё поднимая, колол; еще его всунув, убил. Еще его язык с одной стороны повесил; его сердце, вытащив, с другой стороны повесил; еще между ними прошел. Пойдя, к двум вместе (ходящим) тиграм направился. Тогда еще (сказал): «Ну, идите!» — один тигр бросился. Свой лук поднимая, выстрелил, свалив убил. Еще одного к себе подпустил; свое копьё поднимая колол, еще одного убил. Его сердце, его язык поднимая тут повесил; еще его сердце, его язык вынул, по другую сторону повесил; еще между ними прошел.

К покрытому сверху себя землей⁷⁹ пошел: «Ну, иди сюда!» — тот тоже бросился. К себе подпустив, свой лук поднял, ему в рот выстрелил. Его стрела через задний проход вышла: в стоящее там дерево попал.

Теперь отсюда пошел. Пойдя, к таежному хозяину пошел. Не доходя остановился, сел. Этот таежный человек сказал: «Ыныйе, ты человек храбрый, самый смелый. Я тебя боюсь. Ну, поближе подойди» — так сказал. Тогда наш товарищ к нему пошел и говорит: «Я тебе гостинец принес,⁸⁰ есть маленький» — так сказал. Тогда этот таежный человек говорит: «Ну,

если так, дай мне; что такое — я не знаю, что ты мне принес». Тогда наш товарищ к нему пошел; его стошнило, вырвало: его серебряный *чнай* вышел, живой, ноги у него болтаются. Тогда таежный человек говорит: «Ынайе, что это такое?» Так нагнулся, когда глядел. Наш товарищ на его макушку поглядел, затылок придавил. За его лоб схватив, повалил. Свой нож вынул, в его темя⁸¹ колол. Его сразу уложил, убил.

Вот уже назад домой пошел, в свой балаган, спустившись, зашел. Тогда его из наплыва (сделанный) *чнай* смеяться стал, а потом: «Ынайе, храбрый человек, самый смелый» — так сказал.

Тогда наш товарищ на спину лег, табак курил, задумался. Так лежал и откуда-то звук женского плача послышался. Все ближе голос слышен, потом шум ее шагов приближается. Тогда наш товарищ, встав, сел. Эта женщина к нему зашла. Такая красивая; одежда хорошая. Эта женщина говорит: «Ты всех моих братьев убил, выбросил» — так сказала. Тогда наш товарищ говорит: «Ынайе», я твоих братьев прежде не знал, они зачем моего отца взяли? Я отца отправился искать, когда поднялся. Зачем спустились меня караулить?» — так сказал. Тогда эта женщина: «Не разговаривай, зачем говоришь!»⁸² Тогда наш товарищ говорит: «Ты зачем ко мне спустилась, я тебя возьму.⁸³ Я не знал тебя вовсе, зачем ко мне пришла?» — так сказал.

Тогда эта женщина: «Я уже домой пойду» — так сказала. Вот уже вышла, домой пошла. Тогда наш товарищ вышел, сзади нее пошел, к ее дому поднялся. Эта женщина сама лишь живет. Поднявшись, к ней зашел: «Ну, спустимся вместе» — так сказал. Тогда эта женщина: «Ты почему ничего не знаешь?»⁸⁴ — так сказала. Тут сверху какой-то шум шаг приближается. Тогда женщина говорит: «Вот мой муж уже подходит». Ну же, выйдя, ступай домой!» Тогда наш товарищ говорит: «Я, выйдя, с твоим мужем буду воевать» — так сказал.

Теперь, выйдя, свое копьё взял. Медведь один к нему еще ближе подошел. Свое копьё поднимая, колол. Вот уже, повалив, убил. Потом уже женщину взял, домой спустился, Сказано.

⁷⁷ Ритуальный предмет, играющий роль посредника в коммуникации с божествами, хозяевами других миров — у многих народов Дальнего Востока.

⁷⁸ Т. е. от лба до затылка (Б. П.).

⁷⁹ Т. е. к медведю (Б. П.).

⁸⁰ Буквально «поднял» («марнд»).

⁸¹ «Лухрунг кути» (фонетическая транскрипция Л. Я. Штернберга) — буквально: «отверстие в затылке» (Б. П.) или «отверстие макушки».

⁸² Сердилась и велела молчать (Б. П.).

⁸³ Буквально: «тебя надену» («чхсиньндра»).

⁸⁴ Безумный, глупый (Б. П.).

Человек один на охоту пошел. Черный рябчик один, с земли поднявшись, на дерево сел. Тогда, петлю наладив, начал ловить. Тут его рябчик, спустившись, о землю ударился, опять поднялся, и вот человек один встал. Этот человек говорит: «Ынайе, зачем ты меня петлей убить хотел?» — так сказал, там лежавшее дерево взяв, поднял, ударил. Тогда наш товарищ сказал: «Пожалей меня. Я только думал, что ты зверь, тебя поймать хотел». Тогда этот человек опять черным рябчиком сделавшись, полетел.

Наш товарищ назад спускается, какая-то дорога хорошая, к дороге пришел. Тогда по этой дороге пошел. Тут кто-то, человек ли, половина дерева равный⁸⁶ (показался). (Наш товарищ), срубленное бревно неся в руках, в сторону от дороги пошел, спрятался, смотрит. Тогда (заметил, что у того человека) на поясе очень много сумочек для огнива. Тогда, подойдя, с ним поравнявшись, потихоньку спустился, ножик вынул, его сумку отрезал. Опять назад в сторону отошел.

Теперь эту сумку развернул, поглядел: медвежьих когтей полно. Тогда поднял, к себе за пазуху сунул. Так сидел. Опять этот мильк назад возвращается: «Где моя сумочка?»⁸⁷ — так подходит. Когда, подойдя, поравнялся с ним: «Когда сюда пришел, как будто дернуло».

Вот уже мимо (шел). Тогда (наш товарищ) еще опустил-ся, его одну сумочку оборвал, взял. Где раньше сидел, туда пошел. Еще развернув, поглядел: эта сумочка соболиных когтей полна. Тогда опять, подняв, к себе за пазуху сунул.

Потом домой спустился. Этот нивх, когда на медведя охотился, много убивал. На соболя когда охотился, много убивал. Благодаря этому очень разбогател. В жены много женщин взял. Так сказано.

ОТЧЕТЫ ОБ АЙНСКИХ ШКОЛАХ
НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ

Одна из сторон в жизни и деятельности ученого, которую сам он считал для себя важнейшей, «дававшей лично много удовлетворения» и моральное право сознавать себя на Сахалине «общественной единицей», пока не получила достаточного отражения. Речь идет о большой просветительной работе, которой Б. О. Пилсудский занимался с большим энтузиазмом почти всю жизнь. Еще учась в Виленской гимназии он становится одним из руководителей кружка самообразования учащихся, на собраниях которого изучался и обсуждался широкий круг вопросов по истории и философии.² На Сахалине, оказавшись в положении ссыльнокаторжного, он мучительно обдумывает свою жизнь и приходит к выводу, что создан для общественной деятельности. Его пугает перспектива жить только «личной жизнью и удовлетворяться родственными связями», ему необходимо чувствовать себя «хотя наполовину гражданином и полезным человеком общества». Но в то же время «иметь выход для общественной деятельности» только в нелегальной пропаганде, как это было до каторги, он также уже не может. В письме к Л. Я. Штернбергу в марте 1896 г. Б. О. Пилсудский пишет: «Я насколько изучил себя неспособен к последней (К нелегальной пропаганде — В. Л.) и никогда не возьмусь за нее. Напротив, ко всякого рода культурной работе я чувствую стремление и без нее мне было бы невыносимо тяжело жить».³ Такой культурной работой стало участие в устройстве школ, библиотек, метеостанций, музея, организация народных чтений, позднее научная работа.

Почти все время в с. Рыковском у него уходит на школьные уроки для русских и нивхских детей. Несколько часов уходит на работу в библиотеке. Не без гордости он сообщал: «У меня в Рыковском устроились, наконец, народные чтения. Что они привьются и могут доставлять удовольствие и пользу, видно из того, что каждый раз собирается около 100 или даже свыше сотни человек... Читаем Гоголя мелкие рассказы (Тараса Бульбу — это одно чтение было с картинками), Кулака — Никитина, Лес шумит — Короленко. Теперь достали картины по истории из Александровска и ведем чтения с систематическим изложением русской истории. Вторая половина чтения отдается беллетристике».⁴

⁸⁵ Записано 12 февраля 1894 г. от Ниспайна.

⁸⁶ пал нивх (Б. П.) — т. е. таежный человек.

⁸⁷ Сам себе говорит (Б. П.).

Он подаёт «заявку о народном образовании и желательной его постановке в Тымовском округе» начальнику округа Г. А. Савримовичу, готовит статью по этому же вопросу в газету «Владивосток». Пилсудского беспокоит судьба его учеников, уезжающих на материк, он обдумывает «на что обращать внимание и к чему полезнее всего подготавливать» их для иной жизни и учебы. Показательны отношения Б. О. Пилсудского с одним из своих лучших учеников, нивхским юношей Индыном, которого он взял для продолжения образования с собой во Владивосток.

Была задумана большая работа по истории просветительных учреждений на Сахалине, собраны материалы по школам, библиотекам, метеостанциям, музею, народным чтениям, но отъезд во Владивосток прервал над ней работу.

Публикуемые отчеты относятся к деятельности Б. О. Пилсудского на Сахалине во время научной командировки на остров по заданию Академии Наук и Русского комитета Международного общества по изучению Центральной и Восточной Азии в 1902—1905 гг. Уже полностью посвятив себя научной работе, он не оставляет заботу о коренном населении острова, стремится всячески ему помочь. Одним из проявлений такой заботы стало устройство айнских школ на юге Сахалина. Публикуемые документы хорошо раскрывают несомненный педагогический талант Б. О. Пилсудского. В одном из писем Л. Я. Штернбергу еще в 1895 г. он писал: «Я признаю себя неспособным к воспитательной деятельности, потому что не умею создать дисциплины. Если и удастся мне когда-нибудь подействовать на кого, то только путем душевной беседы. Но для нее требуется взаимная привязанность и достаточный авторитет учителя».⁵ Именно «такая взаимная привязанность» была характерна для атмосферы в айнских школах. Русско-японская война прервала успешно начатое дело. Но даже небольшой опыт показал стремление айнов к учебе, возможность успешной ее организации. Б. О. Пилсудский был убежден, что «когда жизнь примет здесь опять мирный спокойный характер, стремление это, я уверен, выразится еще в более сильной форме... Потребуются, конечно, не малые денежные средства и люди. Первое должно дать государство, а людей надо ждать от русского, всегда отзывчивого на доброе дело, общества».⁶

Публикуемые отчеты хранятся в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока в г. Томске в фонде Канцелярии военного губернатора о. Сахалина в деле 2031 «О выработке законоположений, относящихся до инородцев»,

В этом же деле хранятся еще несколько рукописей Б. О. Пилсудского. Среди них «Проект правил об устройстве управления айнов о. Сахалина с кратким объяснением к отдельным пунктам».⁷ В «Проекте...» всего 28 пунктов, два из них посвящены организации школьного дела. Собственный опыт позволил Б. Пилсудскому сформулировать программу обучения айнских детей с учетом национальных особенностей и социально-культурной специфики Сахалина. Многие мысли и предложения, высказанные ученым в начале века, не потеряли свою актуальность и в наши дни.

Документы публикуются впервые. Текст воспроизводится без изменений.

В. М. Латышев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ ЛО ААН СССР, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 233, л. 49.

² Иноуэ Коити. Путешествие Бронислава Пилсудского поневоле // Бюллетень Национального музея этнологии. — Специальный выпуск — № 5. — Осака, 1987. — С. 54 (на японск. яз.). За участие в кружке в 1885 г. после окончания седьмого класса Б. Пилсудский был исключен из гимназии.

³ ЛО ААН СССР, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 233, л. 50.

⁴ Там же, л. 51.

⁵ Там же, л. 40.

⁶ ЦГА ДВ, ф. 1133, оп. 1, д. 2031, л. 223.

⁷ Опубликовано в сборнике Сахалинского областного краеведческого музея «Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области». Препринт. — Южно-Сахалинск, 1986. — С. 131—147.

*КРАТКИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ
ОБ АЙНСКОЙ ШКОЛЕ В КОРСАКОВСКОМ ОКРУГЕ
В 1903/4 ГГ.*

Журнал со всеми записями ежедневной жизни школы-интерната не прислал еще мне учитель школы и поэтому ограничиваюсь лишь кратким изложением ее деятельности.

Помещалась школа согласно разрешению г. Военного Губернатора¹ в отрядном доме в п. Найбучи.² Здание это бывало жилым лишь в летние месяцы и поэтому не имело даже печки, надо было поставить хотя бы камин, починить двери, окна, устроить нары. Ремонт этот кончился к 1 декабря, а 3 января г. Смотрителем поселений³ были присланы 6 парт из ближайшей русской школы. Обстановка была незатейливая, но по сравнению с предыдущим годом это был большой шаг к лучшему.

Число учеников колебалось от 10 до 6. Возраст их от 10—17 л.; учился один, правда, очень недолго, взрослый 26 л. Заболела дочь у него, и он должен был уехать домой, продолжая учиться арифметике дома.

Предметы занятий были те же, что и в предыдущем году. Также пришлось налегать на арифметику, на письмо, а чтение по книге шло медленно. Введено было мною систематическое обучение русскому разговору; объяснялись все слова, встречаемые в азбуке, а также заучивались названия предметов, имеющих отношение к ежедневной школьной жизни. Давалось это довольно трудно и облегчилась лишь задача, когда в число учеников поступил сын айнки и русского крестьянина, не знающий по-айнски и переговаривающийся с товарищами по-русски. Особенно интересным для всех учащихся было умение записывать русскими буквами айнскую речь. Охотно писали большие грамотные сочинения, воспоминания, описания покупок своих, дневники, каждый день осаждали меня разными записками.

Учителем школы был тот же аинец Тарондзи,⁴ он же мог бы считаться и учеником школы, так как все время очень старательно учился у меня по русски, изучая грамматику, упражняясь в письме и в правильном разговоре. Незнакомый с техникой преподавания в школе, конечно, он далек от идеала народного учителя, но пока что под ближайшим моим руководством и как помощник мой, он вполне на месте.

В интернате был всегда порядок, не оставляющий желать ничего лучшего. Дети наблюдали сами за чистотой, пилили и рубили сами дрова, очищали тропку, ведущую в дом, от снега, даже долгое время сами варили себе пищу. Когда я увидел, что последняя работа, отнимает много времени у учащихся, пришлось согласиться нанять для хозяйских обязанностей двух девочек, родственниц учащихся. Я пытался было уговорить их учиться грамоте и даже получено было разрешение от родителей их, но они сами вскоре отказались при первых затруднениях. Все дети посещали баню, сами заботились о чистоте одежды, родители охотно шили им лишние для перемены платья.

Взрослые айны и родные учеников, и приезжавшие посторонние, посещали школу и иногда подолгу просиживали, прислушиваясь к занятиям или пересматривая с учениками иллюстрированные книги, которые я добывал для школы.

Приходится крайне пожалеть, что первые шаги нового дела выпали в такой тяжелый и тревожный год. Нельзя было выполнить также намеченную программу относительно введения в занятия школы какого-либо ремесла, что в дальнейшем считал бы очень важным и желательным даже со стороны учащихся и их родителей.

Август 1904 г.

Б. Пилсудский.

**СПИСОК ПОЖЕРТВОВАНИИ И ПОСТУПЛЕНИИ,
ПРИНЯТЫХ для АЙНСКОЙ школы
в КОРСАКОВСКОМ ОКРУГЕ в 1903—1904 гг.**

От Корсаковского окружного Начальника⁵

Тетрадей	— 100
Карандашей	— 4 дюжины
Чернильного порошка	— 2 пачки
Досок грифельных	— 5
Грифелей	— 20
Линеек	— 4
Ножик	— 1
Бумаги № 7	— 1 стопа
Ручек	— 30
Перьев	— 2 коробки
Книжек для чтения	— 15
Ушинский год I	— 5
Ушинский год II	— 5
Тихомиров. Кратк(ая) Грамматика	— 2
Гольденберг. Задачник часть I	— 3
Гольденберг. Задачник часть II	— 3
Горбов. Русская история	— 2
Кудрявцев. Арифметика	— 2
География краткая	— 1

От И. П. Шеманеля

Бумаги № 6	— 1 стопа
Карандашей № 4	— 1 дюжина

От А. С. Якубовского

Лупа небольшая	— 1
----------------	-----

От Б. О. П.

Полотенец	— 5
Шарфа	— 2

От А. П. Бирича⁶

Котелков японских	2
Сахару	— 1 голова
Чаю кирпичного	— 10 кирп.
Чашек фарфоровых	— 5
Блюдец к ним	— 5

От смотрителя поселений П. П. Вержбеница

Солонины	— 2 пуда
Керосину	— 1 банка
Школьных парт	— 6

Денежные поступления

От г. Военного Губернатора	— 200 р.
» А. П. Такая	1 р.
» И. П. Калаца	2 р.
» Г. П. Шеманеля	2 р.
» Б. О. П.	— 50 к.
» Е. Н. Николаевой ⁷	1 р.
» японского консула Номуры ⁸	— 10 р.
» И. Д. Шредерса	2 р.

От Д-ра Горшкова

Журнал «Нива» за 1 год.

В течение учебного года израсходовано деньгами 141 р. 65 к. следующим образом:

на вознаграждение учителя	— 64 р.
на прокормление учеников в интернате	— 59 р. 32 к.

на освещение	— 7 р. 92 к.
на письменные принадлежности	— 1 р. 07 к.
на хозяйственные и мелочные расходы	— 9 р. 34 к.

Итого: 141 р. 65 к.

Остается неизрасходованных денег 76 р. 85 к. Авансовый счет и документы представляются особо.

Август 1904 г.

Б. Пилсудский.

ЦГА РСФСР ДВ ф. 1133, оп. 1, д. 2031, л. 82—83 об. Подлинник.

*КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ АЙНСКОЙ ШКОЛЕ ГРАМОТЫ
В КОРСАКОВСКОМ ОКРУГЕ ЗА 1904—1905 ГГ.*

Осенью 1904 г. я хотел начать обучение айнских детей на севере в с. Найеро, так как здесь рассчитывал сам прожить более продолжительный срок, приблизительно до середины зимы. О желании своем учиться заявлял еще весной несколько подростков из с. Найеро,³ Тарайки,¹⁰ хотелось мне также привлечь к школе и детей ороков, живущих вблизи п. Тихменевского.¹¹ Предполагал я выписать учителя Тарондзи с юга из с. Найбучи, так как (знал), что там без моего присутствия занятия так же не начались бы. Оттуда же я ждал и учебные пособия, так как при отъезде из Тымовского округа удалось мне достать только один экземпляр азбуки. Пока же в ожидании приезда учителя с юга и ороков с севера после окончания ими охоты, я, поселившись в комнате надзирателя в с. Найеро, предложил желающим учиться айнам приходить ко мне. Нашлось пока 4 мальчика-подростка 12—16 лет. Один самый старший вскоре бросил учение, так как не легко шло ему усвоение знаков счисления и родные ворчали, что двое из одной семьи отлучаются на слишком продолжительное время из дому. Медленно, но довольно систематически почти ежедневно происходило у нас обучение чтению по одной лишь книге, письму и легче всего усваиваемой айнами арифметике. Мальчики ревностно относились к занятиям, хотя много мешала нам теснота помещения, постоянная сутолока в единственной комнате квартиры надзирателя и отсутствие пособий: даже карандашей не было и писать приходилось малыми огрызками.

Еще больше было общей печали, когда я решил ехать на юг раньше предполагаемого срока. Медвежий праздник в с. Найеро, на который я рассчитывал раньше, был отложен до следующего года. Напротив на юге ожидалось праздники выведения 5 медведей. Многие айны из Найеро спешили туда на лодке. Мне надо было также воспользоваться случаем побывать еще раз на этом главнейшем айнском празднике, и я 1 ноября поехал, оставив грустных детей и только начатую ими науку. Учитель не явился, ороки тоже не приезжали еще и весь план, сочиненный для первого опыта на севере, так и не удался. Просил я надзирателя показывать хоть изредка мальчикам буквы и цифры, но из этого ничего не вышло. Фельдшер в Найеро (взял) потом к себе одного мальчика — сироту... жить и начал было тоже учить его, но через несколько

дней вернувшись домой старшие отобрали мальчика.

На юге я застал то же настроение и условия, которые еще весною заставляли кончить занятия в школе раньше срока. Слухи об ожидающейся высадке японцев циркулировали очень оживленно; почти ежедневно (видели) будто то там, то тут дым паровой. Нелепые разговоры о том, будто айны знают, когда и где начнется высадка, доходили и до них самих. Они с одной стороны сами отчасти верили, что вот-вот займут остров японцы, с другой страшно боялись этого момента высадки, следующих за нею битв. Что делать? Куда деваться? Опасность не только от шальных пуль; дружина наводила страх на айнов не менее, чем бродяги; некоторые из-за своих жен не хотели бы встречаться и с японскими войсками. Боялись также и ходившего слуха, что всех русских после взятия Сахалина японцы вывезут и айнов, как русских поданных, тоже. Один старик-старшина высказывался, что я имею специальную цель переманить всех айнов в Россию. Многие готовились убежать при появлении японцев в горы. В каждой семье старались быть в тяжелую опасную минуту все вместе, и как весною настаивали на отпуске детей из интерната, так теперь боялись отослать их туда. Предполагаю, что не без влияния была и боязнь вызвать неудовольствие возможных, по мнению айнов, будущих новых владельцев острова. Ненависть некоторых шовинистически настроенных японцев к русским была известна айнам. Однажды еще в 1903 г. один айно говорил, что нехорошо, чтобы учились дети только одного его селения; если будет худо потом, то только его односельчанам, поэтому лучше, чтобы учились по одному мальчику из каждого селения. Очень возможно, что кое-кто из японцев неодобрительно отозвался о нашей школе, сравнивая с теми прекрасными школами и миссионерскими и правительственными, которые на о. Хоккайдо устроены для айнов.

Время от времени появлялся слух в поселенческой среде, что учащиеся грамоте айнов будут брать в дружину, что де на Амуре, где обучали гольдов, уже забрали всех учившихся, и такие речи действовали в конце концов на некоторых родителей. «Ты не сердись, — говорил мне один айно — мой приятель, — что я не учу своего сына. Но когда такая страшная неуверенность, будем ли завтра живы, то право, думаешь, не все ли равно, умрет ли мой мальчик грамотным или неграмотным».

Об интернате и о более правильной постановке учения, то есть об устройстве школы в одном месте и при непосредствен-

ном моем участии, не могло быть речи. Не было даже помещения, которым мы пользовались в предыдущем учебном году. В Найбуцах стоял все время отряд солдат, затем прислана была туда дружина.

Все-таки оставить совершенно занятия мне не хотелось, так как известно, что без постоянного упражнения малограмотные быстро забывают свои знания. Поэтому уговорил я учителя Тарондзи согласиться поработать еще и в текущем году и объезжать тех, что учились раньше и заставлять их читать, писать и считать насколько позволяют им обстоятельства и не отказывать в указаниях тем, кто хотел бы начать учение.

Если раньше наши занятия были далеки от идеальной постановки дела, то сейчас они превратились в повторительные курсы для малограмотных.

Кроме Тарондзи, который согласился объезжать селения Руре,¹² Найбучи, Ай,¹³ Отосан,¹⁴ Серароко,¹⁵ один из старших учеников больше других сделавший успехов в грамоте, Туйцино 18 л. взялся учить детей в своем селении Сиянцах.¹⁶ Обещал будто ему помогать какой-то знакомый, хорошо грамотный поселенец из ближайшего селения Николаевского.

Я только наездом из Корсаковского дважды видел эти занятия, идущие как и можно было предполагать, крайне неправильно, медленно, вяло. Без необходимых для педагогов воодушевления, такта, без технической подготовки по обучению, мои учителя имели лишь одно необходимое для учителя иностранческой школы данное — это знание родного языка учащихся, на котором только и можно что-нибудь им объяснить.

Заметных успехов до моего отъезда дети почти не сделали. Из числа учившихся шесть мальчиков могут читать печатное, пишут хотя с трудом по-русски, и легче им записывать русскими буквами айнские слова, по арифметике знают первые три действия.

Девять человек из учащихся еще не кончили науки и по арифметике одни знают сложение и вычитание, другие только знакомы с первым.

Уезжая в 20-х числах февраля просил наведываться и поддерживать учителей и учащихся смотрителя поселений 2 у (частка) г. Вержбенца, всегда сочувственно относившегося к обучению айнских мальчиков, и учительницу в с. Владимировке А. И. Иванову.

Ввиду указанных обстоятельств я не обращался с просьбой об отпуске мне денежного пособия на школу. Как видно из представляемого авансового счета, я не израсходовал даже тех денег, которые оставались у меня с предыдущего года.

Всего оставалось у меня денег 76 р. 85 к. Из них израсходовал я 43 р. 05 к. «а именно: учителям по 20 февраля 1905 г. — 40 р. и на письменные принадлежности 3 р. 05 к.» и 28 р. оставил Смотрителю Поселений с просьбой выдать учителям, если занятия ими будут продолжаться. 5 р. 80 к. я оставил у себя, желая приобрести на эти деньги какие-либо подходящие для учащихся книжки или игры и послать им в виде школьных подарков.

Пожертвование в эту зиму поступило лишь от одного лица: Г-жа Якобсон дала 4 дюжины черных карандашей, 5 цветных и 2 десяти¹⁷ почтовой бумаги.

Сейчас в тревожное, полное неизвестности относительно будущего, время рука не поднимается писать более подробно о пожеланиях по отношению к айнским школам на Сахалине.

Опыт показал, что есть желающие учиться грамоте. Когда жизнь примет здесь опять мирный, спокойный характер, стремление это я уверен, выразится еще в более сильной форме. Чтобы пойти навстречу этому заметному среди айнов движению, выйти из продолжительного инертного состояния и стать ближе к культурным расам, потребуются, конечно, немалые денежные средства и ... люди. Первое должно дать государство, а людей надо здать от русского, всегда отзывчивого на доброе дело, общества. Для всякого начала всегда нужны незаурядные работники, а люди, преданные делу, а Сахалинские инородцы, — знакомившиеся, благодаря несчастной для них случайности, в течение десятков лет с отбросами нормального общества — несчастным, но и сильно порочным ссыльным элементом, — имеют больше, чем кто бы то ни было право на отправку к ним с прекращением ссылки лучших людей.

Что касается типа школ, которые легко прививаются среди инородцев и будут полезны для них, то я писал об этом уже в другом месте (Проект устройства быта и управления инородцев).

При этом представляю кроме документов в израсходовании денег и образцы письменных работ учащихся айнских мальчиков.

28 апреля 1905 г.
с. Рыковское¹⁸

Б. Пилсудский.

Следует еще упомянуть о начавшемся обучении айнских детей в Мауке.¹⁹

Когда я, впервые знакомясь с айнами, приехал в Мауку летом 1902 г., меня крайне поразило обилие обучающихся японской грамоте. Несколько молодых людей уже умели писать и служили мне переводчиками, сами записывали в тетради японскими знаками русские новые для них слова. Заставал я в отдельных домах и учителей японских рабочих или писарей с соседних промыслов за уроками. Видно было, что есть у них сознательное стремление стать грамотными. Я посоветовал старикам просить администрацию об открытии у них школы, разъяснив, что, конечно, школа будет русская, но что преимущественно грамотного человека на каком бы то ни было языке одинаковы. Прошение было подано и получило одобрение г. Военного Губернатора, который поручил даже позаботиться о помещении для школы, попросив об этом у рыбопромышленников Демби. Этот весной 1903 г. обещал все устроить, если я возьму на себя ближайшее заведывание школой. Но моя специальная командировка и начатые уже работы на восточном берегу, затем поездки в Японию и к орокам не позволили сначала принять, а затем воспользоваться предложением. Я чувствовал некоторый укор совести по отношению к Маукинским аймам, которые, находясь под меньшим огрубляющим влиянием ссыльных пришельцев, а иод большим влиянием японцев, значительно сознательнее и сильнее айнов восточного берега имели влечение к познанию грамоты. Подходящего человека для отправки в качестве самостоятельного учителя ни я, ни местная администрация не могли отыскать.

Когда весной 1903 г. проезжал через Корсаков в Мауку Д(октор) Кириллов²⁰ на службу врача на промыслах Семенова и Демби, я передал ему все эти обстоятельства, и он обещал сделать опыт первого насаждения в Мауке русской грамоты. В июне месяце он писал мне, что «школа летом не может состояться, в действительной полноте, а на зиму могла бы быть. Учились сначала 12 детей, потом 7, из них 4 айнских». Других сведений уже я не имел.

Осенью 1903 г. я узнал, что в Мауку доверенным Семенова²¹ и Демби²² поехал знакомый мне по Владивостоку обанкротившийся книготорговец Зензинов, и что он продолжает заниматься с детьми, обучавшимися у врача Н. В. Кирилова. Я написал Зензинову письмо, прося сообщить подробно о школе, о результатах учения и не нуждается ли он в каких-либо пособиях.

Ответ от 31 декабря 1903 г. я получил следующий: «Школа в Мауке помещается там же, где она была и при д-ре Кирилове (очевидно, в одном из зданий на промыслах Семенова и Демби), ежедневно отапливается, при моем содействии и японским столяром устроены длинные школьные столы, таковы же скамейки, черная классная доска и классные счеты. Занятия начались с 30 ноября ежедневно, кроме праздничных дней от 9 до 11 часов утра. Учеников айнов 8, из них 4 учившихся у Кирилова, немного умеющих читать и 4 начинающих. Русских детей 4 (1 начинающий и 3 грамотные). Все дети приблизительно 8—10 лет. Азбука проходит по звуковой методе, по оставленной д-ром Кириловым подвижной азбуке. Что касается русских детей, то за успех их ручаюсь, но про айнских детей пока решительно ничего не могу сказать вследствие того, что они, во-первых, посещают школу неаккуратно, под видом того, что их родители посылают на разные работы, но главное, это не понимание по-русски; и в чтении их, хотя и можно добиться ровного даже сравнительно быстрого чтения, но оно механическое, они за незнанием русского языка читают и ничего не понимают, поэтому чтение их не так интересуют и самостоятельно, оставивши школу, они едва ли займутся чтением. Вот это главное обстоятельство заставляет подумать, каким образом устранить все это.

Айнское население здесь больше под влиянием японцев, чем русских, дети все лучше говорят по-японски, чем по-русски, поэтому в школах для айнов русские учителя, не зная японского или айнского языков, не будут иметь успеха».

После объявления войны г. Зензинов уехал из Мауки и занятия с детьми прекратились.

На 1904—1905 учебный год оставались неизрасходованными — 76 р. 85 к.

Израсходовано:

25/XI	1904	На письменные принадлежности	3 р.
30/XII	1904	Туйчино за обучение мальчиков летом	3 р.
20/1	1905	Тарондзи за обучение с 20/XII—20/1	12 р.
	»	Туйчино	8 р.

	»	»	20/I—20/II	5 р.
20/11	»	Тарондзи	»	12 р.
Итого:				43 р. 05 к.
Оставлено г. Смотрителю Поселений для выдачи учащимся				28 р.
А всего				71 р. 05 к.

Остается неизрасходованным 5 р. 80 к.

28 апреля 1905 г.

Б. Пилсудский.

ЦГА РСФСР ДВ: ф. 1133, оп. 1, д. 2031, л. 219—226.

Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ляпунов Михаил Николаевич — генерал-лейтенант, в 1898—1905 гг. военный губернатор о. Сахалина.

² Найбучи — айнское селение на восточном побережье Сахалина в устье реки Найбы. В 1866 г. вблизи основан русский пост Найбучи. С 15 октября 1947 г. с. Усть-Долинка (ГАСО ф. 53, оп. 1, д. 512, л. 87). Решением Сахалинского облисполкома № 502 от 29 декабря 1962 г. с. Усть-Долинка исключено из учетных данных населенных пунктов области.

³ Вержбенц П. П. — смотритель поселений 2-го участка Корсаковского округа.

⁴ Тарондзи Сэтоку — айн, помощник Б. О. Пилсудского при организации и работе айнской школы в п. Найбучи. Автор книги «Рассказы о Карифуто айнах» (на яп. яз.), Токио, 1929.

⁵ Звягин Михаил Андреевич (1849—?) статский советник, 11 августа 1900 г. назначен начальником Корсаковского округа.

⁶ Бирич А. П. — очевидно Бирич Хрисанф Платонович — крупный сахалинский рыбопромышленник из ссыльных. Был приказчиком у купца Я. Л. Семенова. В ГБЛ среди переписных карточек А. П. Чехова имеется карточка на Х. П. Бирича: Маука, двор № 19, поселенец Хрисанф Бирич, 31 г., вероисповедание католическое, Волынск, фельдшер, грамотн.

⁷ Николаева Евгения Николаевна — акушерка, в 1901 г. приехала на Сахалин из г. Павлограда Екатеринославской губернии, назначена повивальной бабкой при Корсаковской окружной лечебнице.

⁸ Номура Мотонобу — японский вице-консул в п. Корсаковском в 1903 г.

ФОЛЬКЛОР АЙНОВ¹

1. ФИЛИН

Я вел счастливую жизнь в деревне Хорокаруру,² в той ее части, какая ближе к лесу. Как-то я узнал, что сестра Человека, Воспитавшего Себя Сам (Яиресупо)³ очень красива. Поэтому мне захотелось, чтобы она была рядом со мной, всегда сидела в моем доме ближе к входной двери.⁴ И я пошел в дом Человека, Воспитавшего Себя Сам, и, придя, уселся. Человек, Воспитавший Себя Сам, пожелал мне доброго утра, но не заговорил со мной. Тогда я сказал: «Пусть я не очень сильный человек, но мне хотелось бы увидеть твою младшую сестру в моем доме у моих ног. Поэтому я пришел, чтобы увидеть ее». Но Человек, Воспитавший Себя Сам, ответил мне: «Ах ты, повеса! Ты всего лишь бесполезная птица, маленький филин, покрытый жесткими перьями, и мне в голову не придет позволить своей сестре выйти за тебя замуж». Когда я услышал эти оскорбительные слова, злость вошла в мое сердце. Разъяренный, я вышел из дома и сел на верхушку большого инау⁵ позади дома. Охваченный гневом, я сидел на инау и вопил, посылая свои проклятия в сторону дома Человека, Воспитавшего Себя Сам. От моих криков заболел дух-хранитель (серемаки) Человека, Воспитавшего Себя Сам, да и сам он едва не отправился в нижний мир.⁷

Я вопил два дня, вопил три дня. И, наконец, Человек, Воспитавший Себя Сам, сказал мне: «Маленький человек-филин, не сердись больше! Я больше не буду перечить тебе, разрешу взять мою сестру в твой дом, смотреть на нее, когда она будет

¹ Произведения фольклора собраны среди айнов Сахалина. №№ 1—3 представляют собой песни-легенды (ойна); №№ 4—6 — сказки (уцакома); №№ 7—10 — басни (туйта); № 12 — поэма (хауки).

² Географическое название, часто встречающееся в айновом фольклоре. Означает: «за морем».

³ Первый айн — полубог, получеловек, — обычный, герой легенд сахалинских айнов. Дословный перевод имени: «Человек, Воспитавший Себя Сам».

⁴ Место, обычно отведенное для жены в айновом доме.

⁵ Шест или жердь, украшенный длинными стружками. «Инау» считается талисманом для улаживания богов.

⁶ «Женским» считается левый задний угол жилища. «Мужской» — задний правый угол дома, обращенный к входной двери.

⁷ «Понакотан» (нижний мир) — мир усопших.

⁹ с. Найеро — современный р. п. Гастелло Поронайского района.

¹⁰ с. Тарайка — самое северное старинное айновое селение, расположенное на косе у протоки между озером Невским и Охотским морем. С 1947 г. с. Устье Поронайского района. Решением Сахалинского облисполкома № 27 от 26 января 1965 г. населенный пункт исключен из учетных данных.

¹¹ Пост Тихменевский — основан в 1869 г., с 5 июня 1946 г. г. Поронайск, центр Поронайского района.

¹² Руре — айновое селение на берегу Охотского моря в 7 км южнее с. Дубки (совр. с. Стародубское).

¹³ Ай — селение на берегу Охотского моря в 18 км южнее с. Отосан. Решением Сахалинского облисполкома № 365 от 8 августа 1967 г. исключено из учетных данных населенных пунктов области.

¹⁴ Отосан — в настоящее время п. Фирсово Долинского района.

¹⁵ Серароко — в настоящее время пгт. Взморье Долинского района.

¹⁶ Сиянцы — айновое селение Сиянча на левом берегу р. Найбы. На правом берегу р. Найбы в двух километрах от айновского селения в 1884 г. основано русское селение Сиянцы, названное в честь начальника Главного тюремного управления М. Н. Галкина-Враского с. Галкино-Враское. С 5 июня 1946 г. г. Долинск, центр Долинского района.

¹⁷ Десть — мера писчей бумаги, 24 листа, 24 дести — стопа.

¹⁸ Рыковское — основано в 1878 г., с 1937 г. с. Кировское Тымовского района.

¹⁹ Маука — с 5 июня 1946 г. г. Холмск, центр Холмского района.

²⁰ Кирилов Николай Васильевич (1860—1921) — талантливый врач и исследователь коренного населения Дальнего Востока. Автор более 100 работ, посвященных вопросам здравоохранения, народной медицины, этнографии, антропологии, климатологии, охотоведения на Дальнем Востоке. В 1896—1899 гг. работал на Сахалине заведующим лечебницей Корсаковского округа.

²¹ Семенов Яков Лазаревич (1831—1913) — крупный владивостокский купец, рыбопромышленник и предприниматель. С 1878 г. вел промысел морской капусты на Сахалине в районе Мауки. Фирма «Семенов, Демби и К⁰» в 1899 г. имела здесь уже 20 рыбных промыслов. Автор работы «Промысел морской капусты в Японском море». Владивосток, 1885. Первым из русских промышленников основал свое представительство в Японии в г. Хакодате на о. Хоккайдо.

²² Демби Георгий Филиппович — шотландец, принявший русское подданство в 1876 г., владивостокский купец II гильдии, компаньон купца Я. Л. Семенова на рыбных промыслах и добыче морской капусты в Мауке.

сидеть у твоих ног». Тогда я усмирив свой гнев, женился на этой женщине и возил ее с собой повсюду, где бывал. Поэтому я одной крови с людьми (энциу), хотя я всего лишь человек-филин, ближайший родственник человека.

2. ВЫДРА

Я жил в своем доме, когда мне принесли весть о смерти человека, утонувшего в море. Чтобы выслушать эту новость, я пошел к двери. Но я забыл мой кинжал¹ и вернулся. Потом снова пошел к двери. Но теперь я забыл ножны и вернулся опять. Потом я забыл рукоятку и снова вернулся. Потом я забыл пояс, на который подвешивается кинжал, и вернулся снова, в четвертый раз. Наконец, я вышел во двор. Но вестник уже ушел. Тогда я пошел по его следам к лесу. Там, где река делает поворот, я перешел ее вброд и снова очутился вдруг у излучины. Мухе *ТАНТАЙСЕ*, мухе *цаце цаце*.² Я увидел сидящего на древе дьявола в облике птицы. Он был очень зол. «Каницин каницин каницин, халуу, маленький калан, каницин, каницин! Я хочу поймать душу Человека, Воспитавшего себя Сам, но я не могу». Так он сказал. Недовольный, я пошел прочь. «Мухе тантайсе, мухе цаце цаце!» — неслось над рекой. Я вышел к месту, где река разделялась надвое. Между рукавами реки рос огромный клен с ветвями, обращенными к востоку. Среди ветвей обитали злые духи. В их жилище прятался большой ящик. Помолясь, я схватил его и пустил вниз по течению. Клен рухнул и злых духов унесло течением. Я взял ящик и отнес его в дом Человека, Воспитавшего Себя Сам, и отдал ему. Он поблагодарил меня, дал мне «инау», и я обрел новую суть (камуй). Теперь я живу счастливо и состою на службе у Человека, Воспитавшего Себя Сам.

3. ЛУННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Меня воспитывала старшая сестра. Каждый день она выходила за водой. Брала с собой ведро и черпак. Однажды она вышла, и я напрасно ждал ее возвращения. Три ночи я ждал, но она не возвращалась. Я забеспокоился, изготовил «инау» и посвятил его моей прамати Огню, попросил о сестре, но

¹ Когда в деревню приходит весть об утопленном, человек, приносящий эту весть, как и те, кто ее выслушивает, должны вооружаться старинными японскими кинжалами.

² Звуки, имитирующие крадущееся движение выдры.

не получил ответа. Тогда, рассердившись, я сделал «инау» в честь бога жилища (зисе атамба камуи) и попросил его о сестре, но не получил ответа. Тогда, разозленный, я вышел на берег реки и обратился с просьбой к речному богу, но не получил ответа. Я пошел в лес, сделал «инау» для своей прамати Красной Ели, она не знала о сестре. Потом я спросил Серебристую Ель, но тоже безрезультатно. Полный злости, я покинул их и пошел к моей прамати Зарослям Ивы и спросил о сестре. Она ответила: «Я, Заросли Ивы, люблю поговорить. Слушай, что я скажу тебе. Твоя сестра ушла на луну и вышла замуж за Лунного Человека».

Я очень рассердился и зашагал прочь, шатаюсь, к своему дому. Как только я пришел туда, взял стрелу с черным оперением, и еще одну с белым оперением и вышел из дома. Сначала я пустил стрелу с черным оперением, затем — с белым оперением. Держась за кончики стрел, я взмыл в облака. И там была моя старшая сестра, которая вышла, улыбаясь из дома, и кончики ее бровей были опущены. Она держала за руку маленькую девочку. Я никогда не видел раньше такой девочки. От ее лица исходили лучи света. Этот свет шел во все стороны, и он коснулся моей головы. На меня смотрели ее прекрасные глаза. Все мои дурные чувства улетучились. И моя сестра сказала: «Почему ты сердисься, малыш? Разве ты не понимаешь, что благодаря Лунному Человеку, ты можешь жениться на этой прекрасной маленькой девочке?»

Настроение мое улучшилось, злость прошла. Я вошел в дом, где на железном табурете сидел мой богоподобный шурин и дружески мне улыбался. Удовлетворенный увиденным, я сел. Никогда раньше я не видел человека, подобного этому. Рядом с уголком, где были установлены «инау» в честь бога жилища, стоял такой высокий ящик, что его крышка касалась потолка. В женском углу стоял похожий ящик, прислоненный к балке.¹ В середине комнаты на железном табурете сидел богоподобный человек и смотрел на меня. Он смотрел на меня приветливо, как если бы встречал меня раньше.

Потом хозяйка дома дала мне поесть, а хозяин сказал: «Я бог, и я хотел иметь твою сестру. И я взял ее, принесшую в мой дом ведро и черпак. Я женился на ней, и мы живем очень

¹ В ящиках обычно устанавливаемых в указанных местах дома, айны держали оружие кинжалы, стрелы, луки и колчаны. По высоте таких ящиков можно было судить о достатке обитателей дома.

счастливо. Бери мое дитя и женись на ней. Даже если она будет несчастна с тобой, все же у тебя будет кто-то, кто сможет принести тебе воды».

С того дня я породнился с Лунным Человеком. Он женился на моей старшей сестре, у них двое детей — мальчик и девочка. Мы с моей женой были крепки здоровьем, но детей у нас не было. И мы состарились. А у моей старшей сестры были дети, которых она воспитывала, а потом состарилась. Об этом нам рассказали птицы.

4. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОСТРОВА ТЮЛЕНЕЙ (о-в Робин)

В прежние времена в Токес¹ обитало великое множество айнов. Однажды жена айнского мужчины забеременела. Айнский мужчина рассердился² и побил ее плетью, сделанной из шкуры морского льва. Когда его гнев немного остыл, он уснул рядом с женщиной.

Затем у него родились две девочки. Одна из них стала шаманом, ее имя было Саунонну.³ До этого в море не было острова под названием Сирето.⁴ Саунонну была дочерью морского бога. А вторая дочь была дочерью бога суши. Но Саунонну была шаманом и воздвигла посреди моря остров, которого раньше не было.

Этот остров появился рядом с другим, расположенным у самого берега. Его посещали только годовалые тюлени, так что у него было два названия — «Тукара коро мосири» («Остров годовалых тюленей») и «Помпе коро мосири» («Помпе» — вариант названия годовалых тюленей). На острове и в окружающих его водах водилось множество тюленей. А Саунонну поплыла на созданный ею остров и жила там среди скал. Люди ее рода приходили к этому острову на лодках, убивали много тюленей, грузили лодки добытыми тушами и возвращались к родному берегу. Так что сородичи Саунонну жили очень хорошо.

¹ «Токес» — (буквально: «на краю озера») представлял собой айнский поселок на берегу Залива Терпения. Теперь поселка нет.

² Эта женщина принадлежала ему только по закону, она была помолвлена с ним, но еще не жила с ним супружеской жизнью.

³ Буквально означает: «Цветок с берега моря».

⁴ Длинные мысы (напр. Мыс Терпения) айны обычно нарекали «концом земли» — «Сирето».

Однажды случилось, что поссорились жители деревни. Поссорились так сильно, что некоторые вместе с женами и детьми сели в лодки и перебрались на остров, где жила Саунонну. Она их всех очень хорошо встретила, и они никогда не вернулись туда, где жили раньше.

Со временем на острове не стало тюленей, остались только морские львы. Потом вымерли и они, осталось только множество котиков, морские львы заходили лишь изредка и по одному. Такова старая легенда.

5. ОХОТНИК НА СОБОЛЯ

Я пошел охотиться в горы вдоль маленькой речки. Построил хижину и на следующий день установил за хижинкой «инау» Потом поставил несколько ловушек на соболя, переночевал в хижине и потом целых два дня проверял ловушки. Три дня я не охотился. По пути домой проверил ловушки и подивился большому количеству пойманной дичи. Обрадованный, я сделал из пойманных зверьков связку. Вдруг заметил дымок, вьющийся из-под крыши моего дома. Удивленный, я подошел поближе. Уже вблизи дома я услышал звук, похожий на шум чего-то кипящего. Я задумался было: кто бы мог это придти в мой дом, но войдя внутрь, увидел свою жену. Сидя на моем ложе, она готовила еду. Я разулся и по просьбе моей жены вручил ей свою обувь. Все еще сомневался, действительно ли это моя жена. «Быть может, она хочет сделать меня богатым человеком», — думал я. Посмотрел на нее еще раз и увидел, что это и в самом деле она. Моя жена сидела на постели с довольным лицом. Мы провели с ней ночь под одной крышей, но спали порознь.

На следующее утро она встала и занялась приготовлением пищи, ходила взад-вперед по дому. Я встал попозже, умылся и сел поесть. После завтрака женщина сказала: «Когда я уйду, я подам тебе знак». Сказала и ушла. «Это медведица», — подумал я, нарезал «инау» и вдруг увидел, что она действительно превратилась в медведя. Я перепугался и поставил «инау» повсюду, где ступала ее нога. И провел ночь в одиночестве.

Утром следующего дня я пошел проверить свои ловушки. Добыча была богатой, особенно много попало соболей. Когда прошло время охоты с ловушками, я ходил бить зверя и

был очень удачлив. Убил множество тюленей, разбогател и жил очень хорошо.¹

6. ТЮЛЕНИЙ ОСТРОВ

Меня воспитывал дедушка. Он кормил меня мясом морских животных, которых приносил домой с охоты. Так мы и жили. Однажды мой дед, как обычно, отправился поохотиться на морских животных, чтобы накормить меня. Он вернулся домой поздно вечером и без добычи, и сказал мне: «Я был на острове, где из года в год добывают для нас пищу. Но там не оказалось ни одного тюленя. Я слышал их рев, хотя и далеко в море, — рев старых животных. И я подумал тогда, старые животные ушли с острова куда-то в другое место. А ведь долгое время этот остров кормил нас, там всегда было полно тюленей, а теперь не осталось ни одного. И поэтому я вернулся без добычи». Так сказал мой дедушка.

Я выслушал эти слова и задумался, как бы мне добраться до этого далекого острова. От этих мыслей не мог даже спать ночами. И однажды ночью, когда дедушка спал, я пошел на берег моря. Взял дедушкину охотничью лодку, спустил ее на воду и направился в открытое море.

Я греб изо всех сил и вскоре увидел остров далеко от берега. Я подошел к острову и высадился на берег. Здесь везде было множество тюленей. Вдруг появился убогий человечек и начал бранить меня: «Зачем ты пришел сюда? Зачем ты пришел на этот остров? Ведь здесь самое плохое место, зачем ты пришел? Здесь опасно оставаться. Укрой свою лодку среди скал, наполни ее тушками убитых тюленей и среди них спрячься сам. Ужасный бог этого острова уже близко. Спрячься, пока он не увидел тебя».

Вскоре появился бог и я услышал, как он спрашивает: «Что это за лодка?». И Человек, Воспитавший Себя Сам, ответил: «Это моя лодка». — «Однако доска для сидения привязана веревкой, свитой левой рукой, и она пахнет человеком», — сказал злой бог. «Я только полубог и получеловек, — ответил Человек, Воспитавший Себя Сам, — так что и лодка может быть человеческой, и запах может быть человеческим». «Че-

¹ Айнская легенда гласит что обитатели лесов приходят к айнам в дом в облике мужчины или женщины и помогают им в охоте. Их называют «кимукайку» («люди леса»), «океан окайо» («лесной мужчина») или «океан манеку» («лесная женщина»).

ловек, Воспитавший Себя Сам, — сказал бог, — ты могущественен и бесстрашен. И в этом твоя сила. Но сегодня мы посмотрим, кто кого одолеет».

Затем бог отправился к себе, а Человек, Воспитавший Себя Сам, повернулся ко мне и сказал: «Дитя мое, возвращайся в свою деревню как можно скорее. И когда будешь проплывать мимо головы острова,¹ выстругай один «инау» из березы, другой — из ясеня и установи их в своей лодке. Потом выстругай «инау» из дерева «уйта»² — это дерево злого бога, — и оставь его на острове. Твой отец в молодости был моим большим другом, поэтому я прошу тебя больше здесь не появляться, место это очень опасное. Когда ты уйдешь с острова и окажешься в открытом море, ты услышишь рев и грохот битвы между мной и богом, и на твою лодку прольется кровавый дождь. Это будет означать, что я ранен. Но ты плыви дальше. Потом кровавый дождь прольется позади твоей лодки. Если ты в этот момент обернешься, то увидишь, что я убил злого бога. С тех пор, как ты уехал из дома, твой дедушка тревожился за тебя. Он ходит взад и вперед по берегу, опираясь на большую палку. Он знает, что ты на этом острове и умоляет меня помочь тебе. Его мольбы пробивают тучи и падают на мою голову. Направляй свою лодку под эту радугу!».

Подняв глаза, я увидел вдруг, что нахожусь возле моего дома, и мой дедушка ходит по песчаному берегу, опираясь на толстую палку. Он всматривался в небо так пристально и моллился так истово, что даже не заметил, как я вышел на берег прямо перед ним. Из лодки я взял двух тюленей, по одному в каждой руке, понес их деду и бросил на землю у его ног. Он так испугался, что упал на спину. Только тогда он увидел меня и очень обрадовался. Он хлопал меня то по спине, то по груди и добродушно ворчал: «Что же ты вытворяешь? Зачем тебя носило на этот остров? Ведь если бы не мой друг, бог Са-Майе,³ я бы тебя больше никогда не увидел».

Я вошел в дом, ободрал убитых животных, порезал мясо на куски, приготовил его на огне и дал деду поесть. Через не-

¹ Обычно «головой» (или началом) острова называли северное или восточное побережье. Южную или западную части называли «ногами» (или концом) острова.

² Дерево «уйта» редко встречается в южной части Сахалина. Я никогда его не видел и не знаю, как оно выглядит. Из его листьев готовят отвар, помогающий от кашля.

³ Другое имя Человека, Воспитавшего Себя Сам, у жителей Эдзо Видимо, происходит от японского «сама», выражающего почтение.

которое время он говорит мне: «Когда я умру, не ходи больше на тот остров, это слишком опасное для тебя место».

7. ПОЧЕМУ У ЛИСИЦЫ РАСКОСЫЕ ГЛАЗА И ПОЧЕМУ У ЗАЙЦА НЕТ ХВОСТА

Медведь и Лисица жили вместе. Они сделали сани и возили друг друга по очереди. Сначала Медведь покатали Лисицу, по быстро выбился из сил. Потом Лисица возила Медведя, но сани застряли в узком месте между деревьями. Медведь завопил: «Проклятая! Зачем ты так гонишь, ведь здесь растут деревья! Другое дело — на ровном месте!» Так сказал Медведь, но Лисица не обратила внимания на его слова. Вскоре они достигли горы и стали взбираться наверх. Но тут Лисица опрокинула сани, Медведь свалился вниз с горы и убилися. Лисица сняла с него шкуру, перетащила тушу домой и стала есть его мясо. А когда все съела, привязала медвежий пузырь к своему хвосту.

Вскоре Лисица проголодалась снова и пошла на берег моря поискать какой-нибудь еды. Там она увидела стадо оленей, и один из них сказал: «Слушай, Лисица, что означает эта смешная вещь, привязанная к твоему хвосту?» Два оленя набросились на Лисицу с двух сторон и стали тыкать ее своими рогами. Но Лисица выскользнула, олени поранили друг друга и издохли. Лисица сняла с них шкуры, перетащила оленей домой и стала есть их мясо.

Когда съела все мясо, то снова почувствовала голод и пошла на берег моря поискать какой-нибудь еды. Вскоре ей встретился Заяц, который сказал: «Человек-Лисица, зачем ты привязала к своему хвосту эту штуку?» — «Ты тоже сможешь иметь такую, если послушаешься моего совета. Выкопай во льду ямку, засунь в ямку свой хвост, взрыхли снег передними лапами. Тогда и у тебя появится нечто, привязанное к хвосту». Так сказала Лисица. И Заяц поверил ей и сделал, как ему было сказано. Но его хвост примерз ко льду. Лисица бросилась на него, но Заяц подпрыгнул и вырвался на свободу.

Не солоно хлебавши, Лисица вышла на берег и увидела сидящую на льду птицу. Стала подкрадываться к ней, но птица улетела, крича: «Вот пустоголовая! Вкусненького захотелось! Ты думала поймать меня!» А Лисица расстроилась, что упустила добычу, и долго провожала птицу глазами.

Вот почему у Лисицы раскосые глаза, а у Зайца хоть и был раньше хвост, но из-за лисьей хитрости он его лишился.

8. ВОРОНА И МИДИЯ

Жила Ворона и была у нее дочь, которая полетела на морской берег среди всякой всячины, выбрасываемой морским прибоем на сушу. Увидела Мидию и стала ее клевать. Но Мидия закрыла свою раковину так неожиданно, что защемила нос маленькой Вороны. Тут прилетела с моря птичка к закричала: «Держи ее покрепче!» А маленькая Ворона взмолилась: «Отпусти меня, Мидия!» После этого полетела домой, причитая: «Охо-хо! «Старая Ворона спросила ее: «Что это такое ты сделала, отчего твой клюв сломался?» А маленькая ответила: «Когда я прилетела на берег и увидела Мидию, то стала ее клевать, мой нос застрял в раковине и сломался. Мать, позови маленькую птичку Вертиголовку,¹ и пусть она вылечит меня». Так сказала маленькая Ворона.

Старая Ворона полетела звать: «Маленькая Женщина-Вертиголовка, приходи и вылечи мое дитя!» Прилетела Старая Вертиголовка, вылечила клюв и стал он, каким был раньше. «Когда будешь собирать траву «антури» (съедобная трава а с Iасеae), не бери сразу слишком много!» — сказала она и улетела.

Прошло немного времени, и Маленькая Ворона стала собирать эту траву и набрала ее слишком много в свой клюв. Позвали Старую Женщину-Вертиголовку, но она сказала: «Ведь я тебе говорила, не брать слишком много травы «антури», но ты меня не послушалась, взяла слишком много сухой травы. Я больше не буду помогать тебе». Клюв маленькой Вороны загнил, и она умерла.

9. ПОИСКИ МОРСКОГО ЛЬВА

Мой старший брат жил вместе со мной. Я никогда не видел Морского Льва и мечтал увидеть его. Я пел о нем, я обожал его, хотя мне было известно о нем лишь его имя. Я умолял моего брата до тех пор, пока ему не надоели мои просьбы, и он начал строить лодку. Он взял топор и ударил по дереву: «Котоно, тоно, котону-тону!» Когда он закончил лодку, он вошел в дом и сказал: «Скорее собирайся в дорогу! Ты поедешь со мной к Морскому Льву, которого ты никогда не видел и так мечтаешь увидеть». Так он сказал. И я вставил две серь-

¹ По преданию, эта птичка врачует.

ги в нижние ушные отверстия и две серьги в верхние. Привел в порядок волосы и отправился вместе с братом.

Мы сели в лодку, и он повез меня к небольшому острову, который виден издали. Потом мы пришли туда, где находилось жилище Морского Льва. Мы увидели торчавшие из воды скалы. Они закрывали от нас прибрежные горы и горы в глубине острова. Мы подошли вплотную к скалам. Я искал глазами хоть какие-нибудь следы человека в этих местах. Потом мы вошли в жилище, где я увидел Старого Морского Льва. Его старые раны гноились, а свежие были покрыты струпами. Мой брат ввел меня в жилище, оставил там одного, а сам вернулся домой. Я остался и вел жизнь, полную лишений.

10. ЖЕНЩИНА И ДЕМОН

Я была просто женщиной. Однажды я услышала шаги, кто-то приближался к дому. Я вышла посмотреть, кто это может быть. И увидела могущественного демона в облике прекрасного мужчины. Я возвратилась в дом, расстелила на полу циновки и человек вошел. Я дала ему поесть и он сказал: «Ты очень красивая женщина, но я не могу на тебе жениться, пока не привезу тебе дорогие подарки. Поэтому я вернусь в свою страну, чтобы взять для тебя драгоценности». Сказав это, он нарубил столько дров, что они заполнили весь дом, и ушел. «Береги дрова, не трать их понапрасну!» — сказал он мне на прощание.

Прошло время, и однажды я услышала шаги возле дома, вскоре вошел незнакомец. У него были лохматые волосы. Он начал жечь наколотые дрова и сжег их все без остатка. Потом он попросил меня пойти с ним в лес, но я отказалась. Тогда он решил унести меня силой. Снял свисающие с моего носа сосульки и прилепил их к двери. Срезал с моих висков волосы и тоже подвесил к двери. Потом посадил меня к себе на спину и понес в лес. Там мы поселились в хижине.

Я жила с ним в лесу. Однажды услышала у самой хижины крики человека. Услышав эти крики, живущий со мной мужчина спрятал меня в углу хижины. И тут в дом вошел другой. Как только я его увидела, то сразу узнала в нем человека, пообещавшего жениться на мне и уехавшего за подарками. «Пока ты живешь тут, не видел ли ты женщины?» — спросил вошедший. «Пока я живу тут, я не видел вокруг ни одной женщины», — ответил мой сожитель. И могущественный демон сказал: «Когда, выйдя из дому, ты увидишь туман в конце остро-

ва, туман в начале острова и туман в его середине, — знай, что я умер». Так сказал и ушел.

Я вышла из хижины и увидела туман в конце острова, туман в начале и в середине, и я уверилась, что человек этот умер, и пошла на него посмотреть. Я споткнулась о мертвеца, чья голова покоилась на сумке с драгоценностями. Я положила свою голову на его голову и заплакала. Тут подошел ко мне богоподобный прекрасный мужчина. Он сказал: «Почему ты оплакиваешь демона? Его лицо прекрасно, но душа черна». Он взял меня с собой, и с тех пор я жила очень хорошо.

11. «САМАЕКУРУ» И ЕГО СЕСТРА

Я был божеством верхнего мира. Тут было много всяких богов, но бывая повсюду, я нигде не мог найти женщину, похожую на меня. В нижнем мире среди айнов жила младшая сестра Самаекуру,¹ которая хотя и была простой айнкой, но походила на меня лицом. Очень была похожа. Поэтому я спустился в нижний мир. Во дворе около дома Самаекуру на шестах вялилась рыба. Самаекуру не было дома, он охотился вместе с сестрой. Тогда я вошел в пустой дом. Я не боялся Самаекуру, ведь он был простым человеком и не мог быть сильнее меня. Я подошел к шестам, где вялилась рыба, снял одного большого лосося, и, приняв его облик, занял его место на шесте. Вскоре пришел Самаекуру с сестрой. Они принесли большие носилки, наполненные медвежьим мясом. Поставили носилки у отверстия в задней стене дома, сестра Самаекуру вошла в дом и втащила носилки внутрь. Они оба устали и развели большой огонь. И Самаекуру сказал: «Мне надоело все время есть медвежатину. Пойди и принеси мне рыбы. Его сестра вышла, подошла к шестам с рыбой и стала выбирать. В конце концов она сняла с шеста меня и отнесла в дом. Самаекуру сказал: «Свежая рыба слишком холодная, подогрей ее на огне». Так он сказал. Она привязала к моему хвосту нитку и подвесила меня над огнем на крюк, на который обычно вешают чайник. Но Самаекуру сказал: «Огонь слишком слабый, подбрось дров, пусть он разгорится сильнее». Его сестра вышла за дровами и принесла их целую охапку. Запылало пламя огромное и моей голове стало жарко. С громким звуком «пуци!» она треснула и сгорела. Моя душа переместилась в хвост, хотя ей и там стало жарко. Я перепугался, подпрыгнул

¹ Одно из имен Человека, Воспитавшего Себя Сам («Яйресупо»).

вверх до самых стропил и с громким воплем выскочил из хижины. Воспользовавшись суматохой, я вернулся в верхний мир.

Добравшись до дома, я воскликнул: «Самаекуру — всего лишь человек, рожденный на убогой земле, а я — могущественный бог!» И подумал, что человек, рожденный на убогой земле, должен бы быть слабее меня, а он оказался сильнее. Разъяренный, я вернулся на землю. Самаекуру, как и раньше, был вместе с сестрой на охоте, и я вошел в пустой дом. Я спрятал миску Самаекуру, превратился в нее сам и стал ждать.

Наконец, я услышал шаги Самаекуру и его сестры, которые возвратились с охоты. Через отверстие в задней стене дома они просунули носилки с медвежатиной. Потом младшая сестра вошла в дом и втащила носилки внутрь. Они устали и развели большой огонь. Потом Самаекуру сказал своей сестре: «Ты мыла утром миски перед тем, как мы пошли на охоту?» — «Нет, я их не мыла», — ответила сестра. «Тогда помой их сейчас», — приказал он. Она встала, взяла большой чайник, наполнила его водой и подвесила над огнем. Как только вода вскипела, она взяла миску брата. Я подумал, что умру, если она сунет меня в кипяток. И она сунула. Но я успел выскочить, подпрыгнув до самой крыши, сбил ее и поднялся в верхний мир. И вскоре уже был в своем божественном доме.

Уже дома я начал думать: «Самаекуру — всего лишь человек, ему бы быть слабее меня, а он оказался сильнее». Разозленный, я долгое время предавался мрачным размышлениям. Наконец, я принял решение отправиться вниз еще раз и теперь уже не менять своего облика, а явиться в прекрасной божественной сути. Так я и сделал. Я оказался во дворе близ дома Самаекуру и стоял перед ним, не желая входить в дом, как простой гость. Из дома вышла сестра Самаекуру и сказала: «Я знаю, что ты не собираешься входить в наш дом. Ты так сердито прохаживаешься, что я не буду приглашать тебя. Но тут рядом есть небольшой металлический сарай. И было бы хорошо, если бы ты вошел туда». И я направился к этому небольшому домику. Когда наступил вечер, я вошел внутрь и сел.

«Самаекуру, конечно, сердит на меня, — думал я, — хоть я и могущественный бог, а Самаекуру рожден на этой убогой земле, но все же он одолел меня». Так я подумал и решил поговорить с ним. Тут-то я и почувствовал запах кала. Я осмотрелся и обнаружил, что сижу в отхожем месте, а Самаекуру и

его сестра извергали на меня сверху свой кал и испачкали с головы до ног. «Я могущественный бог, а Самаекуру всего лишь человек, рожденный на земле. Но он сильнее, он одолел меня, — думал я. — Что бы я ни делал, я никогда не одержу верх над Самаекуру, так что мне лучше покориться».

С ужасным воплем я выскочил из отхожего места, вознеся в верхний мир и вернулся домой, испачканный калом с головы до ног. Я снял мое железное оружие и вымыл его, перед этим вымыв голову и все мое тело. Я был ужасно зол и сидел, полный ярости. Мои братья-боги говорили между собой: «Гуляя во дворе около этого дома, мы почувствовали скверный запах». Я слышал эти слова, но сидел молча, сгорая от стыда. Позднее ко мне пришел старший брат и стал меня ругать: «Что же ты! Самаекуру так могуч, что способен одолеть любого. И ты глуп, если связался с ним». Так же бранили меня все остальные.

12. ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

С младенческих лет меня воспитывала моя тетка, которая вкусно готовила. Хорошо меня кормила и ухаживала за мной в доме моего отца. У нас на полу всегда стоял ряд металлических ящичков,¹ на которых располагались металлические чашки, одна внутри другой, металлические миски, тоже одна внутри другой. Это был хороший дом. Это был замечательный дом. Я жила в этом доме на берегу моря. Каждый день моя тетка давала мне миску отличного мяса и жира, полную до краев. Так, что я с трудом могла держать ее в руках. Я ела. И так мы жили.

Потом детство кончилось, и я стала взрослой девушкой. Как-то моя тетка дала мне несколько кусков шелка и велела шить. Но я совсем не умела шить. Кончилось тем, что я запутала нитку. Тетка отругала меня: «Моя племянница не умеет шить! Какая же ты тупица!» Так она сказала. И я училась шить каждый день и наконец научилась.

Потом моя тетка сказала: «Далеко отсюда, в Отасам, живет твой жених. Он младший из трех братьев. Кусок шелка был разорван пополам — тебе и ему.² Теперь он, должно быть, вырос. Он очень богат и поэтому не поедет к тебе сам. Лучше те-

¹ Символизирует достаток и порядок в доме.

² Обычная церемония обручения у айнов.

бе поехать к нему самой, поехать к богатому человеку («ниспа»). Так она сказала. Я слушала и думала: «Мне так хорошо живется с теткой, что трудно расстаться с ней даже и на один день. И я никуда не поехала. Однако моя тетка каждый день напоминала мне, повторяла те же слова.

В конце концов я собрала необходимые вещи, приличную одежду, уложила все это в сумку и взвалила ее на спину. И когда я уже была готова пуститься в путь, тетка сказала мне: «В Отасаме, куда ты пойдешь, живут три богатых брата («ниспа»). Старший из них живет в доме, ближайшем на твоём пути. В среднем доме живет младший со своей сестренкой. Третий же брат живет на краю деревни. Когда ты придешь туда, заходи в средний дом, в дом младшего из братьев». Так наставляла меня моя тетка в дорогу.

И я отправилась в путь. Вскоре оказалась перед высокой горой. Я поднялась на гору Томисан и осмотрелась вокруг. Сверху была видна моя тетка, стоявшая на пороге своего дома. Она следила за мной. Я пошла дальше, оглянулась — тетка провожала меня взглядом. Наконец, ноги принесли меня в поселение Отасам. Я увидела большой дом — такой, каким его описала мне моя тетка. За ним был дом моего жениха. Но я стояла и любовалась большим домом. Я подумала и решила, что дорога привела меня именно к этому дому. «Они — братья, — думала я, — и если я войду в дом старшего, значит, этого хотели боги». И я вошла в этот дом. Внутри было множество красивых и необыкновенных вещей. Здесь жил богатый человек. Он встретил меня с такой радостью, словно хорошо знал меня раньше. Он приготовил еду и накормил меня.

Между тем стемнело и настал вечер. Богатый человек сказал: «Ты поступишь правильно, если переночуешь здесь». С неохотой я отправилась спать. А когда проснулась, увидела, что со мной спит богатый человек. Я стала плакать и уже собиралась уйти, когда он сказал: «Злой дух заставил меня сделать это! У меня ведь не было плохих намерений. Ты — еще с детства нареченная невеста моего младшего брата. И хотя я не собирался причинять тебе зло, все же невольно сделал это. Когда придешь в дом своего мужа, положи вот это ему на блюдо». Сказав так, он дал мне рукоять кинжала. С одной стороны рукоять была отделана серебром: оплетена тончайшей серебряной сеткой, в которой было полно маленьких серебряных рыбок, а держал эту сетку маленький серебряный чело-

век. С другой же стороны рукояти — маленький золотой чело-вечек держал золотую сетку, полную маленьких золотых рыбок.

Я взяла эту вещь и вышла из дома, пошла по тропинке, которая вела к дому человека, назначенного мне с детства. Над домом плавали две большие тучи. Я вошла в дом. Богатый человек посмотрел на меня и сказал: «Ей столько же лет, сколько и мне. Красивая девушка!» Я все еще стояла в дверях, а он смотрел на меня и улыбался. Пока он смотрел на меня, я подошла к огню. Когда я села у огня, он сказал: «Мой маленький брат не ел с прошлого месяца и все время спит. У него распух живот («цепукаха»)³. Я не знаю, что с ним и очень беспокоюсь. Может быть, сейчас, когда он узнает о твоём приходе, он хоть немного поест». Так он сказал, и тут же мы услышали шаги за стеной дома. Я подумала, что пришел мой жених, но это оказался тот больной человек. Он вошел и сел к огню. Девушка-служанка приготовила ему еду, положила еду и мне на железное блюдо. Она накормила и хозяина дома, моего мужа. Когда мы насытились, я отодвинула от себя блюдо с остатками еды и положила на него рукоять кинжала, которую вытащила из-под рубашки. Даже теперь мне доставляло удовольствие смотреть на эту вещь. И я вручила ее своему мужу.

Он взял ее и сказал: «Мой старший брат не по своей воле заставил тебя провести с ним ночь. Богам нравится, когда мужчина соединяется с женщиной. Я только человек. Но у бога из верхнего мира есть младшая сестра, которая хочет стать моей женой. Ее желание так велико, что я перестал есть с прошлого месяца, хотя и совершенно не чувствую голода».

Сказав эти слова, он схватил меня, вытащил из дома и повел к лесу. За домом была маленькая железная хижина на сваях, прямо домик на ножках. Он отодвинул дверь⁴ в сторону, затаял меня в хижину, и мы легли вместе. «Теперь мы муж и жена. Поэтому мы в первый раз будем спать вместе. Но если ты окажешься слабенькой, богиня заберет меня к себе. А если ты окажешься крепкой, мы долго будем жить вместе». Так он сказал и уснул.

Когда я проснулась и огляделась вокруг, я почувствовала что-то странное у себя под боком. Тело моего мужа оказалось

³ «Цепукаха» болезнь, часто упоминаемая в древних легендах, и очень редко встречающаяся в настоящее время.

⁴ Айны обычно пользуются дверьми, которые отодвигаются в сторону.

ПРОКАЗА У ГИЛЯКОВ И АЙНОВ

опоясанным железным поясом, прикрепленная к нему цепь уходила вверх к крыше и кто-то сверху тянул за эту цепь. Я, как была голая, схватила эту цепь и потянула ее изо всех сил вниз. Но девушка с небес, богиня оказалась сильнее меня. Я стала плакать и кричать, звать младшую сестру моего мужа. Она пришла, но увидела меня и закричала: «Ай, что такое! Голая женщина!» И с этим криком она выбежала из дома. Я закричала снова и стала звать старшего брата. Он открыл дверь, вошел, увидел меня и воскликнул: «О! Голая женщина!» И убежал. В конце концов силы мои иссякли, муж выскользнул из моих рук, и богиня с еще большей силой потянула его наверх. И утащила, улыбаясь, в верхний мир.

Мне ничего не оставалось, как кричать и плакать. Пока я кричала, пришла из моей родной деревни тетка, которая меня воспитывала. Она принесла кинжал без ножен. Замахнулась им и ударила. Я думала, что она убьет меня. Но внезапно я превратилась в маленькую птичку и вылетела наружу через отверстие в крыше. Так как я не знала, куда мне лететь, я посмотрела вниз и увидела части голого женского тела, валяющиеся около дома. А моя тетка, сидя на них кричала и дрожала всем телом.

Я полетела сквозь облака и попала на небеса. Когда в облике маленькой птички я влетела в дом богини, боги сказали: «Девушка пришла на небеса совсем голой. Мы чувствуем запах ее тела, и это нас расслабляет». Так они сказали. Но я все же влетела в дом через отверстие в крыше. Здесь была богиня. Она держала в руках, как драгоценный коралл, умирающую душу моего мужа. Она готовила для него лекарства. Я выхватила из ее рук душу моего мужа и вернулась на землю, держа душу во рту. Поскольку нам некуда больше было деваться, я заползла в рот разрубленной женщины и потеряла сознание. Когда очнулась и осмотрелась, увидела своего мужа, возвратившегося в мир живых.

Вот так я оживила одного из братьев селения Отасам. Моя тетка, чья сила помогла мне вернуть моего мужа с небес, была тоже жива. С тех пор мы жили вместе в счастье и достатке. Я рассказываю сказки о богатых и живу вместе с другими людьми. Такова легенда.

Печатается по: «Американский фольклор». — Т. XXV. — № XCV. — 1912. — Январь—март, — С. 72—86. Перевод В. Дракунова.

Проказа или лепра была и есть ужасом человечества. Однако, несмотря на все усилия исследователей, эта болезнь до сих пор до конца не изучена, хотя Европе она известна уже на протяжении десятков веков, как жестокий мучитель и убийца рода человеческого. В настоящее время мы встречаем проказу преимущественно в странах с низким уровнем экономики гигиены, однако, память о ней не совсем улетучилась и в Европе, где она свирепствовала, начиная с VIII-го века (со времени столкновения с иудеями и сарацинами) в особенности же в период крестовых походов. Еще и сегодня мы встречаем почти повсюду следы существования этой возбуждавшей некогда сострадание ужасной болезни. Например, в Невшателе, где я сейчас пребываю, одна из прекрасных улиц носит название Маладире (Госпитальная) ибо во времена средневековья на ней помещались (госпитали) приюты для прокаженных.

Можно припомнить времена, когда с этой заразной болезнью боролись варварскими методами: безжалостно изолировали прокаженных, все более сурово относились к несчастным больным, лишенным всех прав, выброшенным за пределы общественной жизни, а иногда под влиянием разгневанных толп убиваемым насмерть, так как суеверие и невежество приписывали прокаженным дьявольские деяния, например, воровство детей, отравление колодцев, сношения с дьявольскими силами и злонамеренную жажду вредить, мстить здоровым людям.

В XVII веке богадельни для прокаженных были уже почти пусты и оставшихся больных во Франции поручили попечению ордена Святого Лазаря, который основали в XII веке в Иерусалиме рыцари, страдающие проказой. Сдавалось, что в XIX веке проказа исчезла, по крайней мере в средней Европе, в связи с улучшением питания, жилищ, постепенным увеличением потребления гигиенических средств. В то же время все еще встречаются спорадически случаи заболевания проказой в Британии и южной части Франции. А в некоторых частях государства Российского (Прибалтика, Бессарабия, земли Донского казачества) случаются эпидемии проказы. На последнем (12-м) съезде русских врачей имени Пирогова (в 1910 г.) поднимались проблемы проказы, которую называли одной из причин поражения России. Исходя из несовершенной статистики, одни насчитывали до 2000, другие — до 10000 больных во всем государстве.

Дважды мне Приходилось проезжать через край, где проказа среди немногочисленного населения была обычным явлением. Это пустынное угрюмое побережье одной из величайших рек в мире — Амура. Люди боятся ее так, что, путешествуя, стараются не есть ничего происходящего из амурских деревень и не иметь контакта с их обитателями, среди которых процент больных лепрой очень велик. Как ни странно, в одной деревне, где я пробыл 10 дней (Троицкое), заболела проказой жена почтового урядника, которая, опасаясь этой болезни, всячески избегала контактов с местной народностью и постоянно применяла все возможные меры по предотвращению заражения от больных, чего, например, ни я, ни другие не делали.

Проказа также существует эндемично среди туземцев, обитающих на побережье Амура, между прочим, и у гиляков, племени, относящемуся к группе пале-азиатских народов, общее число которых в 1897 году достигало 4500 человек. Эту болезнь гиляки почитают за самую страшную из всех других, и многие из них боятся даже выговорить ее название.

Невзирая на мои многолетние добрые отношения с сахалинскими гиляками, они неоднократно вводили меня в заблуждение и давали отрицательные ответы относительно существования этой болезни среди них. Только в последний год моего пребывания на Сахалине я сумел получить честный ответ, содержащий любопытные подробности, который я приведу далее.

Гиляки в глубине острова обжили места вдоль реки Тымь, и на восточном побережье называют лепру-кватунд, на западном же побережье и на азиатском материке возле устья Амура-хачюдзь. Ее причину гиляки приписывают больной рыбе из отряда лососевых, которая в огромном множестве заходит во все сахалинские реки и в Амур и служит основной пищей для местного населения. Так вот, среди выловленных рыбин встречаются экземпляры, у которых возле хвоста есть белый червячок. Эта рыба и снаружи имеет не совсем обычный вид, она вся какая-то сморщенная, и глаз опытного рыбака отличает ее сразу же, но, не полагаясь только на эту возможность определения порченности рыбы и немедленного отбрасывания зараженного экземпляра, гиляки тщательно оглядывают каждую рыбину при соскабливании чешуи и чистке и разделении на несколько тонких пластиков, предназначенных для вяления и называемых повсеместно в Сибири юколой. Этой боль-

ной рыбы бывает немного, но амурские гиляки мне говорили, что каждый сезон попадает несколько червивых рыб. Употребление небрежно очищенной рыбы (хар игры чо, т. е. червивой рыбы) в пищу кем бы то ни было является, по мнению гиляков, главной причиной заболевания этой страшной болезнью, проказой.

Симптомы лепры гиляки описывают следующим образом: прежде всего, это — припухлость в области надбровья и выпадение из бровей волосков, затем общее опухание, словно человек начал сильно толстеть. Наконец, чернеет кожа, худеет тело, появляются язвы, меняется голос, появляется слабость. (Ввиду того, что гиляки снимают одежду только ночью и никогда не обнажаются друг перед другом, первые следы лепры в форме пятен на теле им неизвестны).

Уже в первой стадии болезни гиляки изолируют больного от остальных членов семьи, будучи убеждены в том, что проказа очень заразна. Только ребенка, подростка они бываю вынуждены оставлять в семье; однако выделяют ему отдельный угол, постель для личного пользования и посуду, к которой уже никто не притрагивается. Взрослого же, заразившегося проказой, изолируют полностью, строят ему отдельный домик подальше от деревни и у другой речки. Больному доставляют пищу, но никогда не заставляют его работать.

Бывают случаи, когда самостоятельный (единоличный) хозяин остается с детьми в одном доме, но тогда средства предосторожности касаются уже всей семьи. Чаще же, как рассказывают гиляки, больной хозяин дома, жалея жену и детей, сам отделяется и начинает старательно лечиться. Прокаженного также оставляют в доме, в котором признаки болезни уже налицо, а остальная семья строит себе новый дом, не беря себе ничего, к чему прокаженный часто прикасался.

Чтобы не заразиться, гиляки, беря в руки какие-либо вещи, принадлежащие больному, например, посуду, прикасаются к ней только кончиками пальцев и следят, как бы на ладони не осталась даже мельчайшая (пылинка) порушинка. Подходя к прокаженному, не допускают, чтобы он произнес первым какое-нибудь слово, поскольку зараза может передаться здоровому человеку и таким путем. Поэтому здоровый всегда спешит начать беседу первым. Некоторые больные, зная об этом, большей частью молчат и временами только усмеваются, ожидая начала разговора с отчаянием людей, отторгнутых племенем и смирившихся со своим изгойством. Жену прока-

женного никто за себя не возьмет, хотя бы она и была долгое время здоровой. Точно также человек с признаками этой болезни никогда не получит женщины, обещанной ему в жены.

Несмотря на этот ужас перед проказой, она не считается неизлечимой. Излечению, прежде всего, помогает специальная диета, больному, например, не дают риса, яиц, рыбу или юкору, ягод. Мясо же и жир, включая медвежий, показаны больному, как и различные съедобные травы, в особенности черемша. (Поселенцы и каторжники на Сахалине употребляют это растение в пищу в огромном количестве, несмотря на очень неприятный запах, как профилактическое средство против цинги).

Больному также запрещается давать жир маленького пестрого тюленя, а вместо него дают жир большого тюленя.

Хотя обычно в случае длительной болезни шаман является нелишним помощником и лекарем у гиляков, однако, заурядный шаман лечить прокаженного не возьмется. Он также боится, говорят гиляки, как бы болезнь не перешла на него самого. Рвутся в бой со злым духом, напустившим порчу на человека, только самые могущественные шаманы. Вот, например, как лечит шаман из Адольви старуху из Натро: после шаманского сеанса он посадил ночью голую женщину в большой котел, привезенный из Манчжурии (без ушек), налил туда немного воды и стал скрести ее тело заблаговременно приготовленным деревянным ножом, изготовленным на манер обычного ножа из железа). Так он будто бы соскреб с нее всех червей, которыми было, якобы, усеяно тело прокаженной. А были они, заверял шаман, совершенно похожи на червяков, которых находим в рыбе, только головки у них черные. Котел перевернули сверху дном и больше его не трогали. Состояние больной улучшилось, а через 5 лет она умерла уже от другой болезни.

О другом случае излечения с помощью шамана тоже прокаженной женщины (по имени Авыльк) из деревни Ланкри рассказывали мне гиляки из-под Николаевска-на-Амуре. Повезли больную на маленький остров в устье Амура и там шаман, точно так же, посадил больную в котел, и скреб ее тело своими ногтями. Также он будто бы отскреб от нее червей, которых оставили в котле, прикрыв его другим таким же. Выбросили и одежду больной, а ее одели во все новое. Шаман производил эту операцию в убранстве из китайской парчи, которую гиляки хранят как сокровище. Он получил ее от родст-

венников больной как плату за согласие исцелить ее. Больная выздоровела, и ее сын Лагбаин, и внуки совершенно здоровы.

Вот общеизвестные средства, которые применяют без всякой шаманской помощи и временами с желаемым исходом:

1. Прокаженного кладут голым в муравейник и, если муравьи его не кусают, это дурной знак, ибо никакой надежды на выздоровление уже нет; если же муравьи ползают по его телу и кусаются, то его оставляют как можно дольше в муравейнике, и больной впоследствии может выздороветь.

2. Гораздо более сильным средством от проказы является кровь и кал только что убитого медведя. При этом необходимо, чтобы медведя убил сам больной, а потом распустил ему внутренности и повалился бы в них. Этот способ исцеления называется «чехыф ноур пшунд», т. е. «умыться брюхом медведя». Недавно умер старец из Кекрво (на Восточном побережье Сахалина), который, будучи молодым, вылечился от проказы именно этим способом.

3. Третьим способом лечения, о котором я слышал от амурских гиляков, является частая перемена места. Больному устраивают где-нибудь в лесу, в безлюдном месте, домик и носят ему еду; когда его навещают во второй раз, — а приходиться к нему стараются как можно реже, если видят некоторое улучшение, которое, говорят, выражается, прежде всего в том, что больной почти ничего не ест, его переводят в другое уединенное место и там снова строят для него маленький домик. После нескольких таких смен места больной иногда чувствует себя настолько лучше, что у него (если это мужчина) достает сил ходить на охоту самостоятельно. Тогда его предоставляют самому себе. Он охотится, мастерит себе шалаши, и, если чувствует себя совершенно выздоровевшим, возвращается назад в родной дом, к семье. Однако не раз бывало так, что выздоровевший, застигнутый зимой, замерзал на смерть где-нибудь в диких глухих лесах.

Если же надежды на выздоровление не было и болезнь прогрессировала, постепенно пожирая организм больного, то, говорили мне дружески расположенные гиляки, его убивали. Это убийство заранее обговаривают с влиятельными членами рода, причем, осторожно, чтобы не услышала молодежь, дети, женщины. Поручение выполнить эту печальную необходимость всегда получал самый близкий родственник больного: отец или брат больного-мужчины, отец или муж — женщины. Исполнитель родового приговора приходил к прокаженному

и советовал ему перейти на новое место и там построить новый домик. Когда же больной присаживался где-нибудь, экзектор улучшал момент и неожиданно ударял его сзади копьем, стараясь угодить в сердце. На Сахалине, говорили мне, для этого использовали лук и стрелы. Оружие бросали возле трупа, оставляемого без погребения. Убийца удалялся с поспешностью, но по возвращении домой не имел права сказать никому о происшедшем ни слова. Характерно, что у гиляков до сих пор сохранился строго соблюдаемый обычай кровной мести, обязывающий всех членов рода мстить за убийство своего сородича убийством какого-нибудь мужчины из рода убийцы. В этом же случае сородич убивает сородича, не опасаясь небесной кары. Я допускаю, что главную роль в этих случаях играет мотив сострадания к мученьям больного, безнадежное положение которого очевидно, а с другой стороны — исполненное отчаянья самопожертвование одного ради спасения других членов рода. Убийство прокаженного, говорил мне сахалинский гиляк Жемляк, является лучшим средством укрощения враждебного злого духа, преследующего проказой данный род.

Представляет интерес также мудрая психология этого первобытного племени. Распорядиться жизнью больного можно было только в том случае, если он был взрослым. Молодого человека (по крайней мере до 20 лет) убивать не смели, несмотря на то, что все были уже убеждены в его неизбежной смерти от ужасной болезни.

Относительно молодых нельзя было терять надежды, и это подавляло всякие личные и родовые эгоистические чувства, которые могли внушать мысль о немедленном уничтожении больного, могущего послужить источником заразы. Вообще гиляки очень благожелательны к своим больным и увечным, кроме страдающих заразными болезнями. Во время эпидемии оспы, например, больных не только помещают в отдельные шалаши, домики, но иногда оставляют их одних в деревне, а сами переселяются, если это возможно, в другие, не зараженные места.

Вот какие предосторожности применяют они по отношению к умершим от лепры, которых, кажется мне, боятся еще больше, чем живых. Они, несомненно, полагают, что злой дух, обитавший в больном, теперь освободился и только и ждет удобного случая, чтобы вселиться в новую жертву. Так, например, когда к умирающему прокаженному приходит с едой его

родственник (при этом больному никогда не дают пищи, приготовленной в доме, он получает только припасы, из которых он должен сам, если еще в силах, приготовить себе что-нибудь съедобное), то старается, не входя в шалаш или домик, предварительно убедиться в том, что больной не умер. Место же, где умер прокаженный, навещать запрещается навсегда, нельзя также собирать там ягоды или охотиться.

Хотя гиляки своих умерших преимущественно сжигают, прокаженных, однако, умерших неподалеку от деревень или даже в домах, где живут их семьи, хоронят иначе. Амурские гиляки кладут умершего от проказы в большой котел, накрывают его другим таким же котлом, обматывают их сетью и эдакий своеобразный гроб относят как можно дальше, километров на пять от деревни. Чаще же всего его перевозят на необжитую сторону речки и также бросают в глубине леса, возле воды же котел с трупом никогда не оставляют. Рядом с гробом складывают все предметы и вещи, которыми пользовался прокаженный. Потом участники погребения возвращаются домой окружным путем, делая большой круг в лесу, и проводят в нем в разных местах две-три ночи.

На Сахалине прокаженного также не сжигают, но мои приятели, которые с очевидным ужасом открывали мне различные тайны о проказе, ничего о погребении сообщить мне не могли. Говорили только, что участники погребения, возвращаясь с него, посыпали свои следы пылью (это называют «пициф хэувевунд», т. е. закрыть свою дорогу»). При этом, чтобы измучить и обмануть злого духа, который, конечно, старается их догнать, они делают многочисленные повороты, то идя вперед, то возвращаясь назад, перескакивая через кусты, все время обманно сворачивая с дороги, ведущей в их деревню, в сторону. В условленном месте для всех участников обряда прячут новую одежду. Немного не доходя до этого места, они раздеваются догола, бросают одежду, в которую были одеты во время погребения, и, снова старательно присыпая пылью свои следы, подходят к чистой одежде. Надевши ее, они, несколько успокоенные, спешат домой. Злой дух проказы, которого всегда ловят в виде червяка, не может выносить пыли, которая ему запорашивает глаза и его при помощи описанных мер предосторожности сбивают с толку, люди же при этом уверены, что угрожающая им близкая опасность заболевания проказой на этот раз их миновала.

Что же касается распространения лепры, то и сахалинские, и амурские гиляки уверяли меня, что чаще всего она

встречается у ольчей (маргунов), живущих между гиляками и гольдами. На Сахалине же случаи проказы отмечались на севере, а также на восточном и западном побережьях. Болеют проказой чаще всего зажиточные люди, посему гиляки убеждены в том, что «злой дух проказы любит богатых». (Сравните французскую поговорку про лепру XIII в., которая гласит, что эта болезнь не шадит ни короля, ни графа. Большая энциклопедия. — Лепре).

Гиляки же, живущие на реке Тымь и на Южных границах их ареала, расселения, кажется, не упомнят ни одного случая заболевания проказой, а также не слышали о том, чтобы проказой страдали айны.

К сожалению, такие исследователи гиляков как Л. Шренк, Л. Штернберг о проказе даже не упоминают, и только доктор Зеланд (Варшава), который несколько лет пребывал в Николаевске-на-Амуре, отмечает, что «проказа у гиляков изредка встречается». Этот врач наблюдал «два случая (заболевания) у отца и сына, в то время как второй сын был совершенно здоров». (Зеланд. О гиляках // Известия Антропологического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., Т. XIX. — С. 123).

Мне лично так и не привелось увидеть какого-нибудь прокаженного гиляка, хотя я с этой целью посетил в 1905 году лепрозорий поблизости Николаевска, учрежденный властями. Однако там я не застал ни одного больного из числа туземцев. Начальница лепрозория, сестра милосердия, по происхождению латышка, которая посвятила себя опеке над прокаженными, рассказывала мне, что несколько больных аборигенов умерли, пару человек забрали родственники после нового распоряжения местных властей, запрещающего насильственное содержание больных в лепрозории.

Прежний порядок принудительной изоляции больных был введен в 1896 году, однако ввиду осуждения подобной практики врачебными съездами, власти были вынуждены от этого отказаться. Тем более, что участились случаи, когда больные проказой аборигены предпочитали накладывать на себя руки, лишь бы не идти под полицейским конвоем в ненавистный лепрозорий, внушающий им неодолимый ужас. (За период с 1896 по 1909 годы в лепрозорий было помещено около ста больных. Приамурье. — М., 1909. — С. 194).

Тот факт, что родственники больного забирали его, не взирая на ясное представление об опасности заражения прока-

зой, обратно домой, убедительно свидетельствует о том, что чувство жалости к несчастному было куда сильнее страха перед ужасной болезнью.

Не будучи медиком, я тем не менее, учитывая неизученность до сих пор этиологии проказы, позволю себе затронуть один весьма любопытный и непонятный для меня вопрос, а именно: почему айны, окруженные с севера гиляками, а с юга японцами, среди которых проказа свирепствует, сами почти не страдают ею. (Японское правительство в 1907 г. утвердило закон о регистрации и осмотре больных лепрой. Официальная статистика насчитывает 30 тыс. прокаженных. Однако христианские миссионеры, которые одни только и занимались ранее опекой над этими несчастными, разбросанными по всему краю, полагают, что эта цифра сильно занижена и насчитывают минимум сто тысяч больных).

Я говорю «почти» потому, что случаи заболевания проказой сахалинских айнов, кажется, бывают, по крайней мере, по их собственному утверждению. Эту болезнь они называют «пара икони» или «пара арага», добавляя при этом, что это — японская болезнь «досу», иначе че-«доси» (народное японское название проказы, которое чаще всего айны произносят как «тоси». («Икони» и «арага» означают одно и то же: «болезнь», «боль», «пара» — «широкий»). У меня есть, однако, некоторые сомнения в том, что «пара икони» действительно можно считать проказой. Мне рассказывали, например, о двух случаях заболевания проказой, которые смогли припомнить поведавшие об этом сахалинские айны: женщины, Вентуримы, из деревни Сакаяма и мужчины из Тунаери. Но, поскольку мне сказали, что оба они были помещены в окружной госпиталь, я справился у врачей и узнал, что они были больны сифилисом. Рассказы же айнов о симптомах «пара-арага» не убеждают меня в том, что они говорят о настоящей проказе. Весьма вероятно, что некоторые формы сифилиса отличаются от обычных проявлений, относимых к «кахтай арага» (сифилису). Это мое допущение подтверждают две заметки доктора Добротворского, который в качестве военного врача пребывал в течение 5 лет на Южном Сахалине и имел возможность наблюдать и лечить множество айнов. Так, он пишет, что «в 1867 году наблюдал случай пара арака (но не поро-арака) у Маурукари из Сумао-котана. Это болезнь, по мнению айнов, испокон веку не имеет никакой связи с сифилисом, что само собой разумеется, является ошибкой». (Айно-русский словарь. Казань., 1875 г.; Приложение, с. 68—69). Далее, приводя стати-

стику больных, которую он вел в 1870 году во время своего путешествия с юга на север, он присовокупляет «два случая пара-арака (один — язвы на ногах, сифилис, второй — бородавки по всему телу)». В словаре же, наверняка, со слов айнов, прибавляет: «пара арака (не путать с поро арака) — проказа», то есть лепра. (Словарь, с. 245. Каждый раз для большей точности автор указывает не поро арака, что означает «очень болит, сильная боль»). Неверие г. Добротворского в существование у айнов проказы, явствует еще и из того, что в своем описании айнов (Введение. — С. 31—46) он совершенно не упоминает о проказе, хотя на 3-й странице пишет о болезнях и народной медицине у айнов. (К сожалению, мне не известна брошюра этого же автора: «Русская народная медицина сравнительно с народной медициной сахалинских айнов». Казань. 1874 г.).

Не упоминает также о проказе у айнов и другой врач, Н. Кирилов, бывший на Сахалине в 1896—1899 годах, который опубликовал в Сахалинском календаре за 1897 г. статью про айнов, опираясь на собственные наблюдения, а также на японские труды, в особенности на работы доктора Сегиба из Саппоро о болезнях айнов с острова Езо. (Кирилов Н. Айны // Сахалинский календарь за 1897 г.).

О проказе у айнов на острове Хоккайдо (или Езо) не говорит ни один из известных мне авторов, посвятивших этому любопытному для европейцев племени краткие либо более подробные описания или серьезные труды. Один только А. Савадис Лендлор говорит, что видел одну старуху в деревне Ямака (на реке Токачи) с признаками проказы. (Один среди волосатых айнов. — Лондон, 1893. — С. 54).

Но этот автор, желая представить свое путешествие очень нелегким (он путешествовал по Хоккайдо конно), описал его настолько живописно, не пожалев ярких прикрас, что оправданно возбудил известное недоверие к своим экзальтированным запискам. Сами же айны, с которыми мне приходилось сталкиваться (Из деревень Справой, Пиратори, Никап, Мобет), решительно утверждали, что у них проказа не встречается, хотя эта болезнь им известна, и они знают о ее широком распространении у японцев. Существует с давних времен ругательство в отношении японцев, которое я выписал из одной довольно старой, ибо там упоминается о принудительных работах на японцев, песенки: «тоси вэй сисам», то есть «прокаженный злой японец».

Нет оснований полагать, что в данном случае могут играть роль климатические либо вообще географические условия. Ибо на Хоккайдо имеется много больных проказой японцев, а на Сахалине проказа у белого населения была обнаружена врачами, имевшими с нею дело прежде, что гарантирует правильность поставленного ими диагноза. Правда, это имело место в центральной части Сахалина, в деревнях, расположенных у реки Тымь и ее притоков, но в каждом случае на той территории, где гиляки, имеющие там большую примесь айнской крови, проказой не страдали. Южная часть Сахалина является единственной местностью региона, начиная от Амура и кончая Японским архипелагом, относительно которой отсутствуют точные сведения о случаях заболевания проказой среди белого населения и японцев. Однако физиографические отличия этой части Сахалина от соседней либо северной части Хоккайдо не столько велики, чтобы это исключение из правил можно было бы приписывать именно им. Скорее отрицательные данные о наличии проказы в этой части Сахалина могут быть приписаны крайне нерегулярному и поверхностному врачебному контролю и досмотру, ибо здесь деревни не были скучены, как в средней части острова, а были, напротив, разбросаны и удалены друг от друга на большие расстояния по восточному и западному побережьям и их обитатели видели врача разве что в случае проведения судебно-медицинской экспертизы. Несколько тысяч приезжающих в рыболовецкий сезон японских рыбаков, из которых несколько сотен оставались на зимовку, были совершенно лишены врачебной помощи, если не считать единственного японского лекаря, наняваемого крупным предпринимателем г. Демби из Мауки на летний период, да еще крайне небрежного медицинского осмотра сезонных рабочих, который производился на судах в главном порту — Корсакове (Корсаков).

У меня нет известий, болеют ли проказой метисы (потомки японцев с айнами), большое количество которых живет на о. Хоккайдо. (Гиляки над Тымью и в южной части западного побережья, в жилах которых течет либо половина, либо какая-то часть айнской крови, проказой не страдают).

Однако ввиду представленных выше данных, смею сделать предположение, что айны имеют иммунитет к проказе. В качестве объяснения этому факту, первой приходит в голову мысль, что главная причина невосприимчивости айнов к проказе лежит в привычном для них образе питания. Айны были народом, питающимся почти исключительно мясом, только в

последнее время рыба начала занимать первое место среди употребляемых ими продуктов питания. В их сказках почти всегда повествуется об охоте на зверей и о мясе, как основной пище. Некогда у них был широко распространен каннибализм, смутные отголоски о котором в их воспоминаниях сохранились и в настоящее время. Знаток жизни айнов с острова Хоккайдо английский миссионер Д. Бечелор одну из причин катастрофического уменьшения численности айнов усматривает в изменении у них системы питания после того, как им запретили охотиться на оленей и отобрали рыболовецкие угодья, так что айны вынуждены были сделаться почти вегетарианцами. (Бечелор Д. Айны и их фольклор. — Лондон, 1901. — С. 17—18). Полагаю, что автор необоснованно обобщает явление, которое может быть отнесено лишь к некоторым хорошо известным ему местностям. В большинстве же случаев айны кормятся рыбой, выловленной в море или в реках).

Обилие на Сахалине медведей, оленей и других сухопутных и морских животных и птиц, легкость охоты на них, всегда привлекало на остров, и гиляков, и соседних ольчей. Мясо на столе обитателей Сахалина появляется гораздо чаще, чем у народностей, живущих вдоль Амура.

В этом же направлении развивалась и наблюдательная народная мысль. Гиляки, как мы видели выше, советуют прокаженным есть мясо, а выздоравливающий сам ходит на охоту и питается в это время исключительно мясом убитых животных. У японцев также распространена вера в то, что проказа излечима. Я помню, как после издания упомянутого выше приказа администрации Амурского края о сосредоточении всех прокаженных в государственном лепрозории, несколько богатых больных, русских по происхождению, убежали в Японию, чтобы начать там лечение. Мне говорили в то время, что больных проказой там тайно лечат человеческим мясом. Я не хотел этому верить. Но в 1906 году, во время моего пребывания в Токио, шел процесс, подтверждающий эту молву. Один молодой человек, окончивший гимназию и проучившийся пару лет в высшей школе иностранных языков, влюбился в девушку, сестру известного поэта, происходящую из семьи, в которой были прокаженные. Желая избавить нареченную от возможного заболевания проказой, несчастный юноша убивает подростка, варит из него суп и кормит им свою возлюбленную. Этот процесс, благодаря романтической окраске, вызвал сенсацию, а мои знакомые японцы подтвердили, что народ глубоко верит в возможность излечения от проказы с помощью чело-

веческого мяса. В Китае также, кажется, существует такой же предрассудок. Впрочем, и в Европе в XII веке повсеместно бытовала вера, следы которой зафиксированы и в житиях святых и в литературных кодексах, что проказа может быть вылечена посредством купаний в человеческой крови. Поэтому г. А. Гири (Большая энциклопедия. Лепра) считает, что приписывание прокаженным в средние века убийств не всегда было безосновательным. У якутов, согласно Серошевскому, проказа распространена на севере в болотистых местностях, обитатели которых питаются по преимуществу рыбой худших пород. (12 лет в стране якутов. — Варшава, 1900. — С. 121). Профессор И. Талько-Гринцевич, который пробыл 16 лет в Троицкославске, на съезде естественников и врачей в Кракове в 1911 году, обнаружил свои наблюдения о том, что монголы, питающиеся преимущественно мясом, не болеют проказой, напротив, проказа встречается в тех местностях, где основным продуктом питания служит рыба.

Само собой разумеется, что разрешение этой проблемы следует предоставить специалистам, но пусть будет позволено и этнографам, насколько это будет в их силах, и полезно для подвижников, посвятивших свою жизнь борьбе с проказой, быть причастными к изучению этого ужасного бича человечества.

А. Маевич

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ДРУГ НАРОДОВ САХАЛИНА

Ежегодно в мире выходят из печати сотни тысяч ученых книг и научная ценность абсолютного большинства этих публикаций из года в год заметно снижается. Такова цена прогресса в развитии научных дисциплин, когда изданные книги становятся не более чем историческим фактом. И лишь немногие труды выражают какую-то оригинальную и самостоятельную мысль автора, еще меньше книг, ценность которых возрастает с течением времени и которые, по разным причинам, становятся лучшими источниками по обсуждаемой теме: это книги, качество которых невозможно улучшить.

Насчитывающий 270 страниц томик под названием «Материалы по исследованию айнского языка и фольклора» выглядит довольно скромно. Он издан в 1912 году в Кракове и представляет собой яркий образец добросовестной научной работы. Вне всяких сомнений, книга и по сей день остается лучшим научным исследованием языка и фольклорных традиций сахалинских айнов. Вот три главных качества этой исследования, свидетельствующие об уникальности и непревзойденной ценности книги: 1. Научный материал книги составили многочисленные и достовернейшие записи, сделанные автором в годы, когда сахалинские айны еще культивировали свой собственный образ жизни, свои обычаи и традиции, ритуалы и язык. 2. Составителю книги посчастливилось работать под руководством лингвиста Яна Розвадовского, лучшего в те времена специалиста в исследуемой области; и (самое главное) 3. Не было прецедента сбора научных материалов о сахалинских айнах до того, как они оказались подвержены процессу почти полной культурной ассимиляции, утрачивая свой язык и тщетно противодействуя растворению и исчезновению среди весильных, жестоких и бескомпромиссных японцев.

Автором этой, вышедшей в 1912 году книги был Бронислав Пилсудский, родившийся 2 ноября 1866 года, старший брат Юзефа Пилсудского, известного позднее государственного деятеля Польши. «Материалы...», единственная книга Бронислава Пилсудского, тем не менее, обессмертила имя своего автора, а недавно вспыхнувший интерес к научному наследию уче-

ного, безусловно, позволит ему занять заметное место в истории лингвистики и этнографии.

Пилсудский не получил образования ни в одной из этих областей науки, он занялся полевыми исследованиями на Сахалине и прилегающих территориях, по сути дела, случайно, да и не по своей воле. Еще до окончания гимназии в Вильно он отправился в 1886 году в Петербург для поступления на юридический факультет Императорского университета. А уже 14 марта 1887 года был арестован за причастность к попытке покушения на жизнь царя Александра III вместе с 14 другими лицами (в числе которых был брат В. И. Ленина Александр); Пилсудский был признан виновным и приговорен судом к 15 годам сахалинской каторги. Морской переход к берегам Сахалина начался с одесского причала, в августе 1887 года осужденный Пилсудский был зарегистрирован в каторжной тюрьме деревни Рыковское, расположенной в Тымовском районе.

Хотя Сахалин с его суровым климатом, тяжкими условиями каторжной тюрьмы вряд ли сулил легкую жизнь узнику, оторванному от далекой родной земли, можно сказать, что Пилсудскому выпал сравнительно легкий жребий. Ему довелось относительно недолго заниматься тяжелым физическим трудом. Вскоре ему была доверена переписка бумаг, затем он становится школьным учителем и начинает вести регулярные метеорологические наблюдения. Хотя метеорологией ему пришлось заниматься впервые, результаты этой работы в деревне Рыковское в 1895 и 1896 г.г. стали первыми научными публикациями Пилсудского. Они были напечатаны в «Сахалинском календаре» соответственно в 1896 и 1897 г.г.

1891 год стал важной вехой в биографии Пилсудского: в январе этого года он впервые встретился с Львом (Львом Яковлевичем) Штернбергом, который к тому времени уже снижал некоторую известность как этнограф; с этого времени Пилсудский постепенно увлекается тем, что позднее стало делом всей его жизни — этнографией народов самых восточных районов Азии. Душевная симпатия, побудившая его сблизиться с народностями Сахалина, позднее ярко и выразительно описана им в предисловии к «Материалам...».

Сначала его внимание привлекли нивхи, или «гиляки», как их называли в литературе того времени. Первая работа Пилсудского по этнографии была напечатана в 1898 году в Записках Приморского отдела Императорского русского Географического общества (Хабаровск). Эта статья, подготовленная на

базе научных исследований, была посвящена нуждам сахалинских гиляков. Однако, народом, в изучении которого Пилсудский добился самых выдающихся достижений, стали айны.

Объявленная 14 мая 1896 года по случаю кончины Александра III амнистия сократила пребывание Пилсудского на каторге до 10 лет и уже в следующем году он стал из узника ссыльным без права возвращения в Европу. В 1898 году Пилсудский получает должность хранителя в Музее Общества по изучению Амурского региона во Владивостоке, куда он переезжает в марте 1899 года и где работает до июля 1902 г. Помимо выполнения обязанностей в Музее Пилсудский трудится секретарем Владивостокского отделения Императорского Географического общества, редактирует первый дальневосточный статистический журнал (выходит раз в две недели) и выступает в качестве редактора местной газеты.

В июле 1902 г. Императорская Академия наук в Петербурге направляет Пилсудского в экспедицию на Сахалин для сбора и приобретения этнографических предметов, имеющих отношение к духовной культуре народностей Сахалина. Кроме того, он продолжает свои исследования среди айнов и ороков. В 1904 году в бюллетене «Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях» (Санкт-Петербург) был опубликован отчет о достижениях Пилсудского и планах дальнейшей деятельности, основанный на письмах ученого Русскому Комитету. В 1905 г. одно из писем было напечатано в том же бюллетене, а расширенный «Отчет Бронислава Пилсудского об экспедиции к айнам и орокам Сахалина в 1902—1905 г.г.» был включен в 1907 году в VII выпуск «Известий Русского Комитета...» вместе с детальным описанием поездок Пилсудского и его работы на Сахалине.

В 1903 году Пилсудский присоединяется к другому польскому ссыльному, специалисту по изучению якутов (позднее — выдающийся романист) Вацлаву Серошевскому, отправившемуся в экспедицию к айнам острова Хоккайдо. Экспедиция ставила перед собой фундаментальное изучение всего айнского населения этого северного японского острова, определение типа культуры народа и степени японизации айнов, а также — сбор научных материалов, могущих пролить свет на происхождение айнов, их этнические связи. Однако вскоре разразилась русско-японская война, ученые из России были объявлены *persona non grata* и вынуждены покинуть Японию, едва

успев начать свои исследования в районе Сираой (уезд Ибури, южный Хоккайдо). Пилсудский возвратился на Сахалин, а Серошевский предпринял поездку в Европу, посетив по пути Корею и Цейлон. Единственным результатом неудавшейся экспедиции был несколько приукрашенный отчет Серошевского «Среди волосатых людей», опубликованный по частям в польской печати 1926 года и позднее изданный неоднократно в виде отдельной книги. Пилсудский же привез на Сахалин большое количество записей и набросков.

Пилсудский возвратился на Сахалин к своей научной работе и... к своей айнской семье. Жена Пилсудского, Чусамма, была племянницей вождя айнской деревни Айкотан по имени Бафунке-айну, в чьем доме имел обыкновение останавливаться ученый. В 1903 году у Пилсудского родился сын Сукэдзо (позднее он взял японскую фамилию Кимура). Другой ребенок, дочь Кийо появилась у Чусаммы в декабре 1905 года, уже после того, как Бронислав навсегда оставил Сахалин. Благодаря родственным связям, дружеским отношениям со многими айнами, для которых он стал в некотором роде защитником их интересов и посредником в контактах с русскими властями, а также из-за глубокого интереса к айнскому фольклору, Пилсудский бегло говорил на айнском языке. Человек широкого кругозора, Пилсудский пользовался в ходе полевых исследований самым современным оборудованием, он постоянно прибегал к помощи фотокамеры и сделал множество фотографий (здесь стоит заметить, что большое количество снимков сахалинских аборигенов, опубликованных без ссылки на автора в различных странах, были сделаны Брониславом Пилсудским). Он использовал и самую последнюю новинку в технике звукозаписи — фонограф Эдисона, а в поездке с Серошевским на Хоккайдо использовал киносъемочную камеру. Все это позволяет считать Пилсудского исключительно компетентным собирателем научных материалов и глубоким исследователем-этнографом, а собранные им документы и материалы — исключительными по своей научной ценности.

11 июля 1905 года Пилсудский навсегда покидает Сахалин. Среди прочих вещей он увозит с собой:

— этнографические записи по айнам	1 880 страниц
— этнографические записи по нивхам	320 страниц
— этнографические записи по орокам	180 страниц
— айнские тексты	870 страниц

— нивхские тексты	285 страниц
— орокские тексты	13 страниц
— айнские слова	10.000
— нивхские слова	6.000
— орокские слова	2.000
— фотографии	300
— записи на фонографе	30

Ряд материалов был отправлен им в Петербург до отъезда (например, ящик с цилиндрами фонографа). Согласно отчету Пилсудского за 1907 год, количество фонографических записей составляло, вероятнее всего, 80 единиц, а количество цилиндров — 50 штук.

Покинув Сахалин, Пилсудский направился сначала в низовья Амура, где некоторое время занимался изучением ольчей (мангунов), с которыми он иногда встречался на Сахалине (впрочем, основной целью этой поездки было обследование айнов, проживавших здесь в роли невольников, проданных на Сахалине ольчам и привезенных затем последними на материк), он посетил Мариинск, Троицкое, Хабаровск и вернулся во Владивосток. Он собрал еще одну этнографическую коллекцию для своего музея, на этот раз — по нанайцам, а в конце 1905 или начале 1906 года оказался в Японии при неясных для нас обстоятельствах.

В Японии Пилсудский оставался до 3 августа 1906 года, занимаясь, главным образом, политической и культурной деятельностью. Между делом организовал вместе с известным японским писателем Футабатэй Симэй японско-польское общество; совместно с самыми известными в то время в Японии антропологами и айноведами Цубои Сегоро и Тории Рюдзо занимался антропологическими исследованиями. Самая первая работа Пилсудского по айнской теме вышла в свет на японском языке. Она называлась «Положение сахалинских айнов» и была опубликована двумя частями в номерах 26 и 27 ежемесячника «Сэкай» («Мир»).

В Японии Пилсудский посетил Токио, Нагасаки, Кобэ и Иокогама, откуда отправился в Польшу через Америку и Францию. Он поселился в местечке Быстре, близ Закопане. В Польше он сосредоточил свои усилия на этнографическом музееведении; здесь он смог применить на практике опыт, накопленный за время работы во Владивостоке, а также свои наблюдения при знакомстве с музеями России, Японии, Западной Ев-

ропы. Все это весьма пригодились в процессе организации Татрского музея в Закопане, для написания специального эссе об организации и задачах этнографического отдела музея. Эссе было издано отдельным буклетом «Музей Татрского имени д-ра Т. Чалубинского — задачи и методы организации этнографического отдела» (Краков, 1915) и журналом «Подхаланский ежегодник», одним из создателей и соредкторов которого был Бронислав Пилсудский. Он предпринимает также два этнографических изыскаия по местным темам: одно касается литовских придорожных крестов; другое — горных пастбищ в Татрах. Обе работы опубликованы в 1916 году в Швейцарии. Кроме того, он готовит буклет о поляках в Сибири (опубликовано во Франции в 1918 г.), печатает четыре коротких сообщения и пять книжных обзоров в журнале «Люд», уже упомянутые «Материалы...», и 22 документа по аборигенам Сахалина, опубликованные в журналах разных стран на разных языках. Естественно, сахалинская этнография становится его главной темой, она поглощает большую часть его сил и времени, и в Европе он обретает репутацию лучшего и самого компетентного специалиста в этой области. Время от времени он выступает с лекциями по приглашениям прославленных научных институтов всего континента, хотя из-за отсутствия научной степени он не имеет возможности заниматься постоянной академической работой. Его последняя попытка получить степень потерпела неудачу из-за вспыхнувшей первой мировой войны.

Англо-японская выставка в Лондоне 1910 года совершенно неожиданно предоставила Пилсудскому возможность (как оказалось, последнюю в его жизни) встретиться и побеседовать с айнами: для привлечения посетителей из долины р. Сару на юге Хоккайдо в Лондон были привезены четыре пары айнов. Пилсудскому удалось записать более 50 сказок и «огромное количество ценных материалов» из айнского фольклора. На выставке Пилсудский встретился с французским фонетиком Жаном-Пьером Руссло, который впоследствии стал автором исследований в области фонетики айнского языка. Похоже, эта встреча для Пилсудского была чрезвычайно полезной.

Из-за бедности и нехватки средств, необходимых для продолжения работы по пополнению коллекций, Пилсудский пытается продать часть своих материалов. Но, несмотря на то, что многие институты выразили желание приобрести их, никто не пожелал платить. Начало войны вынудило Пилсудско-

го снова покинуть любимую родину, на этот раз по собственной воле. Он уехал в Вену, потом в Швейцарию и в Париже завершил свои бесплодные скитания. Здесь, на берегу Сены, его жизнь трагически оборвалась в мае 1918 года.

Самые важные материалы Пилсудского по народностям Сахалина включают очень ценные сведения в области т. н. «медицинской антропологии» (особенно, исследования в области сексуальной жизни — беременность, роды, аборт, бесплодие, плодовитость, рождение близнецов и т. д.; они опубликованы на разных языках — польском, немецком, французском и русском, публикации на последнем наиболее полны, а также — уникальный отчет о заболеваниях проказой среди нивхов и айнов, напечатанный на польском языке); сведения по экономике сахалинских айнов, систематизированные в 1907 году; исследования народности «тоньчи» (легендарное первобытное племя на Сахалине) — на немецком и русском языках; о шаманизме у населения Сахалина (несколько статей на польском и немецком языках); о знаменитом празднике медведя (на польском, русском и немецком); о собственности у айнов (на французском языке); о нивхском и айнском фольклоре. Особый интерес вызывает статья «Айны» в русском энциклопедическом словаре Брокгауза, также принадлежащая перу ученого.

13 марта 1911 года на одном из заседаний филологического факультета Польской Академии наук и письменности в Кракове работа Б. Пилсудского «Материалы по айнскому языку и фольклору» была представлена секретарем факультета. На этом заседании Пилсудский представил и свой полный словарь айнского языка, включающий 10 тыс. слов и дополнительно к ним около 2 тыс. собственных имен — личных имен и географических названий. Он завершил свое выступление на заседании адресованной к руководству факультета просьбой о помощи в сохранении и пополнении его коллекций, опубликовании айнских текстов и словаря с грамматикой в изданиях Академии. Как известно, Академия опубликовала его «Материалы...» в следующем году, однако в книгу вошли лишь 27 из 350 имевшихся у Пилсудского айнских текстов. Из письма Пилсудского Францу Боасу от 23 мая 1914 г. (не опубликовано, хранится в архиве Боаса в Филадельфии), мы узнаем, что он просит о финансовом обеспечении планируемой новой этнографической экспедиции на Сахалин, что он начал готовить второй том «Материалов...»; к несчастью, ничего не известно о судьбе этого научного замысла. Все неопубликованные айнские тексты, как и уникальный айнский словарь признаны ут-

раченными. Утраченными считаются и неопубликованные материалы Пилсудского по нивхам, орокам и ольчам. Из них лишь небольшой сборник нивхских любовных песен был опубликован после смерти ученого с предисловием известного ученого-алтаиста Владислава Котвица — в 12-м выпуске журнала «Восточный ежегодник», 1936 г., хотя с 1914 года, когда начал выходить этот журнал, предполагалось, что на его страницах будут опубликованы все материалы по данной теме. В уже упомянутом предисловии содержится намек на то, где следует искать остальные нивхские материалы Пилсудского: как утверждает Котвиц, некоторые материалы «Нивхгу» преподнесены Пилсудским в дар Л. Штернбергу, который подтвердил факт дарения в своей книге (1908) «Материалы по изучению гияццкого языка и фольклора», а позднее — «остальные материалы Нивхгу» были также переданы Пилсудским Штернбергу, который собирался опубликовать их во втором томе названной выше работы. Однако, второй том так и не был опубликован (. . .) до кончины Штернберга и не известно, какая судьба постигла материалы, подаренные ему Пилсудским.» (стр. 165) Эти намеки обращают наши взоры в сторону СССР, где и в самом деле нивхские словари и тексты «Нивхгу» Пилсудского хранятся в архивах Академии Наук.

Спасаясь от русских войск в начале первой мировой войны (по российским законам, он покинул место своей ссылки незаконно), он оставил в Польше свою коллекцию фонографических записей айнского фольклора и написал из Швейцарии домой, чтобы ему ее выслали. Коллекцию, однако, тогда не удалось найти, она была случайно обнаружена лишь в 1930 г. в мансарде дома, где жил Пилсудский до отъезда. Коллекция была в очень плохом состоянии, к тому же до 1939 года, вероятнее всего, не предпринималось никаких мер для сохранения записей. Только после второй мировой войны, уже в начале 1950-х сотрудник фонографического архива в Познани Леон Качмарек попытался переписать некоторые записи с цилиндров на диск (этот диск утерян), а еще 10 лет спустя Ежи Банчеровский сделал копии с дисков на магнитную ленту. Результаты таких попыток оказались неудовлетворительными: состояние цилиндров, изготовленных из воска и резины, уже покрывшихся плесенью, продолжало ухудшаться. Публикация в 1977 г. в Японии о состоянии коллекции возбудила серьезный интерес японских ученых, и в 1981 году был принят научный проект под эгидой ICRAP (Международный комитет по восстановлению и оценке наследия В. Пилсудского), спонсорами

которого стали фирма IBM Japan и Национальный музей этнографии в Осака при участии Института по изучению культур Северной Евразии Хоккайдского университета в Саппоро, а также Института лингвистики Университета имени Адама Мицкевича в Познани.

Главной задачей ICRAP стало сохранение записей Пилсудского, а для достижения этой цели было решено провести международный симпозиум по Брониславу Пилсудскому, а также составить и опубликовать Собрание научных трудов Пилсудского.

Благодаря сотрудничеству Барбары Кнопп из Национального музея в Познани и Хенрика Новаковского из Познаньского национального Совета, цилиндры были привезены в Японию и технологическая группа ICRAP (главным образом, сотрудники Института прикладного электричества Хоккайдского университета) во главе с Асакура Тосимицу после 3 лет исследований и применения специальных технологий (в том числе специального лазерного устройства для восстановления разрушенных цилиндров) добились успехов в переписи фонографических записей и изготовили точные копии цилиндров из эпоксидной смолы.

16—20 сентября 1985 г. в Хоккайдском университете прошел Международный симпозиум по фонографическим записям Бронислава Пилсудского и айнской культуре, в котором участвовали 148 ученых из десяти стран (Канада, Китай, Дания, Финляндия, ФРГ, Италия, Япония, Польша, США и СССР). Это была хорошо организованная конференция, на которой рассматривался широкий спектр научных проблем, имевших отношение к главной теме: обсуждались вопросы истории, технологии записи и воспроизведения звука, сохранения и реставрации восковых цилиндров, изучения фольклора, лингвистики, этнографии, антропологии и музееведения. Были представлены 38 научных докладов, большая часть принадлежала перу самых выдающихся специалистов, приглашение которых к сотрудничеству ICRAP считал для себя большой честью. Труды Симпозиума были опубликованы Хоккайдским университетом, редакционную коллегию возглавил профессор Асакура.

Исследовательский проект ICRAP получил широкую и мощную поддержку средств массовой информации Японии, особенно газет и телевидения, вызвал большой интерес японской общественности. Все важнейшие темы были освещены местны-

ми и общенациональными газетами и в программах хоккайдских телецентров, а японская широкоэвещательная корпорация NHK выпустила 50-минутный документальный фильм «Юкара, после 80 лет молчания — разгадка тайны записей сахалинских айнов на восковых цилиндрах». Этот фильм дважды демонстрировался по национальным каналам ТВ Японии. Был подготовлен еще один, 40-минутный документальный фильм о Симпозиуме по Пилсудскому для специального канала ТВ NHK телепрограмм по вопросам образования. Уделили внимание этой теме и другие телекомпании. Так Польское государственное телевидение выпустило документальный фильм «Старший брат».

Звуки, извлеченные из цилиндров Пилсудского вдохновили известного в Саппоро деятеля культуры Хосокава Марико написать песни для детей, затем исполненные в хоккайдском «Косэй Нэнкин Кайкан Грэйт-Холле 7 августа 1984 г. сотнями детей из Саппоро и старого айнского поселения Пиратори-Нибутани на реке Сару. Этот концерт стал заметным событием культурной жизни Саппоро. Автор настоящей статьи был тронут до слез, слушая песню школьников Саппоро «о замечательных историях, услышанных с восковых цилиндров дядюшки Пилсудского». Живущие в Японии айско-японские потомки Пилсудского были приглашены на концерт в качестве почетных гостей и для участия в Международном симпозиуме.

Подготовка к составлению «Собрания научных трудов» Пилсудского требовала привлечения как уже опубликованных работ ученого, так и поисков возможных рукописей. И это было отнюдь не легкой задачей. Опубликованные труды были разбросаны по разным журналам, розыск которых требовал времени и значительных усилий. Часть из них плохо сохранилась, так что радовались каждой обнаруженной находке. Поиск рукописей неопубликованных трудов Пилсудского оказался отчасти успешным — были обнаружены: превосходная коллекция из 50 айнских молитвенных текстов (найдены в рукописях, переведены на английский язык и изданы в 1985 г. для специалистов); очерки грамматики орокского языка в двух вариантах (на русском и польском языках); тексты ороков и ольчей и два глоссария — ольчо-польский (предварительно опубликованный с английскими эквивалентами в 1985 г.) и ороко-польский (который издан репринтом с английскими эквивалентами в 1986 г.). Значение этих двух глоссариев огромно по двум причинам: их относительно большой «возраст» и объем. Специалист в области изучения тунгусских языков Цу-

магари Тосиро в своем выступлении на Симпозиуме заметил, что орокский словарь Пилсудского содержит приблизительно 3.000 слов, собранных, главным образом, в деревне со смешанным нивхским и орокским населением Социгарэ близ озера Тарайка в период с июня 1904 года. Цумагари Тосиро назвал этот словарь вторым из всех известных науке орокских лексикологических собраний, когда-либо составленных за всю историю человечества (единственный предшественник этого словаря был составлен в Японии в середине XIX века и содержал лишь 250 слов, записанных в транскрипции японской слоговой азбуки «катакана») и третий по объему вплоть до настоящего времени. Глоссарий ольчей, включающий свыше 1600 слов, стал действительно первым сборником лексикона ольчей. Были найдены также рукописи двух айнских фольклорных текстов («туйта» и «туй»), записанных в русской транскрипции без каких-либо комментариев и переводов; половина обширной монографии по орокам; последняя вышла репринтом в Южно-Сахалинске в 1989 году. К сожалению, не найдены остальные рукописи айнского и нивхского словарей Пилсудского. Однако, поскольку нет сведений об их безвозвратной утрате, на Симпозиуме было решено объединить усилия по поиску этих документов. Если их удастся найти, это станет большим событием в науке и не только в области айнских исследований.

Группа историков ICRAP собрала и скопировала значительное количество корреспонденции Бронислава Пилсудского, хранящейся в разных местах, большое количество газетных вырезок и т. д. В ходе регулярных собраний в рамках ICRAP (дважды в год) обсуждаются все найденные документы, имеющие хотя бы побочное отношение к теме. Многие из них публикуются. В 1987 г. Национальный музей этнографии в Осака издал специальный сборник документов и материалов о деятельности ICRAP. Среди опубликованных — «Индекс айнско-английского словаря к материалам Б. Пилсудского 1912 года» (попытка частичного восстановления утраченного айнского словаря, составленного Пилсудским), опубликованный издательством Poznan University Press в 1986 году и краткая монография по орокам, — обе книги принадлежат перу автора данной статьи.

Ожидается, что Собрание научных работ Бронислава Пилсудского может выйти из печати уже в 1991 году в издательстве Mouton de Gruyter Publishers. Можно надеяться, что с реализацией проекта ICRAP имя и труды Пилсудского будут навечно внесены в анналы интеллектуальной сокровищницы самых высоких достижений человеческой мысли.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б. ПИЛСУДСКОГО
И СУДЬБЫ НАРОДОВ САХАЛИНА

Большая часть жизни Б. Пилсудского была связана с изучением малых народов Сахалина. Именно среди этих народов произошло рождение и становление этнографа Б. Пилсудского.

Превращение студента юридического факультета Петербургского университета¹ в исследователя аборигенов Сахалина было не совсем добровольным. Между этими двумя этапами в жизни нашего героя были участие в подготовке покушения на императора Александра III,² арест и суд,³ смертный приговор, замена последнего пятнадцатью годами каторги и, наконец, прибытие на пароходе, наполненном ссыльно-каторжными, на Сахалин.⁴

Вывранный из привычной среды на многие годы Б. Пилсудский должен был найти применение своим силам. Постоянно мечтая возвратиться на родину, он старался, насколько это было возможно, избавиться от тягостного сознания того, что он — «изгнанник, находится в ярме и оторван от всего самого дорогого».⁵ Сделать это ему помогли туземцы Сахалина. Главным занятием в жизни Б. Пилсудского становится изучение малых народов Сахалина: нивхов (гиляков), айнов и ороков.

Оценивая научное наследие Б. Пилсудского,⁶ мы, прежде всего, отдаем должное его наблюдательности, той точности, которая отличает его описания самых различных сторон жи-

ни малых народов Сахалина па рубеже XIX—XX вв. Внимание исследователя привлекают занятия, быт и благосостояние туземцев, их праздники и религиозные представления, языки и фольклор.

Вместе с тем, говоря о значении научного наследия Б. Пилсудского, мы должны разобраться, что оно дает для понимания современного положения нивхов, ороков и айнов; насколько глубоко удалось ему осмыслить те тенденции, которые, в конечном счете, преопределили гибель старого мира малых народов Сахалина.

Б. Пилсудский одним из первых глубоко проанализировал последствия русской колонизации для сахалинских туземцев. Россия сравнительно поздно приступила к освоению Сахалина. Первые русские поселения появились здесь только в 50-е гг. XIX в. Но уже в начале 80-х гг. прошлого столетия пришлое население численно преобладает над коренным. С этого момента доля туземцев в общей численности населения острова начинает быстро снижаться. К 1897 г. она составляла всего 14,8 проц.⁷ Русская колонизация привела к тому, что «у инородцев... условия жизни... изменились коренным образом п притом слишком быстро, чтобы можно было к ним приспособиться инертному дикарю».⁸

Особое внимание Б. Пилсудский уделяет экологическому аспекту проблемы влияния русской колонизации на малые народы Сахалина. Так в статье «Нужды и потребности сахалинских гиляков» (опубликована в 1898 г.) он отмечает угнетаю-

СПб., — 1907. — № 7; Он же. Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края. — Т. X. — Владивосток, 1907; Он же. Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края.

Т X — Владивосток, 1907; Он же. Аборигены Сахалина // Живая старина /. — Вып. II—III. — Кн. 70—71. — СПб., 1909; Он же. Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие, плодовитость у туземцев о. Сахалина // Живая старина. — Вып. I—II. — Кн. 73—74. — СПб. 1910; Он же. Айну // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Т. I. — СПб., 1911; Он же. Материалы для изучения айнского языка и фольклора. — Краков, 1912 (на английском языке); Он же. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. — Вып. I—II. — XXIII. — Пг., 1915; и другие.

⁷ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.) — Т. III. — СПб., 1912. — С. 982—983.

⁸ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 5.

¹ Б. Пилсудский поступил в Петербургский университет в 1886 г.

² Вскоре после поступления в университет Б. Пилсудский вступает в революционную организацию Террористическая фракция партии «Народная воля», которая готовила покушение на Александра III.

³ В марте 1887 г. Террористическая фракция партии «Народная воля» была разгромлена. Пятнадцать ее членов (в том числе Б. Пилсудский) предстали перед судом Особого присутствия правительствующего сената.

⁴ Б. Пилсудский прибыл на Сахалин в начале августа 1887 г.

⁵ Пилсудский Б. Материалы для изучения айнского языка и фольклора — Краков, 1912. — С. VI.

⁶ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. — Т. IV. — Вып. VI. — Хабаровск, 1898; Он же. Отчет Б. О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. —

щее влияние русской земледельческой культуры на комплексное присваивающее хозяйство сахалинских туземцев. «На большие пространства нет уже тех лесов, в которых водились медведи, олени, лисицы, соболи, белки и зайцы. Поля, пастбища и покосы заняли места вдоль реки, где раньше были листовые роши с бесчисленным количеством разной дичи. Вырублены и сожжены деревья с ягодами, столь любимыми гиляками. Поляны, заросшие крапивою — прежним богатством тымовских гиляков — заняты под пашни или вытоптаны скотом».⁹

Подобные явления были отмечены Б. Пилсудским и в районах проживания айнов. Описывая айнские селения юго-восточной части Сахалина, он отмечал, что многие айны «не так еще давно, лет 20—25 (написано в 1905 г. — М. В.) приезжали... осенью ловить в реке Такое кету. Обилие ее было здесь так велико, что река эта называлась «Реске най», т. е. «речка кормилица». Теперь же ловят кету и то в небольшом количестве жители одного с. Такое. Исчезновение этой ценной рыбы айны приписывают двум причинам: 1) постройке казенной мельницы на русле р. Такое, благодаря чему, рыба, которая стремилась всегда дойти до верховьев реки и ручьев и ловилась поздней осенью тысячами..., должна была поворачивать назад, встретив плотину мельничную, и потом бросила заходить в реку, которая стала такою негостеприимною и мешала рыбе исполнить свое предназначение...; 2) загрязнению реки. У айнов считается величайшим грехом бросать что-либо грязное в реку. Жители поселков: Николаевского, Красной речки, Дубков, Галкина-Враского, как это водится вообще среди русских, сваливают навоз и всякие нечистоты в реку».¹⁰

Беспокойство Б. Пилсудского вызывало и начинавшееся промышленное освоение Сахалина. Я читал, что вопрос о разработке на Сахалине нефти близится к осуществлению, — писал Б. Пилсудский. — Несвоевременно ли было бы позаботиться о том, чтобы при концессиях, которые могут иметь место, было выговорено условие не загрязнять устьев рек, а может быть значительного пространства берега моря вблизи них нефтью. Иначе легко произойдет обеднение и исчезновение

⁹ Там же.

¹⁰ Пилсудский Б. Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине. — С. 123.

рыбы. Нечего и говорить, как это разорительно будет и для русского населения и для туземцев».¹¹

От внимания исследователя не ушел и начинавшийся процесс переэксплуатации природных ресурсов Сахалина, вызванный значительным притоком пришлого населения: «уменьшенное... количество рыбы ловят теперь несколько тысяч лишних потребителей».¹² Хищническому истреблению подвергся соболь. Там, «где ловилось гиляками 6—7 соболей, русские добывают до 40 штук».¹³

Русская колонизация сопровождалась не только быстрым разрушением той природной среды, к которой аборигены Сахалина приспособлялись в течение столетий. «В силу необходимости колонизации острова» у них отбирались земли («Прежние хозяева всей обширной Тымовской долины теперь не могут сказать уверенно, что им принадлежит хотя бы тот клочок ее, на котором выстроены их юрты»)¹⁴ все удобные места для рыбного¹⁵ и охотничьего промыслов.¹⁶ Это (наряду с оскудением природных ресурсов) приводило сахалинских туземцев к быстрому обнищанию, частым голодовкам.

Серьезной проблемой было враждебное отношение части переселенцев к коренному населению. Это отношение нашло выражение в надругательствах над захоронениями сахалинских аборигенов («Все они знали о склонностях русских выкапывать могилы и страшно возмущались этим неуважением к праху умерших»);¹⁷ разрушении нивхских и айнских жилищ («Стоит только гиляку оставить свое жилище на время пустым, что бывает необходимо при переездах на берег в Арково или Натро, как, по возвращении, он найдет частичное или полное разорение своего хозяйства: то унесены все доски с нар, то крыша разобрана, то украдена оставленная менее ценная посуда, или вся юрта разрушена злою рукою поселенца. Неско-

¹¹ Латышев В. М., Прокофьев М. М. Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее. — Южно-Сахалинск, 1988. — С. 30-31.

¹² Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков — С. 5

¹³ Там же. — С. 24.

¹⁴ Там же. — С. 9.

¹⁵ Там же. — С. 5.

¹⁶ Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления айнов о. Сахалина» // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. — Южно-Сахалинск, 1986. — С. 138.

¹⁷ Пилсудский Б. О. Отчет Б. О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. — С. 36.

лько лет тому назад, вернувшиеся из обычной весенней перекочевки в Натро, гиляки селения Адо-Тынь, на месте своего большого села, нашли одни груды пепла. Оно было сожжено поселенцами, которым не нравилось близкое соседство гиляков»¹⁸,

Особенно ярко эта враждебность проявилась в период русско-японской войны 1904—1905 гг., когда русская администрация стала подозревать айнов в шпионаже в пользу Японии. «Курсировала легенда о тайной поездке айнов в Японию и о присяге на верность «японскому генералу», — отмечал Б. Пилсудский. — «...Появление каждого айна в Корсаковке многими объяснялось желанием шпионить и доносить о тех слабых укреплениях, которые тут делались. Подозрительность по отношению к айнам выросла до такой степени, что начальник округа попросил меня перестать принимать айнов в Корсаковке».¹⁹ Совершенно невыносимым в этот период стало положение так называемых искари-айнов,²⁰ в которых и русская администрация, и переселенцы видели главных виновников прояпонских настроений среди части сахалинских айнов. «Люди толпы всегда рады найти легкое решение сложного вопроса, отыскать причины на кого-либо крупного даже явления в каком-нибудь внешнем предмете, часто в отдельных живых людях, легко поддающихся устранению и удалению», — писал Б. Пилсудский в 1905 г. Над искари-айнами нависла реальная угроза выдворения с Сахалина.²¹

Б. Пилсудский одним из первых описал начало гибели старого мира малых народов Сахалина: «Жить и трудиться по-прежнему гилякам (как и другим сахалинским туземцам — М. В.) уже нельзя».²² Он же одним из первых попытался найти наименее болезненный выход из создавшегося положения. На рубеже XIX—XX вв. Б. Пилсудский приходит к выводу, что у малых народов Сахалина нет другого выхода, кроме как при-

способиться к новым условиям. В этих условиях «задача поселившейся на Сахалине нашей цивилизованной расы должна состоять в помощи дикарям перейти на высшую ступень культурного развития... Помимо постепенного приучения гиляков приобретать себе средства к существованию с меньшего пространства земли, чем прежде, необходимо и колонизацию острова вести не слишком односторонне, а всегда иметь в виду интересы инородцев».²³

Б. Пилсудским был разработан целый комплекс мер, претворение в жизнь которых по его мнению могло бы помочь малым народам Сахалина приспособиться к новым условиям. Наиболее полное выражение взгляды Б. Пилсудского нашли в его работах «Нужды и потребности сахалинских гиляков» и «Проект правил об устройстве управления айнов о. Сахалина». Итак, по мнению Б. Пилсудского, малым народам Сахалина для перехода на «высшую ступень культурного развития» необходимо:

1) перейти от рыбной ловли и охоты к скотоводству и земледелию (особое внимание следует уделить выращиванию картофеля);²⁴

2) ликвидировать мелкие селения и собрать сахалинских туземцев в нескольких наиболее удобных пунктах, что «облегчило бы работу для администрации»;²⁵

3) получить в собственность соболиные угодья;²⁶

4) развивать кустарные промыслы («У них (сахалинских аборигенов — М. В.) несомненно есть талант ко всякого рода вырезыванию из дерева, резьбе узоров и т. п.»);²⁷

5) организовать дешевый, а еще лучше бесплатный кредит;²⁸

6) развивать туземное самоуправление;²⁹

¹⁸ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 7.

¹⁹ Пилсудский Б. О. Отчет Б. О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. — С. 45—46.

²⁰ В 1875 г. по Петербургскому договору Япония уступила России все права на Сахалин. После этого несколько сот сахалинских айнов выехали на Хоккайдо, где поселились в долине реки Искари. С конца 80-х гг. XIX в. начинается процесс возвращения сахалинских эмигрантов на земли предков. Вернувшихся с Хоккайдо айнов называли искари-айнами.

²¹ Пилсудский Б. Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине. — С. 137.

²² Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 8.

²³ Там же.

²⁴ Там же. — С. 9. 11—12.

²⁵ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 10; Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления айнов о. Сахалина». — С. 131.

²⁶ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 23—24

²⁷ Там же. — С. 27.

²⁸ Там же. — С. 22

²⁹ Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления айнов о. Сахалина». — С. 131—134.

7) организовать доступную медицинскую помощь; лучше всего — «правильные периодические объезды врачами» туземных селений;³⁰

8) запретить открывать в стойбищах винные лавки, а также покупать «чего бы то ни было у инородцев за спирт»; для борьбы с пристрастием к спиртному учредить среди туземцев общества трезвости;³¹

9) ввести обязательное обучение детей в школах.³²

Б. Пилсудский верил в то, что претворение в жизнь разработанной им программы поможет малым народам Сахалина перейти на более высокую ступень культурного развития. «Способность первобытных народов перенимать культуру рас цивилизованных, — отмечал он, — доказана многими примерами. И где только приближались к первым для того, чтобы поделиться с ними приобретениями цивилизации, там достигали благоприятных результатов. Только не следует прибегать к насилию, действовать нужно убеждением, человечностью, кротостью и снисхождением».

Более восьми десятилетий прошло с того дня, как Б. Пилсудский навсегда покинул Сахалин. Но и сегодня мы снова и снова обращаемся к его научному наследию. Секрет этого интереса не только в нашем извечном стремлении глубже познать прошлое. Работы Б. Пилсудского позволяют нам лучше понять настоящее. Ведь процессы, замеченные и исследованные им на рубеже XIX—XX вв. имели продолжение и развитие на протяжении всего нынешнего столетия. Разработанная же Б. Пилсудским программа была частично претворена в жизнь в 20—80-е гг. XX в.

Первое, что бросается в глаза при изучении судеб малых народов Сахалина в XX столетии — это стремительное падение удельного веса малых народов Сахалина в общей численности населения острова в 20 — начале 50-х гг. Так, в 1926 г. доля коренного населения составляла 15,7 проц.³⁴ от общей

³⁰ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 27—28; Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления айнов о. Сахалина». — С. 141—143.

³¹ Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления айнов о. Сахалина». — С. 139—140.

³² Там же. — С. 143—144.

³³ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 8.

³⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. — Т. VII. — М., 1928. — С. 5, 30.

численности населения Северного Сахалина,³⁵ в 1931 г. — 4,63 проц.,³⁶ к 1959 г. доля коренного населения острова упала до 0,32 проц.³⁷ В 50—80-е гг. положение стабилизировалось. В 1970 г. доля коренного населения составила 0,38 проц.,³⁸ в 1989 г. — 0,37 проц.³⁹ от общей численности населения Сахалинской области.

Следует отметить, что стремительно снижается именно удельный вес коренного населения. Несколько иначе обстояло дело с изменением абсолютной численности аборигенов Сахалина. В 1897 г. на острове проживало 1969 нивхов, 749 ороков и 1443 айна.⁴⁰ В 1979 г. здесь проживало 2053 нивха (рост на 4,3 проц.), 317 ороков (сокращение на 57,7 проц.) и 3 айна (сокращение на 99,8 проц.).⁴¹ Таким образом, при относительном сокращении численности коренного населения в 41,1 раза, абсолютная численность сократилась всего в 1,8 раза.

Общее сокращение численности коренного населения было вызвано, прежде всего, послевоенной⁴² репатриацией в Японию подавляющего большинства сахалинских айнов и части ороков а также сильными ассимиляционными процессами, которые уже поставили под вопрос само существование такого этноса как ороки.

В настоящее время подавляющее большинство сахалинских аборигенов проживает в северных районах острова. На рубеже 70—80-х гг. в Охинском районе постоянно проживало 879 нивхов и 15 ороков⁴³ (соответственно 1,62 проц. и 0,03 проц. населения района), в Ногликском районе — 643 нивха, 132 орока и 2 айна⁴⁴ (соответственно 4,87 проц., 1 проц. и 0,015

³⁵ Южный Сахалин в 1905—1945 гг. входил в состав Японской империи.

³⁶ Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). — Ф. 54 — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 30.

³⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М., 1963. — С. 336.

³⁸ Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (НАСОКМ). — Оп. 3. — Д. 156. — Л. 2 об.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. — Т. 4. — М., 1973. — С. 117.

³⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Сахалинской области. — Т. 1 — (Южно-Сахалинск, 1990.) — С. 5—7.

⁴⁰ Патканов С. Указ. соч. — С. 982—983.

⁴¹ Численность и состав населения СССР — С. 99; НАСОКМ — Оп. 3 — Д. 139. — Л. 3.

⁴² После второй мировой войны.

⁴³ НАСОКМ. — Оп. 3. — Д. 139. — Л. 4.

⁴⁴ Там же.

проц. населения района), в Тымовском районе — 201 нивх и 1 орок⁴⁵ (соответственно 0,81 проц. и 0,004 проц. населения района), в Александровск-Сахалинском районе — 134 нивха и 2 орока⁴⁶ (соответственно 0,46 проц. и 0,007 проц. населения района), в Поронайском районе 121 нивх и 144 орока⁴⁷ (соответственно 0,28 проц. и 0,33 проц. населения района). Всего в районах преимущественного проживания малых народов Сахалина было сосредоточено 1978 нивхов, 294 орока и 2 айна, что составляло 1,37 проц. численности населения названных районов.⁴⁸ В 80-е гг. положение практически не изменилось.

подавляющее большинство населения Сахалина представляют переселенцы с материка (русские, украинцы, корейцы, татары, белорусы, мордва и др.). Их доля в населении Сахалинской области составляет 99,64 проц., в населении районов преимущественного проживания малых народов Сахалина — 98,67 проц.

Уже во времена Б. Пилсудского на Сахалине началось разрушение того равновесия между природой и человеком, которое складывалось и существовало здесь на протяжении тысячелетий. Остров мог без нарушения естественного равновесия прокормить именно то количество населения, которое находилось здесь вплоть до середины XIX в.⁴⁹ Колонизация Сахалина Россией, Японией, а затем и Советским Союзом была нацелена на превращение острова в сырьевой придаток метрополии. Все обладатели острова в XX столетии (независимо от национальной принадлежности и общественного строя) рассматривали его, прежде всего, как источник рыбы и морепродуктов, леса, целлюлозы, бумаги и картона, угля, нефти и газа.

Интенсивная вырубка лесов (наряду с ежегодными сильными лесными пожарами) привела не только к катастрофическому сокращению численности зверя и птицы, ареалов растений, употреблявшихся в пищу коренным населением Сахали-

⁴⁵ Там же. — Л. 5.

⁴⁶ Там же. — Л. 3.

⁴⁷ Там же. — Л. 4 об.

⁴⁸ Все данные за 1979 г.

⁴⁹ В статье «Нужды и потребности сахалинских гиляков» Б. Пилсудский цитирует К. Каутского: «Громадные территории дикарей кажутся почти совершенно не заселенными, но они, в действительности, населены настолько густо, насколько это возможно для некультурных охотничьих народов» /Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 5).

на, но и обмелению и пересыханию нерестовых рек и ручьев, их загрязнению. Одним из самых мощных загрязнителей природной среды стали целлюлозно-бумажные заводы Сахалина. Ни один из них не имеет очистных сооружений.

Вот уже более шести десятилетий на рыбные ресурсы Северного Сахалина (прежде всего, на лососевых) оказывает крайне негативное влияние нефтяная промышленность. В районах добычи нефти ею загрязнены реки и ручьи, морские заливы и побережья, почва. Претворение в жизнь планов по разработке нефтяных месторождений на северо-восточном шельфе Сахалина грозит обернуться настоящей экологической катастрофой не только для Северного, но и для Южного Сахалина.

Огромный вред среде обитания малых народов Сахалина приносят также сельское хозяйство (особенно работы по мелиорации, использованию ядохимикатов и неорганических удобрений, животноводство), работа всех видов транспорта, угольная промышленность, энергетика, деятельность геологических экспедиций и т. и.

В этих условиях на Сахалине ни сегодня, ни в перспективе не остается места для традиционных видов природопользования. Тотальное промышленное и сельскохозяйственное освоение острова привело к разрушению и загрязнению его экосистем, оскудению растительного и животного мира и, в конечном счете, к уничтожению основ традиционных культур его аборигенов.

Имел продолжение и замеченный Б. Пилсудским процесс изъятия у малых народов Сахалина земель, рыбных и охотничьих промыслов, других угодий. Здесь особо следует отметить период коллективизации, в результате которой малые народы Сахалина лишились не только промысловых угодий, но и значительной части другого имущества. Коллективизация на острове была проведена в рекордные даже для того времени сроки. Так, в 1935 г. в колхозах оказалось свыше 90 проц. нивхских и почти 100 проц. орокских хозяйств.⁵⁰ В целом по стране в колхозах в это время было 83,2 проц. всех крестьянских хозяйств.

⁵⁰ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.; Л., 1955. — С. 352.

Несмотря на тотальную коллективизацию, у малых народов Сахалина относительно долго продержались единоличные хозяйства. Так, в 1959 г. доля единоличников среди нивхов составляла 13,1 проц.⁵¹ (вместе с семьями — 14,2 проц.⁵²). Из 80 нивхов-единоличников, отмеченных переписью 1959 г., 21 занимался рыбным промыслом, 30 — охотой, 20 — извозом, 8 — портняжничали, 1 — не установлено.⁵³ Только в 60—70-е гг. единоличные хозяйства на Сахалине были почти полностью ликвидированы. К 1970 г. доля единоличников среди нивхов упала до 1,9 проц.,⁵⁴ к 1979 г. — до 0,9 проц.⁵⁵

Коллективизация в 30-е гг., ликвидация так называемых неперспективных колхозов, укрупнение колхозов привели к практически полному отчуждению труда малых народов Сахалина от его результатов. Ведь нивхские национальные рыболовецкие колхозы столь же мало похожи на кооперативы, как и колхозы российские. Орокский оленеводческий колхоз «Вал» вообще прекратил свое существование и вошел в состав убыточного совхоза «Оленевод». За шесть десятилетий на Сахалине полностью завершился процесс превращения мелких хозяев в наемных рабочих, которые слабо заинтересованы в конечном результате своего труда. При этом неважно в каком секторе трудится этот рабочий и к какой социальной группе его официально относят.

На сегодняшний день многие нивхи и ороки не заняты в традиционных для них отраслях производства (рыболовстве, морском зверобойном промысле, охоте, оленеводстве). Идет постепенное вытеснение их пришлым населением. Особенно это касается рыболовства и охоты.⁵⁶ Вместе с тем, малые народы Сахалина неохотно идут и в новые для них отрасли (нефтяную, угольную, лесную, целлюлозно-бумажную, энергетику, транспорт, сельское хозяйство и др.). Основная масса нивхов и ороков, оставивших свои традиционные занятия, в настоящее время занята низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом. Среди них много разнорабочих, грузчиков, уборщиц, сторожей, истопников.

⁵¹ ГАСО. — Ф. 3. — Оп. 12. — Д. 70. — Л. 150.

⁵² Там же. — Л. 159.

⁵³ Там же. — Л. 158.

⁵⁴ НАСОКМ. — Оп. 3. — Д. 156. — Л. 29.

⁵⁵ НАСОКМ. — Оп. 3. — Д. 139. — Л. 25 об.

⁵⁶ Сахалинский областной краеведческий музей (СОКМ). — № 3942-7.

Не имея возможности заниматься традиционными видами деятельности в государственном и колхозном секторах, малые народы Сахалина ограничены и в работе на себя. Так, коренное население острова, в рацион питания которого в течение многих столетий входили лососевые, имеет право ловить для себя не более ста килограммов лососевых на человека в год. Существенно ограничены также охота на зверя и птицу, морской зверобойный промысел. В этих условиях существование единоличных хозяйств у малых народов Сахалина крайне затруднено, а порой и просто невозможно.

С середины 20-х гг. многие идеи Б. Пилсудского начинают претворяться в жизнь. Правда, те, кто на практике помогал малым народам Сахалина совершить «гигантский скачок от первобытно-общинного строя в социализм», вряд ли подозревали о приоритете Б. Пилсудского. Они пришли к схожим рецептам самостоятельно. Просто и у Б. Пилсудского, и у проводников «ленинской национальной политики» на Сахалине было общее убеждение в преимуществах цивилизованных народов над отсталыми дикарями, а также общее стремление поднять туземцев на более высокую ступень культурного развития. Частично совпадали и представления о путях достижения данной цели.

«В первом ряду мер, имеющих целью улучшить экономическое положение гиляков, — писал в 1898 г. Б. Пилсудский, — должно стоять содействие главным образом тому, чтобы скотоводство и обработка земли стали для них более существенным занятием, чем охота и рыбная ловля».⁵⁷ Первые попытки претворить в жизнь идею превращения коренного населения Сахалина в земледельцев и скотоводов относятся к концу XIX в. Однако уже Б. Пилсудский заметил, с какой неохотой аборигены поддаются на уговоры заняться сельским хозяйством, как мешает это занятие рыбному промыслу: «Пришел май, надо приниматься за приготовление земли, и многие стали отнекиваться: то есть нечего и надо идти в Арково, где в это время уже идет корюшка, то некогда, так как надо готовить заездки для красноперки и голя, и т. п.»⁵⁸

В 1930 г. на Северном Сахалине в долине реки Тымь в селении Чир-во был организован первый нивхский сельскохозяйственный колхоз «Чир-Унвд». Два года спустя недалеко от

⁵⁷ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 9.

⁵⁸ Там же. — С. 13.

него был создан второй нивхский сельскохозяйственный колхоз «Советский Север». Вскоре оба колхоза были объединены. К 1937 г. в укрупненном «Чир-Унвде» трудилось 189 человек (около 50 нивхских семей). Посевная площадь составила 61 гектар. Главной сельскохозяйственной культурой был картофель.⁵⁹ Нивхи с огромными трудностями и неохотой переходили к новому для них виду деятельности. В конце концов сельское хозяйство так и не стало для них основным занятием. В настоящее время колхоза «Чир-Унвд» не существует. Он преобразован в полеводческую бригаду совхоза «Молодежный». В бригаде занято около 20 нивхов. Всего в сельском хозяйстве в настоящее время работает менее 3 проц. сахалинских нивхов (против почти 10 проц. в конце 30-х гг.).⁶⁰ В целом эксперимент по превращению нивхов в скотоводов и земледельцев окончился неудачей. Однако, необходимо отметить и тот факт, что он не принес коренному населению Сахалина существенного вреда.

Иными были последствия претворения в жизнь другой идеи Б. Пилсудского. А именно идеи собрать все коренное население в нескольких наиболее удобных пунктах. Правда, сам Б. Пилсудский сформулировал свое предложение следующим образом: «Следовало бы поговорить с тымовскими гиляками и посоветовать им собраться в нескольких наиболее удобных пунктах, что облегчило бы работу для администрации, а гилякам предоставило бы больше гарантий безопасности».⁶¹

Идея сбора нивхов в «нескольких наиболее удобных пунктах» была претворена в жизнь в 60—70-е гг. Многочисленные нивхские селения Северного Сахалина были признаны неперспективными и закрыты, а их жители переселены в поселки Ноглики и Некрасовку. Принимая решение о переселении, сахалинская администрация исходила из самых благих побуждений. Прежде всего, имелось в виду создание условий для быстрого роста благосостояния и культуры коренного населения Сахалина. Однако решение о закрытии подавляющего большинства нивхских селений на острове было принято не только без учета мнения многих аборигенов, но и несмотря на их сопротивление и протесты. В результате переселения две

трети туземного населения оказалось сосредоточено в двух населенных пунктах: поселке городского типа Ноглики и селе Некрасовка. Уже в 70-е гг. стали очевидны негативные последствия этого поспешного шага. Ноглики и Некрасовка удобны для администрации, но неудобны для коренного населения. Это неудобство объясняется, прежде всего тем, что оба поселка на сотни километров удалены от основных промысловых угодий. В итоге многие нивхи отошли от рыболовного промысла и других традиционных занятий.

Закрытие большинства нивхских селений не только нанесло смертельный удар по старому укладу, но и породило целый ряд новых серьезных проблем. Концентрация подавляющего большинства сахалинских нивхов в двух плохо приспособленных для традиционных занятий населенных пунктах, остро поставила проблему занятости. К ней следует добавить проблемы языка (в крупных населенных пунктах нивхи попали в русскоязычную среду), жилья, снабжения продовольствием и т. п. В настоящее время среди коренного населения все чаще звучат призывы к возвращению на старые места. Вместе с тем, часть нивхов уже не хочет никуда переселяться. В Москву идут письма как с требованиями вернуть нивхов в старые селения, так и с требованиями ничего не менять. Но, учитывая старый опыт, и те и другие опасаются, что этот важнейший вопрос вновь будет решен за нивхов, без их участия.

Отмечая вслед за Б. Пилсудским негативные тенденции в сферах экологии, труда и занятости, межнациональных отношений (все эти тенденции получили дальнейшее развитие и имеют место сегодня), мы не можем не заметить и другую тенденцию, отчетливо проявившуюся на Сахалине с 20-х гг. XX в. Социальная политика советского государства в значительной степени смягчила влияние большинства негативных тенденций на малые народы Сахалина. Неблагоприятная экологическая обстановка, лишение коренного населения возможности заниматься оптимальными для него традиционными видами деятельности не привели к разорению и гибели сахалинских аборигенов. Государство, постоянно вмешиваясь в дела коренного населения, мешая ему самостоятельно принимать решения по наиболее важным вопросам, в то же время не бросало его на произвол судьбы.

Среди других претворенных в жизнь идей Б. Пилсудского следует отметить организацию доступной медицинской помощи и не только доступного, но и обязательного образования для малых народов Сахалина.

⁵⁹ Нивхи // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 877—878; Таксами Ч. М. Нивхи. — Л., 1967. — С. 64—65.

⁶⁰ ГАСО. — Ф. 3. — Оп. 12. — Д. 76. — Л. 152—153.

⁶¹ Пилсудский Б. Нужды и потребности сахалинских гиляков. — С. 10.

Как и большинство исследователей малых народов Сахалина второй половины XIX—начала XX вв., Б. Пилсудский писал о страшных эпидемиях, «уносивших массу жертв в могилу». ⁶² Наибольший урон коренному населению наносили эпидемии оспы, тифа, холеры, гриппа, кори. ⁶³ Произошедшее в результате эпидемий сокращение численности сахалинских туземцев поставило их на грань исчезновения. «Мы говорим не о процессе постепенного вымирания отдельных семей, а главным образом о процессе катастрофического вымирания», — писал товарищ и коллега Б. Пилсудского Л. Штернберг. ⁶⁴

После установления в 1925 г. на Северном Сахалине Советской власти в туземных селениях начинают открываться медицинские пункты, работают летучие отряды Российского общества Красного Креста. Эти подвижные отряды проводили массовые медицинские обследования, вели широкую профилактическую и санитарно-просветительную работу. Организация действенной медицинской помощи, оздоровление быта, усвоение правил санитарии и гигиены остановили процесс вымирания малых народов Сахалина.

Вместе с тем, смертность у коренного населения Сахалина осталась очень высокой. В 30-е гг. она составила в среднем около 36 умерших на 1000 человек населения в год ⁶⁵ (примерно, в 2 раза выше, чем в среднем по стране), в 50-е гг. — 23,3, на 1000 человек ⁶⁶ (примерно, в 3 раза выше, чем в среднем по стране), в 60-е гг. — 17,1 на 1000 человек ⁶⁷ (примерно, в 2 раза выше, чем в среднем по стране), в 70-е гг. — 15 на 1000 человек ⁶⁸ (примерно, в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране). Чрезвычайно высока детская смертность. В 70-е гг. до года не доживали в среднем 5 из каждых 100 родившихся нивхов ⁶⁹ и 11 из каждых 100 родившихся ороков ⁷⁰ (то есть младенческая

⁶² Пилсудский Б. Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине. — С. 130—131.

⁶³ Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. — Хабаровск, 1916. — С. 158—159.

⁶⁴ Штернберг Л. Я. Социальная организация гиляков // Гиляки, орочи, гольды, пегидальцы, айны. — Хабаровск, 1933. — С. 201.

⁶⁵ ГАСО. — ф. 3. — Оп. 12. — Д. 76. — Л. 117.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. — Л. 35.

⁶⁸ Архив отдела здравоохранения Сахалинского облисполкома (АОЗСО). — Оп. 1. — Д. 31а. — Л. 2.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. — Л. 3.

смертность у нивхов в 2, а у ороков в 4 раза превосходит среднесоюзный показатель). В итоге средняя продолжительность жизни у малых народов Сахалина почти в полтора раза ниже, чем в среднем по стране. ⁷¹

Причина столь тяжелого положения кроется, прежде всего, в алкоголизации коренного населения. Так, почти 60 проц. всех умерших нивхов и ороков рабочих возрастов (15—59 лет) погибают от несчастных случаев, связанных с алкогольным опьянением. ⁷² Пьянством родителей чаще всего объясняется и высокая детская смертность. Все это сводит на нет большую работу сахалинских медиков, которые ежегодно осматривают 92—93 проц. коренного населения с целью выявления ранних форм заболеваний. Выявленные больные берутся на диспансерный учет и лечение. ⁷³

На рубеже XIX—XX вв. Б. Пилсудский сделал первые практические шаги в деле организации народного образования среди малых народов Сахалина. Так, уезжая в 1899 г. с Сахалина, он взял с собой во Владивосток одаренного молодого нивха Эндына. Б. Пилсудский хотел дать ему образование с тем, чтобы потом, вернувшись на родину, Эндын стал учителем. Этим планам не суждено было сбыться из-за ранней смерти молодого нивха. ⁷⁴

Вернувшись в 1902 г. на Сахалин, Б. Пилсудский начинает хлопотать об устройстве школы для айнов. Осенью 1903 г. в селении Найбучи такая школа была открыта. В ней Б. Пилсудский учил айнов арифметике и русскому языку. Число учеников колебалось от 6 до 10. Занятия в школе были прерваны начавшейся русско-японской войной. ⁷⁵

Большое внимание проблеме обучения коренного населения Б. Пилсудский уделяет в проекте «Об устройстве управления айнов о. Сахалина», подготовленном им в 1903—1905 гг. «В каждой волости открывается не менее одной школы грамоты с желательным практическим обучением ремесел (плотничьего, столярного, кузнечного и т. п.), огородничества, земледелия и в особенности знаний, полезных при рыбных промыслах.

⁷¹ Там же. — Л. 4.

⁷² АОЗСО. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 3.

⁷³ НАСОКМ. — Оп. 3. — Д. 158. — Л. 1-2.

⁷⁴ Латышев В. М., Прокофьев М. М. Указ. соч. — С. 15.

⁷⁵ Латышев В. М. Б. О. Пилсудский и айнские школы на Сахалине // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. — Вып. V, — Южно-Сахалинск, 1987. — С. 13—15.

Средства на оборудование и содержание школ должно дать государство... Школы будут служить сильным средством для скорейшего слияния инородцев с русскими; надо только представить школам чисто светский характер и поставить дело на возможно практическую почву. Задача в том, чтобы не отвлекать детей от родной среды.., а напротив, стараться дать такие знания, которые позволяли бы иметь детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители... Обучение в школах носит обязательный характер для детей обоего пола».⁷⁶

При жизни Б. Пилсудского эти идеи не нашли применения. Вплоть до середины 20-х гг. коренное население Сахалина оставалось практически полностью безграмотным. С установлением на Северном Сахалине Советской власти положение быстро меняется. С 1925 г. в туземных селениях появляются школы, начинается ликвидация неграмотности среди взрослого населения. В основном неграмотность среди нивхов и ороков была ликвидирована к концу 50-х гг.⁷⁷ Однако и сегодня среди коренного населения встречаются люди, не умеющие читать и писать.

В настоящее время подавляющее большинство нивхов и ороков получает образование в Ногликской восьмилетней и Некрасовской средней школах-интернатах санаторного типа. Кроме того, коренные жители острова учатся в Чир-Унвдской начальной, Виахтинской восьмилетней и Поронайской восьмилетней № 3 школах. При всех названных школах созданы интернаты для детей малых народов Сахалина. Дети нивхов и ороков принимаются в интернаты на полное государственное обеспечение (независимо от места жительства и достатка родителей).

После получения среднего образования нивхи и ороки пользуются льготами при поступлении в ряд средних специальных и высших учебных заведений (прежде всего, педагогических и медицинских).

Как и предвидел Б. Пилсудский, школы действительно стали «сильным средством для скорейшего слияния инородцев с русскими». Этому в значительной степени способствовало то, что принятые на полное государственное обеспечение дети

⁷⁶ Латышев В. М. Проект Б. О. Пилсудского «Об устройстве управления аннов о. Сахалина» — С 143—144

⁷⁷ ГАСО. - Ф. 3. - Оп. 12. - Д. 76. — Л. 17, 105.

нивхов и ороков на длительное время отрываются от своих семей. Родители избавлены не только от забот о содержании детей (за все платит государство), но и от прав и обязанностей по их воспитанию. В результате рушится естественная связь между поколениями. Обучение в национальных школах до недавнего времени велось исключительно на русском языке. Только с 1981 г. в начальной школе (0—3 классы) вводится изучение нивхского языка. Но к этому времени нивхским языком свободно владели 37,4 проц. сахалинских нивхов (причем, считали его родным только 29,1 проц.). 70,9 проц. сахалинских нивхов считали родным русский язык, 97,3 проц. — владели им свободно. Ни дети, приступившие сейчас к изучению нивхского языка, ни подавляющее большинство их родителей этого языка не знают. Поэтому изучение нивхского языка в начальной школе вряд ли приостановит процесс перехода нивхов к русскому языку.⁷⁸ Об изучении орокского языка вопрос не поднимался.⁷⁹

Вместе с тем, пожелание Б. Пилсудского о том, чтобы в школах детей малых народов Сахалина учили ремеслу, сельскому хозяйству, и, самое главное, давали знания, «которые позволили бы иметь детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители», так и не было претворено в жизнь. В результате национальные школы выпускают молодых людей, плохо подготовленных к трудовой деятельности. Меньше всего готовы они к работе в традиционных отраслях.

Еще на рубеже XIX—XX вв. Б. Пилсудский осознал необратимость колонизации Сахалина «цивилизованными расами». В этих условиях он видел для коренного населения острова только один выход: приспособиться к новым условиям. Время показало, что приспособиться удалось чрезвычайно дорогой ценой. В процессе освоения Сахалина Россией, Японией, Советским Союзом коренное население постоянно теряло свои основные этнические свойства — традиционную материальную и духовную культуру, язык. В настоящее время процесс культурной нивелировки сахалинских аборигенов близок к завершению. Приостановить его сегодня практически невозможно.

⁷⁸ Подробнее см.: Высокое М. С. Современная языковая ситуация в районах проживания сахалинских нивхов //Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. — Вып. II. — Южно-Сахалинск, 1985. — С. 71—75.

⁷⁹ В 1979 г. 30,6 проц. ороков считали родным орокский язык, 36,6 проц. — владели им свободно. 69,4 проц. ороков считали родным русский язык, 92,7 проц. — владели им свободно (Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. — С. 99).

ЗАМЕТКИ О ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ У АЙНОВ

Среди многих все еще малоизученных областей айнских исследований особенный интерес ученых привлекает внутренняя история айнов, т. е. история развития айнских социальных институтов, поскольку только знание внутрисоциальной истории даст нам в конце концов возможность найти ключ к пониманию вопроса: почему айнская культура сформировалась менее 1000 лет назад и оказалась столь надежно защищенной от опасности влияния японской культуры, несмотря на мощное политическое давление.

К сожалению, исторические источники на эту тему почти отсутствуют и нам предстоит искать иные пути, чтобы получить ответы на все интересующие нас вопросы. Есть, впрочем, один из традиционных путей к такой цели — археологические исследования. Япония дает нам наглядный пример, когда изучение темы формирования государства в японском обществе средствами археологии дает весьма яркие результаты. Древнее японское общество, насколько мы знаем о нем по результатам раскопок и письменным источникам, — любопытным образом ассоциируется с айнским обществом, в том его виде, в каком оно описано в произведениях айнского эпоса.

Рассматривая историю Японии, мы обнаруживаем в ней ряд социальных образований, каждое из которых представляло собой карликовое государство, имевшее четкую структуру расслоенного общества. Эти более или менее независимые государства имели, однако, много общих черт в материальных культурах. Все они имели некий общий стандарт ценностей, принятый в элитных слоях этих маленьких государств. Некоторые ученые считают, что на последующий процесс формирования единого японского государства, в первую очередь, повлияла общность религии.

Джина Ли Барнс, во многом способствовавшая нашему пониманию процесса формирования государства в Японии (1), разработала модель равноценных связей в Восточной Азии, которая способствует пониманию процесса формирования государственности (не только в Японии) без какой-либо имитации китайского и (или) корейского образца, якобы подменявших влияние внутреннего (или национального) японского фактора на весь ход этого процесса (2).

Точкой отсчета (особенно в японском контексте) Барнс полагает отношения между факторами «внутригрупповых» (ути) и «внегрупповых» (сото), — тема, не раз дебатировавшаяся в научных кругах. Она достаточно ярко рассмотрена, например, историком Тиэ Наканэ в классическом труде по исследованию истории японского общества (3). Его концепция может быть отнесена и к привилегированным слоям выше названных образований, похожих на карликовые самостоятельные государства. Члены этих элитных группировок дифференцировались — с одной стороны — внутри собственного социума (т. е. выделялись из массы простонародья), с другой — противостояли элитным группам соседних государственных образований (имеется в виду элитарный момент во взаимоотношениях привилегированных слоев). Роль этих двух факторов Джина Барнс оценивает следующим образом:

«Интенсивность, с которой члены элитных групп идентифицировались внутри собственного социума, позволит установить: распределялись ли привилегированные должности и сферы влияния между неким объединением высших слоев разных государственных образований, или — главный принцип строительства иерархии внутри государства диктовался исключительно собственными (внутренними) социальными различиями. Если идентификация носила, главным образом, локальный характер, взаимодействие могло способствовать обмену различными идеями, предметами материальной культуры между этими сообществами (государствами), после чего аналогичный процесс уже осуществлялся в каждом отдельном социуме. Если интересы элитных группировок обуславливались мотивациями внутреннего характера, — они могли привести к «балканизации», т. е. к усилению изоляционистских тенденций при отсутствии какой-либо интеграционной системы, связывающей эти разобщенные структуры. С другой стороны, если идентификация каждой группы проходила исключительно в замкнутых условиях, дальнейшие взаимосвязи могли привести к сохранению или воспроизводству торговых процессов или обмену идеями с последующей минимальной экстраполяцией. Так образовалась символическая гомогенетическая среда, поскольку именно она представляла собой общность внутри более широкой элитной группы. Этим и объясняется прочность таких сообществ, гарантирующая их сохранение на будущее. Если же интересы элиты были обращены вовне, это неизбежно конформировало социальные структуры общества, тем более, в условиях некоторой гомогенетической общности. Такая

конформация обуславливается сознанием принадлежности к своей социальной группе, а не какими-либо практическими ображениями или выгодами» (4).

Столь длинная цитата приведена здесь потому, что она дает яркое представление о различных формах социальной ориентации элитных группировок: дробление (как это случилось на примере Древней Греции) или — интеграция (как в Древней Японии) (5).

Если формирование элитной субкультуры представляет собой (как утверждает Барнс) «объективизацию социального расслоения в материальной сфере», то предпосылкой к формированию самой элиты, естественно, является «выделение качественно отличных материальных объектов, обладание которыми символизирует принадлежность к элитной группе». Таким образом, обнаружив в обществе наличие «местной элитной группировки в форме взаимодействующей и взаимосвязанной системы», мы можем с уверенностью утверждать, что она несомненно наделена комплексом самых престижных товаров, которые государство отдает во владение своих самых привилегированных слоев — элитных групп (6).

Если мы попытаемся применить подобный пример Японии к айнскому обществу, нам прежде всего следует уяснить: когда именно айнское общество начало претерпевать значительные качественные перемены под влиянием ряда факторов. Как я уже говорил выше, в данной статье мне хотелось бы исследовать айнское общество в том его виде, в каком оно отображено в айнском эпосе, т. е. рассмотреть ту часть айнской истории, когда айнская культура находилась на пике своего расцвета (XIV—XVI вв.).

До нынешнего времени традиционный айнский эпос изучался, главным образом, японскими учеными, придававшими вполне понятное особое значение лингвистическому методу — путем записи и расшифровки произведений фольклора. Самые известные исследователи в этой области — Кесукэ Киндайти, Масио Тири и Ицухико Кубодэра. Из ученых-неяпонцев можно назвать Николая Невского, собравшего значительное количество эпических текстов хоккайдских айнов, и Бронислава Пилсудского, заложившего фундамент в дело изучения сахалинских айнов, собравшего большое количество фольклорного материала. Однако до настоящего времени отсутствует систематическое исследование содержания айнского эпоса. Дональд Л. Филиппи сделаны некоторые ценные намеки в предисловии к собственному переводу айнских эпических текстов.

Он анализирует их не только с позиций лингвистики, но и как историк, исследователь культуры. К сожалению, эта весьма ценная в сфере айнских исследований научная работа по сей день даже не опубликована.

Филиппи дает яркое описание айнского общества, взятое из эпических текстов:

«Айнское население представляет собой социально расслоенные группы («утар»), возглавляемые семействами вождей по праву наследования власти. «Утар» строился на базе фиктивного родства и имел военную организацию. Правящие семейства, называвшие себя «утарпа» («глава утара») или «нишпа» («вождь»), представляли собой слой военной элиты. Мужчины «высокого происхождения» уже с рождения предназначались к военной службе; высокородные женщины проводили время за вышиванием и шаманскими ритуалами («тусу»). Семья вождя имела жилище внутри укрепления («тяси»), окруженного земляной насыпью (также называемой «тяси»), обычно под прикрытием горы или скалы, выступающей над террасой. Вместе с семьей вождя внутри укрепления обычно находились слуги и рабы («ушию»). Они занимались охотой и выполняли домашнюю работу. Как правило, вождь имел большую лодку, специально построенную для него, и торговал с японцами (...). Местные вожди накапливали большие запасы японских товаров, это было их богатством, их привилегией.

Простые люди, которых называли «усэкур» или «вэнкур», обычно обитали в поселениях, расположенных за пределами укреплений «тяси», и могли входить внутрь укрепленной зоны только в случаях нападения врага. В эпосе часто подчеркивается социальное различие высокородных людей и простолюдинов — в одежде и даже внешнем облике. Понятно, что массы находились в подчинении у правящих семей, имевших право селиться внутри укреплений» (7).

Развитие айнского общества, описанное Дональдом Филиппи на основе фольклорных материалов, полностью подтверждается результатами археологических раскопок на Хоккайдо (8), и мы можем с полным основанием заключить, что его описание общественных структур айнского общества не вызывает никаких сомнений. Филиппи дал нам картину расслоенного общества и его элитного слоя, представлявшего собой абсолютную гомогенетическую общность на всей территории проживания айнов. Хотя, несомненно имелись и какие-

то региональные вариации. Главное впечатление от исследования Филиппи: айнское общество весьма идентично японскому обществу той поры, когда оно еще не вступило в фазу централизации, формирования единого государства, — процесса, достаточно подробно описанного в китайских хрониках.

К сожалению, мы имеем весьма скудную информацию о взаимоотношениях между различными айнскими сообществами. Но, тщательно изучив айнский эпос, мы вправе прийти к выводу об отсутствии какой-либо верховной единой власти над всеми айнскими общинами, т. е. какого-то айнского «короля» над всем айнским «народом». Сохранилось немало сведений о войнах между различными айнскими группировками и мы знаем из эпоса, что воюющие стороны соблюдали некие общие для всех правила и ритуалы, как, например, процедура вызова соперника на поединок. Несколько подобных примеров можно найти в известной эпической поэме «Кутуне шарка» (9). В описании одного из многочисленных сражений есть такой эпизод. Воин говорит своему противнику: «Перед началом битвы мы испытываем себя в поединке. Каким бы прославленным бойцом ты ни был, дай противнику подняться с земли и только потом продолжай борьбу» (10). Описание другого ритуала мы находим в эпической поэме, герой которой Пойяунпе рассказывает:

«Он вызвал меня на поединок, в котором соперники обхватывают друг друга левой рукой, а правой наносят удары так, что невозможно даже перевести дыхание («арке кошпе арке пасе усампе тушмак»). Потом по сигналу — наносят друг другу удары копьями и кинжалами (...). Мы бились до тех пор, пока от нас остались одни лишь позвоночники, и тут я потерял сознание» (11).

Есть и третья форма поединка, также упоминаемая в эпической поэме. Один из врагов Пойяунпе кричит ему: «А теперь давай драться дубинками!» Пойяунпе соглашается. Далее он рассказывает:

«Я срубил толстое дерево и вырезал из него дубину. Все воины сказали: «Ну, кто выживет после удара такой дубиной?» Я пошел, встал под деревом и сказал: «Давайте помоемся храбростью. Кто первый ударит меня?»

Укампешка (враг Пойяунпе) поднял свою дубину и начал ею размахивать (...). Как только дубина пошла вниз, я отскочил за дерево, и удар пришелся по его стволу. Так ему и не

удалось ударить меня, я всякий раз прятался за дерево. Потом Укампешка-ун-кур встал под дерево. Первым же ударом я поверг его на траву» (12).

Такой вид поединка оставался распространенным среди айнов довольно продолжительное время. Один из самых ранних миссионеров к айнам француз Эжен-Эммануэль Мерме де Кашон (13) дает очень подробное описание похожего типа поединка, в котором противники по очереди лупят друг друга по спине тяжелой дубиной. Видимо, во времена Мерме де Кашона такой вид поединка был своего рода испытанием на выносливость и довольно распространенным способом разрешения конфликтов. Молодые люди специально тренировали свои спины, чтобы закалить свое тело, сделать его способным выдерживать даже удары тяжелой дубиной.

Но мы отклонились от нашей темы — айнское общество в первобытное время. Мы видим, что поединки имели несколько ритуализированную форму в различных группах айнского общества и были связаны как с испытанием на выносливость, так и с религиозными обрядами айнов. Естественно, это не может служить прямым свидетельством системы ценностей и верований, свойственной элитарным слоям, но оставляет немало намеков на такую вероятность. Другой аргумент в пользу наличия элитной субкультуры во всех айнских сообществах, — отсутствие в эпосе каких бы то ни было упоминаний о различии культур элитных слоев разных структурных образований. Даже заклятые враги айнов — «реп-ун-кур» (14) в эпических поэмах изображены как родственные айнской культуре; поэтому не удивительно, что смешанные браки между ними были обычной практикой (15).

Существует еще одна позитивная точка зрения на родство внутри элитных субкультур различных айнских сообществ. Все они почитали японские товары (главным образом, лаковую посуду и оружие). Нечто подобное наблюдалось и в ранних элитных слоях японского общества, где высоко ценились предметы роскоши китайского и корейского производства. Разница, однако, заключается в том обстоятельстве, что японцы вскоре начали сами производить необходимые им товары в своей собственной стране, копируя китайские и корейские образцы. Айны же продолжали довольствоваться тем, что получали от торговых сделок с японцами. Можно с уверенностью утверждать, что возможность торговать с японцами и совершать с этой целью поездки в их страну — была привиле-

гией айнской знати, простые люди такой возможности не имели. А термин «ираукетупа» принято относить не только к совершающим торговые поездки айнам, но и к айнским богам («айну мошир»), посещающим землю в облике различных животных (16).

Если верна версия о том, что торговые поездки в Японию были привилегией айнской знати, мы нащупаем одну из причин (возможно, не единственную), по которой отсутствовало развитие прогрессивных технологий в айнском обществе, тогда как такие процессы проходили довольно активно в раннем японском обществе, когда создавались все новые и новые товары собственного производства, что, в свою очередь, способствовало внутреннему развитию и самого японского социума. Вероятнее всего, айнское общество несколько остановилось в своем развитии на фазе расцвета культуры еще до того, как распалось и приняло форму, описанную первыми европейскими исследователями, наблюдавшими айнов в течение XIX столетия.

Айны так и не продвинулись от разрозненных общин с унифицированной элитной субкультурой к созданию объединенного государства. По сей день неизвестно, послужила ли тому причиной вышеупомянутая стагнация айнской культуры или на это повлияли какие-то иные факторы. Тем не менее, мы можем рассчитывать на то, что дальнейшее изучение айнского эпического творчества в сочетании с археологическими исследованиями помогут нам когда-нибудь прийти к более полному и глубокому пониманию проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Джина Ли Барнс. Древняя Ямато: Археология первого японского государства. Энн Арбор, 1988.
2. Барнс, Дзи хао дон хао: равноценные связи в Восточной Азии — в сборнике «Взаимовлияния государств и социополитические перемены», под ред. Колин Рэнфрю и Джона Ф. Черри, Кембридж, С. 79.
3. Тиэ НАКАНЭ. Японское общество. Хэрмондсуорт, 1973.
4. Барнс. Дзи хао дон хао. — С. 82.
5. Там же. — С. 83 — Барнс утверждает: «Политическая власть», с которой обычно ассоциируют культуру могильных курганов в Японии, «не только контролировала обширный регион распространения этой культуры, но и образовала систему политических взаимоотношений, основанную на групповой идентичности».
6. Там же. — С. 83.
7. Дональд Л. Филиппи. Песни богов, песни людей: эпические традиции айнов. — Токио, 1979. — С. 12.

8. Норберт Р. Адами. Религии и шаманизм у айнов Сахалина (Карафутто) Бонн 1989 — С. 8. Далее сахалинская тема: Норберт Р. Адами, «Предыстория Сахалина» — в сборнике «Ориенс экстремус», готовится к печати.

9. Есть несколько версий этой поэмы. Две из них были опубликованы в переводе на японский язык Киндаити КЕСУКЭ — во 2-ом томе его «Айну дзесиси» — «Изучение юкара» (Токио, 1931 и несколько переизданий). Третья версия была записана Мотодзо НАБЭДЗАВА (Айнское имя — Мотоанрек) в его «Айну дзесиси» — «Кутуне ширка» (Момбэцу, 1965). Изложение содержания этой известной эпической поэмы на английском языке (основанное на трех упомянутых вариантах и двух неопубликованных, но записанных Ицухико КУБОДЭРА) издано Дональдом Л. Филиппи в его бюллетене «Маратто», № 0.3, 1977.

10. Филиппи. Указ. соч. — С. 34.

11. Там же. — С. 38.

12 Там же. — С. 42.

13. Э.-Э. Мерме де Кашон. Айны: происхождение, язык, обычаи, религии. — Париж, 1863. — С. 12.

14. «Реп-ун-кур» означает: «люди моря», что дает серьезное основание отнести их к народу охотской культуры. В эпических поэмах айны называют себя «я-ун-кур» («люди земли»).

15. Дональд Л. Филиппи. «Люди моря» (Репункур) //«Маратто». № 2. — 1977. С. 30. Он утверждает идентичность «реп-ун-кур» с народом охотской культуры, упомянутым им в предыдущих работах (С. 32): «Несомненно, эпические поэмы отражают целый комплекс исторических процессов во взаимодействии двух различных народов, — одного сухопутной ориентации с занятиями охотой и речным рыболовством, другого — морской ориентации с охотой на морских млекопитающих. Какое-то время эти народы мирно сосуществовали бок о бок, каждый занимал свою «нишу» (...). Затем они стали враждовать и воевать друг с другом. Но если принять во внимание смешанные браки между ними, можно предположить, что «люди моря» в конце концов ассимилировались с айнами.

16. Филиппи. «Песни богов...». — С. 52. О религиозной концепции айнов и о понятии «богов» («камун») и о связях с природой. — См. Адами, «Религии...». — С. 50.